Альберт Кайков

Исторические встречи

Альберт Кайков

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

Повести и рассказы

Новосибирск, 2018

ББК 84 (2Рос-Рус)
К 15

Кайков А. С.
К 15 Исторические встречи. Повести и рассказы.
Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2018. – 200 с.

ISBN

В очередной книге Альберт Сергеевич Кайков описывает мир знакомых ему людей, проживающих в далёком прошлом и в наши дни. На фоне исторических событий в стране показывает судьбы людей, попавших под колесо истории – раскулаченных, репрессированных, доживших до наших дней и обожжённых перестройкой.

Автор показывает, какие колоссальные изменения произошли в обычаях и жизни людей за небольшой исторический период времени. Думается, что хорошо написанная познавательная книга будет интересна читателям.

© Кайков А. С., 2018

Об авторе

Альберт Сергеевич Кайков родился 8 мая 1932 года на Южном Урале, в городе Аша Челябинской области. Бревенчатый дом родителей стоял на берегу реки Сим, впадающей в Белую. За рекой поднимались Уральские горы, покрытые липовым лесом. Весной запах цветущих лип разносился в воздухе. На берегу реки всегда сидели с удочками рыбаки. Маленький Алик много времени проводил около них и с раннего возраста пристрастился к рыбалке.

Мама – Мария Алексеевна – работала учителем в младших классах, папа – Сергей Фёдорович – мастером-строителем. Кроме него, в семье росли младшие брат и сестра. О детях заботилась бабушка Надежда Яковлевна. На её плечах также было большое хозяйство: корова, свиньи, гуси и куры. Алик всегда ждал с нетерпением вечера, когда мама перед сном читала ему «Сказки дядюшки Римуса», «Три поросенка», «Синюю бороду», «Буратино», «Конька-Горбунка», позже сказки А. С. Пушкина и многие другие.

В выходные дни зимой все соседи выходили на замёрзшую реку кататься на коньках. Отец усаживал Альберта на санки, привязывал их к поясу, а сам на коньках бороздил лёд. Сергей Фёдорович был заядлым рыбаком и охотником. Его страсть передалась сыну.

Когда Алику было шесть лет, отец брал его на ночную рыбалку. Рыбу ловили бреднем или лучили. Перед носом лодки в корзине, сплетённой из проволоки, горел костёр. Отец стоял в носу лодки с острогой в руке, а сосед дядя Миша, сидя в корме, управлял лодкой одним веслом. Костёр освещал пространство около лодки и открывал удивительный подводный мир. Среди травы, около камней и коряг можно было видеть налимов, щук, голавлей и множество мелкой рыбёшки. Это было удивительное зрелище, которое запомнилось мальчику на всю жизнь.

В дни, когда отец зимой уходил на охоту, Алик не ложился спать в установленное время, а ждал его возвращения. Отец всегда приносил зайца. Мальчик подолгу разглядывал его. В нём боролись два чувства: жалость к убитому зверьку и радость от возможности разглядывать его и держать в руках. Вероятно, в тот период у него появилась страсть к охоте, которая сохранилась на всю жизнь, а тема охоты стала основной в произведениях будущего писателя.

К Новому году отец привозил на санях, запряжённых лошадью, из леса ёлку, обычно с шишками. Начиналась длительная подготовка к Новому году. Дети учили стихи и песни, по вечерам с мамой делали украшения для ёлки: разных зверей из ваты, которых обмазывали клейстером. Особенно детям нравилось выдувать яйца. Мама на скорлупе рисовала мордочки поросят, зайцев, мышей, приклеивала ножки и хвосты. Под Новый год ёлку наряжали всей семьей. Первого января приходили

приятели родителей со своими детьми. И начинался праздник.

В остальное время Алик был предоставлен самому себе. Летом целыми днями пропадал на реке с товарищами, где они купались и ловили рыбу. Основными играми были прятки, городки и лапта. В его детской жизни, как у медали, были две стороны: светлая, которая описана, и тёмная.

Перед войной родители решили переехать в город Анапу Краснодарского края, чтобы дети могли вволю есть фрукты и купаться в море. Купили саманный домик с большим садом. Была весна, и весь город представлял собой огромный цветущий сад. Вдоль тротуаров росли акации. Во время цветения они напоминали деревья, засыпанные снегом.

В Анапе Альберт окончил первый класс. Через год началась война, отец ушёл на фронт. Началась темная сторона детства, которое, по сути, закончилось в девять лет. На руках мамы было трое детей и бабушка. Часть мужской работы пришлось взять на себя старшему сыну.

Недалеко от их дома, на соседней улице, находилась Морская школа, в которой готовили моряков для Черноморского флота. Немцы с первых дней войны методично по ночам бомбили этот объект. Первоначально жители с интересом наблюдали за ночным небом, по которому шарили прожекторы. Иногда в пересечение лучей прожекторов попадал вражеский самолёт, начинали стрелять зенитные орудия. Однажды немецкий самолёт был сбит.

Ликовали все без исключения. Вскоре интенсивность бомбёжек увеличилась, бомбы часто разрывались вблизи жилых домов. Жители стали копать в садах траншеи и бомбоубежища, в которых укрывались при объявлении воздушной тревоги. Бомбоубежище представляло узкую траншею глубиной меньше двух метров, перекрытую досками и присыпанную землей. Во время разрывов бомб земля сыпалась на головы и спины. Этот период жизни Альберт Кайков описывает в стихотворении:

Налёты были в темноте,
Чтоб не погибнуть в суете,
Мы очень часто под кровать
Ложились все в одежде спать.

Под непрерывный вой сирен
Бежали мы от теплых стен.
Тот звук нам душу надрывал
И гнал скорее всех в подвал…

Немецкие самолёты бомбили не только военный объект, бомбы сыпались на жилые дома и общественные здания. Однажды бомба попала в поликлинику, в которой ожидала приём к врачу бабушка. Её контузило. Мария Алексеевна решила увезти семью из города в село. Она перевелась из районного отдела народного образования в село Варваровку работать учителем. Варваровка находилась

в двенадцати километрах от Анапы. Добралась семья туда на подводе. Председатель колхоза предоставил жилье. Его жена Тамара Ивановна была директором школы. В школе – четыре класса. Каждая учительница вела по два класса одновременно. Учеников было мало. В классе в левом ряду сидели четвероклассники, а в правом – второклассники. Тамара Ивановна вела первый и третий классы. Алик учился во втором.

В селе было тихо, текла спокойная жизнь, но постоянно слышалась канонада, доносившаяся от Новороссийска и Анапы. Летом ученики ходили на виноградники собирать жуков-вредителей, а осенью занимались сбором колосков на скошенных пшеничных полях. За эту работу начислялись трудодни. Алик заработал десять трудодней и получил литровую банку мёда. Это был его первый заработок для семьи.

Поселившись в Варваровке, Мария Алексеевна купила кур и двух коз. Алик вместе с деревенскими ребятами ходил за травой для коз, гонял их на пастбище.

Через год к селу стали приближаться немецкие части. Председатель колхоза всю скотину и собранный урожай раздал жителям, чтобы они не достались оккупантам. Семья Кайковых получила два мешка кукурузы, бутыль подсолнечного масла и бутыль вина. Эти продукты спасли её от голода во время оккупации.

Все мужчины села ушли в партизаны. Кавказские горы, заросшие лесом, начинались за огородами и садами жителей. Они служили хорошим укрытием для партизан.

Село без единого выстрела заняли румыны. Вскоре козы жителей оказались в котле их полевой кухни, а затем и куры.

Председатель колхоза иногда наведывался к Кайковым. У него было две дочери. Одна училась во втором классе, другая – в четвёртом.

Немцы догадывались о связях партизан с населением, часто устраивали облавы. При очередном рейде они обнаружили в доме директора школы дымящийся окурок. Этого оказалось достаточно, чтобы Тамару Ивановну вместе с дочерьми расстрелять. На зрелище расстрела выгнали все население села.

Мария Алексеевна забеспокоилась. Она часто бывала в доме коллеги, и ее могли заподозрить в связях с партизанами. Ей пришлось увезти семью из Варваровки в Анапу. К сожалению, дом оказался занят немцами. Хозяева поселились в сарае.

Алик встретился с приятелями. Ребята очень изменились. Уже не было прежних игр. Всех одолевала забота: где найти дрова, где раздобыть что-нибудь съедобное. Он пристрастился охотиться с рогаткой на голубей и воробьёв.

На всю жизнь ему запомнился случай. На развалинах Морской школы нашел половую доску, обгоревшую с одной стороны, взвалил её на плечи и понёс домой. На выходе с территории школы его встретил немецкий патруль. Сильно ругаясь на своем языке, немцы автоматами показали, чтобы он доску отнёс обратно. В сопровождении двух автоматчиков

понес её к развалинам. По дороге страшные мысли приходили в голову: расстреляют или нет. К счастью, получил только пинок в зад и услышал ругань, из которой понял слова: «Шнель, шнель!» Он бросился бежать и опять думал: «Будут стрелять или не будут?» Он продолжал ходить за дровами на развалины, но был очень осторожным. Об этом случае дома умолчал. Сбор дров входил в его обязанности.

Самые яркие воспоминания и переживания у него связаны с Великой Отечественной войной. До сих пор помнит все подробности событий тех лет. А самой большой радостью тех лет было освобождение Анапы нашими войсками от оккупантов. Вот две строфы из стихотворения «Канонада»:

Оккупации дни сочтены.
Как ни трудно, но выжить нам надо.
Отступая, фашисты страшны,
Доносилась уже канонада.

Эти звуки победно неслись.
О них долго мы жили мечтами,
В них свобода, и счастье слились,
И надежды на встречи с отцами.

После освобождения Анапы от немцев в саду дома Кайковых остановилось подразделение солдат, воевавших на Малой Земле под Новороссийском. В саду дымила полевая кухня, их угощали солдатской

кашей с консервами. Впервые за последний год они наедались досыта.

Открылся доступ к морю. Алик с друзьями занимались рыбалкой и ловлей крабов. Они каждый день ходили на рыбалку. Бабушка на все лады хвалила внука, принимая улов. Ее похвала вдохновляла его на новые походы к морю.

В репродукторе все чаще звучал голос Левитана: «Наши войска под командованием маршала Рокоссовского (Конева, Еременко и других) освободили город...» Многие ребята, в том числе и Алик, хотели стать офицерами и походить на прославленных маршалов. У них уже был жизненный опыт, и они знали, что стране нужна сильная армия, чтобы не допустить новой войны. У многих мечта исполнилась, и они стали офицерами, в том числе и Альберт Кайков.

Воспоминания военного детства легли в основу его первой книги «Потерянное детство». Книгу высоко оценил известный писатель Пётр Павлович Дедов. В предисловии к книге он писал: «Эту книгу интересно прочитать не только для развлечения, но в ней много познавательного».

Последний год войны был очень голодным. Семья вернулась на Урал, где родственники обещали помощь. В Аше купили корову, и у них были в достатке молоко и картошка, которой обеспечили родственники. Хлеба не хватало – его выдавали по карточкам. До сих пор его любимое блюдо – драники. Это оладьи из тёртой картошки. Жизнь была нелёгкой.

Жили на частной квартире. Скоро деньги, полученные от продажи дома в Анапе, проели. К этому времени он окончил шестой класс.

После победы над Японией отца оставили служить на Сахалине – строить военные объекты. Он выслал семье вызов для проезда к нему. Мария Алексеевна с тремя детьми и бабушкой решилась на дальнюю поездку. Ехали в товарном вагоне, приспособленном для перевозки солдат, – теплушке. В первый послевоенный год по железной дороге шло великое переселение народа, процветали воровство и драки. Из Владивостока через Татарский пролив плыли на грузовом пароходе «Анива». Разыгрался шторм, пассажиров укачивало, в трюме скончался мужчина. Пароход преследовали акулы. Они, как торпеды, шли около бортов парохода на небольшой глубине. Опытные пассажиры говорили, что они чувствуют смерть человека и ждут, когда труп выбросят за борт.

На Сахалин прибыли в порт Корсаков, дальше поехали на поезде по узкоколейной железной дороге, оставшейся от японцев. Дорога шла в гору, маломощный паровоз не смог подняться на перевал, и поезд покатился назад. В вагоне началась паника. К счастью, аварии не произошло. На станции к составу подцепили второй паровоз, и поезд благополучно преодолел подъем.

Их семью поселили в японском коттедже на территории воинской части. Место было удивительной красоты. Домик стоял среди леса на пригорке. Рядом протекал ручей, впадающий

неподалеку в реку, по которой осенью шла на икромет красная рыба. В ручье Алик ловил на удочку форель, а в реке острогой добывал кету. Отец купил ему одноствольное ружье ижевского завода. Осенью и зимой он ходил в лес добывать рябчиков и белок. У отца был хороший заработок и продовольственный паёк. Только на Сахалине у Альберта исчезло чувство голода и постоянной потребности в еде. В школу приходилось ходить за четыре километра в посёлок Леонидово. Там он окончил седьмой класс.

После демобилизации отца в 1948 году семья переехала в Новосибирск. Место жительства было выбрано не случайно. Родители хотели предоставить детям возможность учиться в институтах. Купили небольшой домик на улице Партизанской.

К сожалению, отец вскоре оставил семью и ушёл к молодой женщине. Для семьи начался нелёгкий период. Мария Алексеевна не пошла преподавать в школу, а устроилась работать секретарём-машинисткой в строительную организацию. По вечерам оставалась на работе печатать документы, чтобы иметь дополнительный заработок. Всю мужскую работу по дому выполняли сыновья Алик и Гена. Они носили воду с водокачки, расположенной на соседней улице, очищали от снега тротуар и проезжую часть дороги. Если дорога оказывалась неочищенной, в дом приходил участковый и делал предупреждение. Альберт пошел учиться в восьмой класс школы № 41. Его любимыми предметами были зоология, ботаника, география, история. К остальным

предметам относился, как к необходимости окончить школу. Примерным учеником не был, часто получал тройки.

Мама давала ему деньги на проезд трамваем до школы. Он эти деньги экономил. Ездил «на колбасе» или на подножке трамвая. Часто из школы ходил пешком. Билет стоил три копейки, а рыболовный крючок – две копейки. Ему было совестно просить у мамы деньги на рыболовные снасти.

В классе подружился с Рудиком Рябышевым, который был заядлым рыбаком и охотником. Эта дружба длилась до конца его жизни. Он предупредил Альберта, чтобы тот никому не рассказывал, что они увлекаются охотой, так как в школе не любят охотников. Вскоре выяснилось, в чём дело.

Моторка от Чернышевской пристани до Кудряшовского бора отправлялась в 14 часов, а в субботу в это время классный час. Чтобы первый раз в Сибири попасть на утиную охоту, пришлось сбежать. Ребята расположились в корме на куче дров, которые использовались в котле паровой турбины, и любовались обскими просторами. К ним присоединился Арнольд Атавин, который жил на улице Бурлинской недалеко от Рудика. Прибыв в Кудряшовский бор, ребята прошли три километра через сосновый бор и оказались у озера Кривого, где на кромке бора приютилась рыболовно-охотничья база «Спартак». Зарегистрировались, получили обласки и поплыли к месту охоты. За вечернюю и утреннюю зорю Альберту впервые в жизни удалось

добыть трёх уток. После окончания утренней зори выплыли на озеро и стали блеснить окуней.

По песчаной отмели против них ходил коренастый мужчина в шляпе и рыбачил на спиннинг.

Солнце поднялось высоко, заливая лучами прибрежные тальники и песчаную отмель. Рыба перестала ловиться, ребята причалили лодки к берегу. Мужчина давно перестал рыбачить и колдовал у костра. Они подошли к костру и поздоровались. Альберт понял, что Рудик давно знаком с мужчиной.

– Прошу к моему шалашу, берите свои ложки и присаживайтесь к костру, уха уже готова, – сказал мужчина.

Приятели не заставили себя долго ждать, присели у костра. У Альберта ложки не было, и он стоял, вдыхая аромат ухи из свежей рыбы.

– А ты почему стоишь? – обратился к нему мужчина.

– У меня нет ложки.

– Молодой человек, запомни на всю жизнь: когда едешь на рыбалку, можешь не брать продукты, но ложка всегда должна быть с тобой. У любого костра тебя накормят ухой. Быстро беги на базу и попроси у Екатерины Васильевны ложку.

Он помчался со скоростью, с трудом доступной. До базы было метров двести. Преодолев их за считаные минуты, взял алюминиевую ложку и помчался назад с неменьшей скоростью. Запах ухи придавал ему силы. Шел третий год после окончания войны. Питание

дома было очень скромным. С собой на охоту он взял только хлеб и кусок хлебной колбасы.

– Быстро ты бегаешь, видно, сильно проголодался, – с улыбкой сказал Рудик.

Уха была горячей, ароматной, необыкновенного вкуса. Алик обжигал губы своей ложкой. У всех ложки были деревянными.

Рыбака, который преподал Альберту этот урок, звали Кондратий Никифорович Урманов. Ребята его хорошо знали, и между ними велся непринужденный разговор. После той рыбалки Альберт приобрел деревянную ложку и не расстаётся с ней до сих пор.

В очередное посещение клуба охотников он встретил Кондратия Никифоровича. Тот предложил ему написать заметку в стенгазету о впечатлениях на первой рыбалке. В клубе регулярно выпускалась стенгазета «Охотник и рыбак», а также машинописный журнал «На Уень-реке». Урманов был их редактором. Он привлёк Альберта к сотрудничеству в стенгазете, посеял в нём зерно писательства, которое проросло только к пенсии.

Клуб охотников посещали известные в городе люди: ученые, писатели, архитекторы. Школьники как губки впитывали в себя их рассказы об охоте, о бережном отношении к природе. В памяти Альберта сохранились незабываемые встречи с академиком Н.

А. Чинакалом, архитектором Г. А. Карчевским и другими.

Они с Рудиком сбегали с классного часа каждую субботу. Домой всегда привозили по корзинке свежей рыбы и по корзинке окуней горячего копчения. Эта добыча была хорошим подспорьем для семьи.

Мария Алексеевна была очень занята на работе и не могла ходить на родительские собрания. По окончании учебного года классный руководитель Ольга Николаевна Крюгер решила посетить семью. Разговор начала с того, что Алик замкнутый мальчик. Ни с кем в классе не дружит. «У него прекрасные друзья Рудик Рябышев, Володя Яковлев. Я их хорошо знаю. Они вместе ездят на рыбалку и охоту», – удивилась мама.

Настала очередь удивиться Ольге Николаевне: «Они же охотники! С ними нельзя дружить! Как я это просмотрела?!»

Альберт получил клеймо охотника. Это означало, что по понедельникам у него всегда будут спрашивать выученные уроки, а их учить в субботу и воскресенье не было времени.

Читал он в школьные годы очень много. Прочитывал все книги, предусмотренные школьной программой. Запоем читал Фенимора Купера, Жюля Верна, Джека Лондона и русских классиков.

Перед окончанием школы в классе постоянно шли разговоры о выборе профессии. Душа Альберта находилась в смятении. Ему хотелось поехать учиться в Московский пушно-меховой институт на

специальность биолога-охотоведа. Но он понимал, что сдать экзамены на стипендию не сможет, а мама не в состоянии обеспечить его проживание в Москве. Вторым вариантом был Новосибирский институт военных инженеров транспорта. В нём студентам выдавали обмундирование, а стипендия была выше зарплаты мамы. Конкурс в НИВИТ вряд ли позволил ему туда поступить. Его сомнения разрешил счастливый случай. На одном из собраний в классе появился военный моряк. Высокого роста, с кортиком на боку, он всех очаровал. На его плечах горели золотые погоны, на рукавах сияли шевроны. В памяти мгновенно всплыли детские мечты стать военным. Моряк представился капитан-лейтенантом Лысенко. Провел беседу о Тихоокеанском высшем военно-морском училище имени С. О. Макарова и пригласил желающих поступить в это училище к себе в «Центральную» гостиницу на собеседование. Альберт единственный из класса пришёл к нему. Вскоре военкомат направил его во Владивосток для сдачи экзаменов в училище. Желание поступить было настолько велико, что он при подготовке к экзаменам не терял ни одной минуты. Настойчивость увенчалась успехом. При конкурсе четыре человека на место ему удалость поступить в училище.

Во время первой летней практики курсанты прошли на корабле вдоль всего тихоокеанского побережья страны. Посетили Сахалин, Курильские острова, многие гавани побережья, Камчатку, Чукотку. Незабываемое впечатление сохранилось в памяти от

посещения бухты Советская Гавань. Там курсанты со шлюпок опустили на воду цветы над затопленным фрегатом «Паллада», на котором ходил в составе первого русского посольства в Японию писатель И. А. Гончаров. Он опубликовал в середине XIX века цикл очерков «Фрегат «Паллада» о кругосветном плавании на фрегате.

После окончания училища Альберта направили для прохождения службы на Камчатку. Начал службу он командиром боевой части большого охотника за подводными лодками, закончил помощником командира корабля. Бушующий океан, заснеженные вершины вулканов, Долина гейзеров, река Паратунка с вечно горячей водой произвели неизгладимые впечатления. В дальнейшем период жизни на Камчатке был описан в повести «Флотские будни». В 1958 году в связи с сокращением Вооружённых сил Советского Союза был уволен в запас.

После демобилизации вернулся в Новосибирск и поступил учиться на второй курс очного отделения инженерно-строительного института. Правительство проявило заботу об уволенных офицерах. Вышло постановление о приёме их в любой институт без экзаменов и с зачётом всех общеобразовательных предметов, которые изучались в училищах. Кроме того, местные власти обязывались каждому предоставить квартиру.

В институте встретил Наталию Ивановну Попову, в которую влюбился. Красивая стройная девушка имела

замечательный характер. Через год они поженились, а ещё через год у них родился сын Саша.

После окончания института, по распределению стал работать в отделе архитектуры Новосибирского облисполкома. Занимался проектированием пионерских лагерей. Очень скоро понял, что без производственной практики хорошего работника не получится. Главный архитектор области Василий Тычинский пошёл навстречу молодому специалисту и отпустил без отработки положенных трёх лет на производство. Работал мастером, прорабом в СУ-20 тридцатого строительного треста.

В шестидесятые годы произошёл пожар в заполярном городе Игарке. Сгорел лесопильно-перевалочный комбинат и большая часть города. Там требовались строители. Возможность увидеть новые места, природу Заполярья с полярными днями и ночами, северное сияние определила решение поехать туда. Написал заявление в строительное управление «Игарстрой» и, получив вызов, вылетел к месту работы. Пришлось осваивать новые методы строительства на вечной мерзлоте. Через месяц получил двухкомнатную квартиру, и к нему приехали жена с сыном. Здесь у них с Наташей родился второй сын, Дима.

Со временем был назначен заместителем директора по строительству Игарского лесопильно-перевалочного комбината. Комбинат был генеральным заказчиком по строительству города. На этой должности проработал четыре года. Многие

вопросы по проектированию, финансированию и строительству объектов приходилось решать в Москве, Ленинграде, Красноярске и Новосибирске.

Своеобразная жизнь и взаимоотношения людей на Севере, их увлеченность охотой и рыбалкой в суровых условиях заполярья вдохновили на написание двух книг «На заполярной широте» и нескольких стихотворений. Вот две строфы из стихотворения «Игарка»:

В Заполярье своя красота,
Ее надо лишь только заметить:
Под ногами лежит мерзлота,
А на небе сияние светит…

Разольется седой Енисей,
Богатырскую грудь расправляя,
Караваны придут кораблей –
Начинается жизнь портовая...

В Новосибирск вернулся в 1970 году, зашёл на первое место своей работы в отделе архитектуры облисполкома. После продолжительной беседы с главным архитектором области Л. Н. Михалевым был приглашён работать начальником областной инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля. Вскоре был утверждён заместителем главного архитектора области. На этой

должности проработал двадцать шесть лет, до ухода на пенсию.

Литературным творчеством занялся после выхода на пенсию, когда появилось много свободного времени. Первоначально писал стихи, затем начал писать прозу. Как и где публиковать свои произведения, не имел понятия. Пришёл в Новосибирское отделение Союза писателей России и обратился к Анатолию Борисовичу Шалину, который просмотрел стихи и сказал, что их можно опубликовать.

Первый стихотворный сборник «Зори над Инёю», вышел в 2004 году. Однажды услышал по радио, что Общество книголюбов объявляет конкурс произведений, посвященных Дню Победы в Великой Отечественной войне. Отнёс сборник без всяких надежд на успех. Неожиданно ему позвонили и пригласили на подведение итогов конкурса в редакцию газеты «Советская Сибирь». Там был приятно удивлён, оказавшись среди победителей конкурса. Это вдохновило на дальнейшее творчество. Стихотворные сборники объемом около ста страниц стали выходить ежегодно. В 2006 году опубликован сборник «Охотничьи тропы», в 2007 году – «Реабилитированные», в 2008 году – «На изгибе перестройки», «В краю родном», в 2009 году – «Воспоминания».

Вскоре понял, что в стихах не может сказать всего, что накопилось за долгие годы жизни, и начал писать прозу. Переломным моментом в творчестве была

встреча с замечательным человеком – известным новосибирским писателем Петром Павловичем Дедовым, советчиком и редактором первых книг. Кроме перечисленных выше книг, издал повести «Встреча через полвека», «В Туруханской тайге», «Под северным небом», «Черная пурга», «В угодьях хантов»; книги рассказов «По жизни с друзьями», «Близкие сердцу», «О друзьях с улыбкой». Его произведения неоднократно печатались в журналах «Охотничьи просторы», «В мире животных», «Муравейник», «Охота и охотничье хозяйство».

Первым читателем и помощником в творчестве всегда была жена Наталия Ивановна. Она всегда радовалась его литературным успехам и гордилась им. К сожалению, она ушла из жизни в 2013 году.

В настоящее время работает над очередными книгами, участвует в работе творческих коллективов, по-прежнему увлекается рыбалкой и охотой.

Валентина Самсонова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

Вера

Предисловие

Передо мной лежит дневник Веры Михайловны Койковой. Она описывает жизнь своих предков по их рассказам и, конечно же, свою. Прочитав его, я задумался. Прошло всего чуть больше сотни лет, а какие колоссальные изменения произошли в обычаях и жизни людей! Особенно меня заинтересовало детство Веры Михайловны и ее матери. Современные люди не представляют себе, как можно жить без телевизора, телефона, автотранспорта и даже без электричества. Ещё живы свидетели тех лет – их бабушки и прабабушки, которые могли бы рассказать много интересного. Мне захотелось описать жизнь людей в начале прошлого века.

1

После уборки урожая и в первой половине зимы молодёжь деревни Старые Паны обычно собиралась на посиделках. Организаторами и хозяйками посиделок были девушки. Они снимали комнату у тётки Лукерьи. Дом у нее большой,

кирпичный и просторный. Строил его её отец в расчёте на большую семью, но Бог дал ему единственную дочь, которая осталась вдовой без детей. И вот теперь она тянулась к молодёжи. Ей доставляло радость видеть, как веселятся молодые люди, и она за умеренную плату сдавала большую комнату. В день посиделок из комнаты выносили всю мебель, вдоль стен расставляли лавки, к потолку подвешивали десятилинейную керосиновую лампу, называемую молнией.

Первый день посиделок считался праздничным. Девушки вскладчину варили пиво, готовили угощение, приглашали в гости парней. В ожидании парней занимали лучшие места. Парни приносили с собой конфеты, пряники, орехи, семечки и угощали девчат, рассаживаясь на оставленные для них места.

После того как все приглашённые парни собирались, девушки начинали петь, называя в песнях имена присутствующих парней. Затем начинались хороводные игры, пляски и общее пение.

На будничных посиделках девушки пряли, вязали, стараясь до прихода парней выполнить задания матерей. Во время работы пели, рассказывали различные страшные истории, передавали деревенские новости, обсуждали парней. Часто гадали: придёт или нет тот или иной парень.

Нередко на посиделки приходили ребята из соседних деревень. Местные парни встречали пришельцев недоброжелательно, часто приход чужаков приводил к драке.

Развлечения на будничных посиделках носили сдержанный характер. Парни, придя к девушкам, рассаживались, развлекали их разговорами, пели вместе с ними песни и частушки. Девушки обычно продолжали работать, нарочито не обращая внимания на пришедших. Тогда парни отнимали у них веретена, заставляя приступить к веселью.

Веселье начиналось с песен, плясок, побасёнок и заканчивалось танцами. Здесь завязывались знакомства и дружба, нередко заканчивающиеся любовью и свадьбами. Большинство жителей деревни носили фамилии Стариковых и Головиных, кроме них проживали только четыре семьи Коневых и две семьи Цапаевых.

Расходились с посиделок поздно вечером, шли по улице с песнями под гармошку. Односторонняя улица тянулась почти на два километра. Дома были добротными – из круглого леса и кирпича. Все усадьбы соединялись тесовыми заборами с высокими воротами. В средней части улицы стояла школа. В ней было четыре класса. Считалось, что четырёхклассного образования для деревенских детей достаточно. Многие дети не окончили и четырёх классов. За оградами и огородами протекала река Пан, впадающая в реку Ошлу, которая в свою очередь впадала в Кокшагу, а та – в

Волгу. Река неширокая, но со многими омутами, в которых водилась разная рыба.

Мише Коневу давно приглянулась семнадцатилетняя скромная девушка Клава Цапаева. Он подошёл к ней и спросил:

– Клава, можно я тебя провожу?

Она сильно удивилась, что парень из очень зажиточной семьи обратил на неё внимание, и, потупив взор, произнесла:

– Проводи, если есть желание.

Миша пошёл рядом с Клавой, не решаясь взять её под руку. Он обдумывал, с чего начать разговор. Морозец стоял знатный, под ногами хрустел снег, на щеках Клавы выступил румянец. Ее лицо при выдохе окутывал пар и оседал инеем на волосах, выглядывающих из-под платка. После минуты молчания Миша спросил:

– Говорят, что ты умеешь вязать хорошие кружева?

– Вязать – вяжу, но не знаю, хорошие они или нет.

– Моя мама видела их у своей сестры и хвалила тебя. Она собирается заказать тебе кружева на все кровати.

– Если закажет – свяжу. Дело нехитрое.

– Может, когда-нибудь и для меня свяжешь . . .

Клава не поняла намёка Миши и ответила:

– Тебе-то зачем кружева? Ты же не красная девица.

В те времена считалось очень модно кровати застилать с подзорами, когда из-под покрывала выступали кружева. Стопку подушек на кровати обязательно прикрывали кружевной накидкой. Клава считалась лучшей кружевницей, и деревенские модницы делали ей всевозможные заказы. На вырученные за работу деньги она покупала ситец и другие ткани и сама шила себе наряды, одеваясь не хуже богатых невест.

2

Клава родилась в русской крестьянской семье. В конце девятнадцатого века в крестьянских семьях ещё сохранился патриархальный уклад жизни. Её родители, Владимир Павлович и Анна Яковлевна, были воспитаны на традициях официальной православной религии и мифологических представлениях о создании мира. Будучи глубоко верующими людьми, они придавали большое значение внешней стороне церковных обрядов, считали своим долгом в праздничные дни посещать церковь. В Бога верили «всем сердцем».

С развитием промышленности, торговли, установлением контактов с европейскими странами высшее общество и городское население перенимали европейскую культуру. Появление на селе любых нововведений рассматривалось в крестьянской среде как нарушение установленного Богом миропорядка, которое ведет к хаосу и несчастьям. В радостях и скорбях селяне

обращались к Богу. Заказывали молебны перед началом и окончанием важных дел. Периодически приглашали в свои дома сельского священника для освящения жилища.

Анна Яковлевна очень хотела родить дочь, чтобы иметь помощницу в делах и воспитании будущих детей, хотя было принято считать, что мальчик обещает крестьянской семье помощника, а девочка – разорительница. В те времена в количестве детей не ограничивались, рожали столько, сколько Бог пошлёт. Во время беременности Анна старалась смотреть только на красивые вещи и красивых людей, чтобы дочка родилась красавицей. Она ела только красные ягоды, чтобы дочка была румяной, ела много укропа, чтобы у дочки оказались красивые глаза и пушистые ресницы.

Будущей матери нельзя браниться и много спать, иначе дочь родится злой и ленивой. Бог услышал молитвы Анны, и у нее родилась крепкая и красивая девочка. Пуповину ей обрезали на прялке, чтобы она хорошо освоила главную женскую работу. Новорождённую завернули в материнскую рубаху, чтобы ей передались все лучшие материнские качества. Повивальная бабка передала девочку в руки отцу, тот уложил ее в приготовленную качалку в знак того, что признаёт ребёнка своим.

Бабка повела роженицу в баню, где была приготовлена чистая речная вода. С молитвами и наговорами она опрыскивала и мыла Анну.

С крещением время затягивать не стали. На восьмой день по рождению ребёнка отец запряг лучшую лошадь и всей семьей поехали в церковь, расположенную за четыре километра в соседней деревне. На втором тарантасе поехали брат Владимира Алексей в качестве крёстного отца и сестра Анны Валентина в качестве крёстной матери. Кум Алексей купил для крестницы серебряный крестик, который она носила до глубокой старости. Кума Валентина подала священнику полотенце – утереть руки после погружения ребёнка в воду.

После крестин в доме Цапаевых собрались родственники. Они поздравляли отца и мать с дочкою, кумовьёв с крестницей, бабку-повитуху с новой внучкой. Для приглашённых родственников был устроен крестильный обед. Бабка подала на стол пирог, в шапке горшок с кашей и на тарелке штоф с водкой. Она начала угощать присутствующих, но те, по обычаю, предлагали первую рюмку выпить ей самой, в шутку заявляя:

– Попробуй-ка сама, бабушка! Бог знает, какую ты нам водку приготовила, может, она наговорная.

Бабка водку выпила, закусила и в традиционной последовательности с приговорами угощала первым отца новорождённой, потом кума и куму, а затем – всех присутствующих. При этом каждый,

не исключая и родителя, клал на тарелку сколько-нибудь денег – в пользу бабки и родительницы.

После обеда гости поблагодарили хозяев и, пожелав им всего доброго, а новорождённой здоровья и многих лет, разошлись. Остались только кум с кумой, чтобы вечером «опохмелиться». При этом кума подарила куму платочек, за что он, предварительно утерев подарком губы, крепко её поцеловал и отдарил деньгами.

Владимир посмотрел на брата и подумал: «Ну и востер братишка, не упустил возможности, чтобы поцеловать красивую девку».

Вскоре после рождения Клавы ее отца, Владимира Павловича Цапаева, призвали в 1914 году в армию. Как всегда, беда не ходит одна. Умерла Анна Яковлевна. Девочка сначала осталась у бабушки, затем её забирал дядя – крёстный отец. Алексей заявил, что мать стара, чтобы воспитывать маленького ребёнка, а у него среди его детей девочке будет лучше. На самом деле дядя руководствовался другими чувствами. Он рассчитывал, что ему отойдет дом и хозяйство брата в случае его гибели на фронте.

Когда отец вернулся с фронта, дочери не было и двух лет. В доме нужна была хозяйка, а девочке – материнская забота. Владимир женился на Надежде – женщине трудолюбивой и хозяйственной. К Клаве она относилась как к собственному ребенку, заботилась и всему обучала. К десяти годам девочка умела всё делать по хозяйству: могла

приготовить обед, испечь пироги и шаньги, к пасхе – куличи и сдобные булочки. Она могла не хуже Надежды выбрать сахарную косточку для приготовления щей или кусочек грудинки для супа. Уход за огородом полностью лежал на её плечах. Чего там только не сажали: лук и чеснок, репу и брюкву, горох и бобы, огурцы и тыквы, всевозможную зелень. Многочисленные грядки требовали постоянного ухода и прополки. Бывало, полет она грядки с морковью или репой, а подружки прибегут и зовут купаться на речку. Клава скажет им:

– Подождите меня, я сбегаю отпрошусь.

Прибежит к Надежде и спросит:

– Можно я схожу с подружками искупаюсь?

– Конечно, можно, сбегай, искупайся, только не купайтесь на глубине в омуте, а грядки дополешь, когда жара спадёт.

Чтобы попасть к речке, надо пройти по тропке через огород, затем по неширокому лугу. Девочки гуськом прошли через Клавин огород, а оказавшись на мягкой луговой траве, побежали вприпрыжку к манящей прохладой реке. Только раздувались лёгкие ситцевые платья, да сверкали грязные пятки. Летом никто из детей не носил обувь. Подбежав к реке, девочки скинули платьица и в одних трусиках, поднимая фонтаны брызг, забегали в воду. В этом месте река была неглубокой, дно песчаное. С визгом и шумом девочки плескались в тёплой речной воде. Они приседали, затем,

оттолкнувшись от дна ногами, выпрыгивали из воды и с шумом падали в неё. Недалеко от них купались деревенские мальчишки. Увидев девочек, они вышли из воды на берег и прибежали к ним. Ребятам хотелось принять участие в общем веселье, но вместо того чтобы завести мирный разговор, начали брызгать на девочек, ударяя ладонями по поверхности воды, пуская брызги в их сторону. Все ребята девочкам были знакомы. Здесь были братья Стариковы, Миша Конев, Лёша Головин и другие.

Девчонкам не понравилось такое обращение с ними, и они стали просить ребят прекратить брызгаться, но те вошли в азарт и продолжали обливать их водой. Тогда, закрывая лица руками, девчата вышли на берег и улеглись на траву загорать. Ребята мигом оказались рядом. Миша Конев улегся рядом с Клавой и сказал:

– Хочешь, я научу тебя плавать?

– Ты сам-то плавать умеешь? – ответила она вопросом.

– Если бы не умел плавать, не предлагал бы научить тебя.

Искупавшись ещё раз, все толпой отправились в деревню. У каждого деревенского ребёнка были свои обязанности по домашнему хозяйству.

Клава продолжила полоть грядки. Надежда, увидев её в огороде, улыбнулась и подумала: «Трудолюбивая кому-нибудь достанется невеста». В доме Цапаевых царили покой и добрые

отношения. Глава семьи, Владимир Павлович, был человеком немногословным, в домашние дела не вникал. Придёт с работы усталым, сядет к столу и коротко спросит:

– Ну, как вы тут управлялись?

– Слава Богу, всё хорошо, – ответит Надежда, – сейчас я тебе щей горячих налью, с плиты не снимаю, тебя жду.

Отведав щей, Владимир Павлович скажет:

– Хороши сегодня щи.

Надежда не упустит случая похвалить Клаву:

– Дочь твоя сегодня щи варила, я со скотиной была занята.

Владимир Павлович промолчит, на похвалу он скуп, но подумает: «Как только поеду в Красный город, привезу обеим подарки». Так в то время называли город Йошкар-Олу. Обычно он привозил в подарок ткань жене на платье, дочери на сарафан.

Надежда соберётся кроить себе платье, позовёт Клаву и скажет:

– Встань ровнее, я сниму с тебя мерку, сделаю выкройку, а кроить и шить себе сарафан сама будешь.

Клава внимательно смотрела и всё запоминала: как прикладываются выкройки, как кроится ткань. Когда начинала кроить свою ткань, постоянно спрашивала:

– Правильно я выкройку положила, можно кроить?

Получив одобрение, несмело резала большими ножницами ткань.

Смекалистая и сообразительная, она быстро освоила шитьё одежды.

Надежда научила падчерицу прясть и ткать, вязать кружева, вышивать гладью и по канве. Клава оказалась прилежной и способной ученицей. Бывало, соберутся вечером женщины в доме обсудить деревенские новости. Каждая приносит с собой веретено и пук шерсти. Сидят, разговаривают, а руки крутят веретено, пряжу на клубок наматывают. У Клавы нить выходит ровная, гладкая, без утолщений. Кто-нибудь из женщин глянет на ее работу и скажет Надежде:

– Золотые руки у твоей падчерицы.

Надежда обидится и ответит:

– Не смей так больше её называть, никакая она мне не падчерица, живем мы с ней дружно, как мать с дочерью.

– Правильно говорит Надежда, – вмешается в разговор соседка по дому, – мне бы такую трудолюбивую дочь, да Бог всё сыновей даёт. Вы посмотрите, какой у неё порядок в огороде! Подгонять и понукать не надо, всё сама делает вовремя. К тому же красавица необыкновенная, наверное, на посиделках не один парень засматривается.

– Рано ей ещё на посиделки ходить, вот подрастёт – тогда и будет ходить, – прервёт словоохотливую соседку Надежда.

Клаве приятно слышать такой разговор про себя, её щеки заливает румянец, и она ещё больше начинает стараться. Чего она только не наслушается за длинный осенний вечер! Кто-то из женщин меняет тему разговора и спрашивает:

– Вы слышали, что Степана Головина русалка чуть в омут не утащила?

– Нет, не слышали, расскажи, – раздаётся сразу несколько голосов.

– Значит, пошел Степан вечером на рыбалку, – начала рассказ женщина, – взял, конечно, с собой бражки, чтобы не мёрзнуть. Место выбрал на омуте около коряг. Сидит, ждёт, когда налим из-под коряги выплывет и лягушку на удочке схватит, а сам бражку попивает. Вскоре видит: из-за коряги русалка выглядывает – молодая, красивая, волосы длинные русые по плечам рассыпаны – и манит его к себе. Не смог Степан устоять против её чар, полез в воду. Добрался до коряги, а её уже и след простыл, нырнула в воду. Стал он по сторонам глазами шарить, видит, за следующей корягой стоит леший, весь то ли в лохмотьях, то ли в водорослях, волосы длинные, лохматые, как у старухи. Испугался Степан, вылез из воды и прибежал домой мокрый до нитки и весь в тине. Его жена сказывала, что на него помутнение нашло, только наутро смог рассказать, что с ним приключилось.

– Перепил, наверное, твой Степан, вот ему и померещилось, – с сомнением сказала Ирина Старикова.

– Степан не мой, а про омут дурные слухи со старых времён ходят, – не сдавалась рассказчица.

Её поддержала приятельница Вера Головина:

– Это, скорей всего, была кикимора. Мне ещё бабушка говорила, что она кикимору видела. Кикимора может лешим и водяным прикидываться и мужиков сманивать.

– Ты сама-то кикимору видела? – спросила Ирина.

– Слава Богу, я не видела, – сказала Вера и перекрестилась. – А вот мою тётку Глашу домовой замучил. Только она спать уляжется, а домовой начинает на втором этаже ходить и половицами скрипеть. Она даже дом продать собирается.

– Давно пора продать, – сказала Ира, – зачем ей одной двухэтажный кирпичный домина.

Клаве становилось жутковато от таких разговоров, и она думает: «Не дай Бог мне когда-нибудь встретиться с этой нечистью».

Постепенно разговор переходил на другие новости и заканчивался поздно вечером. Расходясь по домам, женщины договаривались, у кого собраться в следующий раз.

Вязание кружев – дело тонкое и требующее постоянного внимания. Клава с удовольствием перенимала опыт Надежды и вскоре превзошла в вязании кружев свою учительницу.

Жить бы ей век с такой мачехой, но судьба распорядилась иначе. Надежда занемогла и скончалась. Врачей в деревне не было, знахарка поила травами, но помочь больной не смогла. На похоронах Клава плакала как по родной матери.

Отец женился третий раз, когда Клаве исполнилось тринадцать лет. В жёны взял Анну – женщину красивую, властную, моложе его на семь лет. Мачеха сразу же невзлюбила падчерицу. Клава чувствовала нелюбовь мачехи к себе, но старалась её слушаться и не грубить. Несмотря на это, мачеха находила причины, чтобы пожаловаться на падчерицу отцу. Владимир Павлович попал под влияние молодой жены. Будучи человеком строгим, старой закалки, он в суть дела не вникал, разборок не устраивал, а наказывал дочь, считая, что она должна уважать старших, не перечить и во всём слушаться. Клава почувствовала, что отношение отца к ней изменилось.

Иногда отец баловал её. Купит жене отрез ткани и дочери ситца на платье. Увидев подарок падчерице, мачеха начинает ворчать на мужа:

– Зачем деньги потратил, лучше бы купил…

В таких случаях Владимир Павлович строго глянет на жену – и та замолчит, не договорив фразу.

Через год Анна родила дочь Саню. На детские плечи Клавы легла забота о сестрёнке. Подружки устраивают игры, бегают купаться, а ей приходится нянчить ребёнка.

Прибегут к ней, бывало, подружки и зовут с собой на речку. Она спросит у Анны:

– Можно я схожу с девочками искупаюсь?

Чаще всего мачеха скажет:

– У твоих подруг нет маленьких детей, вот они и бегают постоянно на речку. Тебе люльку качать надо, чтобы Саня не плакала.

В таком случае Клава не выдержит и огрызнётся:

– У меня тоже нет своих детей.

– Так ты сестру не считаешь своей?! – вспылит мачеха.

Вечером Анна жаловалась Владимиру Павловичу:

– Сладу мне нет с Клавдией: грубит, нянчить Саню отказывается.

Отец в очередной раз наказывал Клаву.

3

Миша с Клавой продолжали идти по деревенской улице. В некоторых домах уже погас свет, жители экономили керосин и спать ложились рано. На небе мерцали звезды, луна освещала добротно построенные деревянные дома. Вблизи Клавиного дома они остановились.

Клавино сердце учащённо колотилось: впервые парень провожал её до дома. Она думала, что же он скажет ей на прощание. Миша посмотрел на её разрумяненные от мороза щеки и спросил:

– Ты на следующие посиделки придёшь?

– Не знаю, – ответила Клава, хотя ей, конечно, хотелось с ним встретиться вновь.

– Приходи обязательно, я тебя буду ждать.

– Хорошо, приду.

С этого дня Миша с Клавой стали часто встречаться. Зимой на деревенских посиделках, а летом можно идти куда душе угодно. Хочешь – на речку купаться, желаешь – в лес за грибами или за ягодами. Сане, Клавиной сестрёнке, исполнилось четыре года, и её приходилось повсюду брать с собой, чтобы надолго отлучаться из дома. Молодым людям приходилось украдкой целоваться, но Саня иногда замечала и, вернувшись домой, говорила матери:

– Мама, а Клава сегодня целовалась.

Оставшись наедине с Клавой, мачеха начинала её упрекать и стыдить, но отцу на взрослую дочь уже не жаловалась. Ухаживание Михаила за Клавой длилось два года.

Мачеха Анна знала все подробности времяпрепровождения падчерицы и не раз думала: «Хоть бы скорее выскочила замуж, дочери уже нянька не нужна».

Мишина мать не одобряла выбор сына. Она считала, что их сын достоин лучшей партии, и надеялась, что сын встретит более достойную невесту. После уборки урожая в деревне намечался общий праздник, на который были приглашены жители соседних деревень. Такие праздники проводились ежегодно в каждой деревне. Жители

заблаговременно готовились к встрече гостей. Варили пиво, пекли пироги и сдобы. Отведав вкусных угощений, молодые люди гуляли по улице, устраивали танцы, заводили знакомства.

На одном из таких праздников на Клаву обратил внимание парень из соседней деревни. Он подошёл к ней и что-то рассказывал. Клава улыбалась, подруги, стоящие рядом, смеялись. Михаил подумал, что это знакомый одной из подруг Клавы. Когда начались танцы, парень пригласил Клаву танцевать. Она слушала болтовню парня-балагура и думала о Михаиле: «Почему он не подошёл и не пригласил меня на танец первым?»

У Михаила учащённо забилось сердце, его охватила ревность. Он даже испугался, что может потерять Клаву. Когда танец закончился, он подошёл к Клаве и попросил:

– Пойдем погуляем, мне надо что-то тебе сказать.

Взяв Клаву под руку, повёл в сторону её дома. У ворот, наконец, решился и сделал ей предложение выйти замуж.

Клава давно ждала этого предложения и с радостью согласилась. Ей надоели размолвки с мачехой, и она ждала возможности расстаться с ней и жить своей семьей с любимым человеком. В приподнятом настроении как на крыльях влетела в дом, прошла в свою горенку, присела на сундук и предалась мечтам. Она строила планы будущей супружеской жизни. Из задумчивости её вывела

кошка, прыгнувшая на колени. Погладив Мурку, Клава тихо радостным голосом произнесла:

– Мурка, дорогая, скоро я выйду замуж. Знаешь, дорогая подружка, мне жаль расставаться с тобой, но я долго ждала этого момента.

В порыве чувств она взяла кошку на руки и крепко прижала к себе.

Вечером Михаил заявил родителям, что они с Клавой решили пожениться, и попросил поехать в город на регистрацию брака. Шли тридцатые годы. Советская власть уже твёрдо стояла на ногах, ломались старые традиции, а новые ещё не укрепились. Молодёжь с энтузиазмом воспринимала всё новое, а пожилые люди – как покушение на их образ жизни, на добрые старые традиции.

Заявление сына возмутило отца, Степана Васильевича, и он спросил:

– Вы что, собираетесь остаться жить в городе?

– Нет, здесь будем жить, – удивился сын вопросу.

– Тогда почему разрешения и благословения у родителей не спрашиваешь?

– Так сейчас другие времена наступили.

– Это что? Новые времена запрещают почитать и уважать родителей?

– Нет, не запрещают, – ответил Михаил, поняв свою оплошность.

– Вообще-то ему ещё рано жениться, – вмешалась в разговор мать Анна Дмитриевна,

надеясь расстроить свадьбу, чтобы не родниться с Цапаевыми.

– Пора его женить, – твёрдым голосом сказал Степан Васильевич, – а то слышала: «новые времена», не дай Бог, ещё что-нибудь выкинет.

Анна Дмитриевна не смела перечить мужу и на время примолкла.

– Мы с матерью венчались и, видит Бог, живём в ладу и согласии, – продолжал отец. – Вам тоже надобно венчаться, а затем делайте, что хотите – расписывайтесь, если так положено. Передай через Клавдию её родителям, что послезавтра придём на помолвку.

– Стёпа, – обратилась Анна Дмитриевна к мужу, – так надо сватов сначала заслать.

– Ты слышала, что сын сказал: «Новые времена». Мы с Владимиром с детства приятели, может обидеться, что я сам не пришёл. На всякий случай, пригласи свою сестру, она балясница, пусть языком почешет.

– Ты разве забыл, как ко мне сватов засылал?

– Так это когда было?

– В самый канун войны с японцами. Тебя после женитьбы даже в солдаты не забрали.

– Всё я помню, жаль, что ушли те времена.

– А я нашу свадьбу помню до мельчайших подробностей, – вздохнув, произнесла Анна Дмитриевна. – Ты пригласил в свой дом священника. В дом моего отца ехал с провожатыми, впереди ехал священник с крестом в

руках. Я в окошко наблюдала эту торжественную процессию. Мой отец встретил гостей с почестью, усадил за стол. Священник читал молитву над нами. Затем свахи расчесывали мне волосы, заплели их в две косы, покрыли голову фатой. Священник продолжал читать молитвы. А какие свадебные песни пели девушки! Папа и мама благословили нас иконами. Присутствующие зажигали свечи, молились. Отец взял мою руку и передал в твою. Мы дали обещание жить в любви, мире и дружбе. После этого все вышли из дома и поехали в церковь венчаться и обручаться. Впереди свадебного поезда ехал священник. Разве забудешь такое торжественное событие?

– Что-то разговорилась ты, мать, – прервал её Степан Васильевич, – не о прошлом надо говорить, а думать о сватовстве и женитьбе сына.

Анна Дмитриевна с ним была согласна, а говорила она всё это для сына, чтобы знал старые обычаи.

В день сватовства отец, мать и сын надели лучшие наряды, пригласили с собой сваху Варвару и отправились к Цапаевым. Их уже ждали, стол был накрыт. Переступив порог, все перекрестились. Сваха заговорила первой:

– У нас купец, у вас товар…

Анна перебила её, не дав договорить:

– Проходите, гости дорогие, не стойте у порога.

Все прошли в просторную комнату. Сваха вновь начала произносить традиционную фразу:

– У нас купец, у вас товар…

Анна, не обращая внимания на сваху, произнесла:

– Прошу, гости дорогие, к столу.

Варвара обиделась на такое отношение к старым традициям, поджала губы и уселась вместе со всеми за стол, про себя подумав: «Анна не знает порядка сватовства или не хочет его соблюдать». Она считала, что сватовство и венчание – самые великие обряды и таинства в жизни человека.

Шёл тридцатый год двадцатого века. Советская власть, заменив таинство брака в церкви на регистрацию в загсе, пыталась уничтожить религиозные обряды, но они продолжали существовать на селе.

За столом разговор вели отцы молодых людей. Первым начал говорить Степан Васильевич:

– Владимир Павлович, – обратился он к отцу Клавы, – ты, конечно, знаешь, зачем мы к тебе пришли. Знакомы мы с тобой очень давно, вот теперь прошу твоего согласия породниться и выдать замуж твою дочь за моего сына.

– Разве можно отказать, если молодые сами решили пожениться, вон моя дочь уже белое свадебное платье сшила.

Степан Васильевич вздохнул и сказал:

– Ушли в прошлое добрые времена, нам следовало бы сватов засылать, а приходится договариваться о свадьбе самим.

Выпив и закусив, мужчины договорились о дне венчания, свадьбу решили провести скромно, пригласить только родственников и близких друзей жениха и невесты, первый день гулять в доме отца жениха, второй день – в доме отца невесты.

Владимир Павлович снял со стены икону и благословил молодых.

В день венчания жених и невеста в сопровождении родителей, шаферов и близких родственников отправились в церковь за четыре километра. Старшее поколение крестьян не признавало регистрации брака без венчания в церкви, следило за молодёжью и требовало соблюдения православных традиций. В городах пропагандировались новые обряды: комсомольские и красные свадьбы, но на селе они широкого распространения не получили.

Анна Дмитриевна, обращаясь к мужу, сказала:

– Меня на венчание в церковь везли в конном экипаже, ты ждал меня уже в церкви, а теперь приходится идти всем пешком.

– Ничего не поделаешь, – вмешалась в разговор ее сестра Варвара, – сдали всех лошадей в колхоз, а теперь их там почти не осталось.

Вот так Клавдия оказалась в семье Коневых. У Степана Васильевича и Анны Дмитриевны, кроме Миши, был старший сын Николай. Семья жила в достатке. Работали отец и два сына, только мать была иждивенкой, на ее плечах было всё домашнее хозяйство. Анна Дмитриевна была женщиной

властной, не терпела возражений и непослушания. Мужа своего уважала и ценила, детей любила до самозабвения. Они ей отвечали взаимностью, любили, боготворили и всегда стремились сделать лучший подарок. Чего только у неё не было! Сарафаны цветные, кофточки с рюшами, шубы, крытые сукном, и дубленые, сапожки на застёжках и на шнурках. В деревне мало кто одевался, как она. В семье всегда царили мир и покой.

Старший сын Николай Конев недавно женился. Родители купили ему двухэтажный кирпичный дом. По существующей в те годы на Руси традиции младший сын должен жить с родителями до их кончины, помогать им, заботиться о них. Придёт время – похоронить с достоинством. Дом и всё имущество оставалось ему по наследству. Не было в деревнях судебных тяжб и дележа имущества родителей, как сейчас это процветает повсеместно.

Клава попала в семью, которая ей пришлась по душе. Она называла свекровь маменькой, а свёкра папенькой. Родителям мужа такое обращение льстило, и они с уважением относились к снохе. Свекровь всю работу по дому и по хозяйству доверила молодой хозяйке. Клава всему научилась с детства, за что бы ни взялась – всё у нее в руках спорилось.

Дом у Коневых был большой, хозяйство немалое. Во дворе стоял хлев для скота и курятник, над ними – сеновал под высокой крышей. Рядом амбар и ледник. За двором в сторону реки – огород.

Свекровь Анна Дмитриевна порой удивлялась, как ловко и деловито Клава справляется со всем, что она ей скажет сделать. Она понимала, что лучшей помощницы ей не надо, но душу глодал какой-то червь, почему-то она представляла себе невестку другой. Клава это чувствовала, но сильно не переживала. Муж Михаил её безгранично любил и боготворил. Может, эта любовь сына к жене вызывала у матери ревность? До свадьбы сын всю свою любовь отдавал матери. Муж и сыновья Анну Дмитриевну любили и баловали. Как-никак, одна женщина в семье. Всегда к праздникам дарили подарки. И вот теперь один сын отделился, а второй всё внимание отдаёт молодой жене, дарит ей подарки. Умом Анна Дмитриевна понимала, что сын должен уделять внимание жене, но в глубине сердца притаилась обида, которая порой выплёскивалась наружу.

Через год, в 1932 году, у Клавдии родилась дочь Вера. Ребёнок был желанным и всеми любимым. Даже Анна Дмитриевна подобрела к невестке, приняла активное участие в обсуждении кандидатур на крёстных: матери и отца. Клава сказала:

– Хочу, чтобы крёстной у Веры стала моя сестра Саня.

Свекровь возражать не стала, только предупредила:

– Александра – пионерка. Согласится ли пойти в церковь?

– Постараюсь убедить, – ответила Клава.

Оставив Веру на попечение бабушки, Клавдия отправилась к Цапаевым. Всё семейство она застала за чаепитием. На столе стоял самовар, на тарелках лежали недавно испечённые шанежки и булочки. Саня обрадовалась, увидев сестру, соскочила со стула и произнесла:

– Клава, дорогая, садись к столу. Я сейчас принесу тебе чашку.

– Я пришла к тебе, сестрёнка, с просьбой, – сказала Клава, присаживаясь к столу.

– Рада буду тебе помочь, – ответила Саня, ставя на стол перед сестрой чашку на блюдце.

– Настало время крестить Веру, хочу, чтобы ты стала крёстной матерью, – попросила Клава.

Александра изменилась в лице, после замешательства произнесла:

– Я пионерка, нам запрещено ходить в церковь.

Клава не ожидала такого ответа и с грустью произнесла:

– Мне очень хотелось, чтобы крёстной матерью у дочери стала ты, но, видимо, придется обратиться к моей подруге Глаше.

Клава поспешила назвать имя подруги, чтобы мачеха не предложила себя в крёстные матери.

В разговор вмешался отец Владимир Павлович:

– Как ты смеешь, Александра, отказываться от такой чести! Быть крёстной матерью – святое дело.

– Что мне скажут в школе, если узнают, что я ходила в церковь? – оправдывалась Саня.

– У нас православная семья, тебя крестили, и от веры никто не отлучал. В школе ты можешь быть пионеркой, если так требуется, а дома изволь соблюдать церковные заветы. Ты что, не хочешь духовно породниться с Клавой и взять на себя часть обязанностей по воспитанию Веры?

– Хочу, – тихо произнесла Саня.

– Когда крестины назначены? – спросил отец.

– Послезавтра восьмой день от рождения Веры, – ответила Клава, – батюшка на этот день назначил крестины.

– Ожидайте, мы придём и вместе отправимся в церковь, – подвёл итог разговору Владимир Павлович.

В назначенное время родственники и близкие друзья Коневых отправились в церковь. Веру на руках нес отец. Родной матери Клаве на крестинах до сорокового дня быть не положено. Она осталась дома и готовила праздничный стол по случаю крещения дочери.

Саня постоянно смотрела по сторонам. Она боялась, что кто-нибудь из учителей увидит её в торжественном шествии по улице посёлка. Тогда в школе разгорится скандал, а её могут исключить из пионеров. Когда вышли за околицу, она успокоилась, церковь располагалась в соседней деревне, а там её никто не знал. Постепенно беспокойство сменилось любопытством. В раннем возрасте родители часто водили её в церковь, но вот как происходит крещение, она не представляла.

От родителей слышала, что крещение – важнейшее христианское таинство, сегодня ей предстояло узнать об этом.

В церкви была торжественная обстановка. Все держали в руках зажженные свечи, священник читал молитву. Затем батюшка трижды окунул с головой Веру в купель, каждый раз приговаривая: «Во имя Отца. Аминь. И сына. Аминь. И Святого Дух. Аминь».

Александра стояла как завороженная. Когда раздался душераздирающий крик Веры, она очнулась от оцепенения. В её душе появилось беспокойство за девочку. Кто-то подал ей в руки пелёнку, называемую крыжмой. Священник вынул Веру из купели и передал крёстной матери. Саня прижала к себе племянницу и всем своим телом ощутила вздрагивание Веры от плача. Дрожь прокатилась по её телу. Она всё сильнее и сильнее прижимала к себе ребёнка, пытаясь успокоить. В это время отец произнёс:

– Александра, теперь ты несешь ответственность перед Богом и людьми за воспитание и заботу о чаде.

Затем священник надел на девочку крестик, родители – крестильную рубаху, чепчик с кружевами и завернули в одеяльце. Слова отца не доходили до сознания Сани, её внимание полностью поглотила крестница. Из церкви она выходила с маленьким живым комочком на руках, прижимала его к груди и чувствовала прилив

духовных сил. Её душу охватила благодать, словно это был её собственный ребенок. Чувство беспокойства, что её кто-нибудь увидит идущей из церкви, полностью исчезло.

Младенчество Вера провела в люльке, сплетенной по принципу лаптей из коры липы, называемой лыком. В матке на потолке комнаты было укреплено металлическое кольцо, через которое продета гибкая черемуховая жердь, называемая очеб. К одному концу жерди на веревках подвешивалась люлька, а к другому концу привязывалась веревка с петлей. Вставив в петлю ногу, можно качать люльку, а свободными руками делать какую-нибудь работу. Клава обычно пряла. Одной рукой вытягивала кудель из прялки, а второй рукой крутила веретено, напевая дочке песни. Она считала себя счастливой женщиной, у которой были любимый муж и желанная дочь.

После рождения Веры свекровь стала лучше относиться к невестке. Бабушка очень любила внучку, при необходимости оставалась с ней водиться. Анна Дмитриевна умом понимала, что лучшей невестки желать нечего.

Клава успевала соблюдать чистоту и порядок в избе, заботиться о дочке и шить одежду не только для дочки, но и для мужа и свекрови.

Вера росла бойким ребёнком. На ногах у неё всегда были ссадины от падений, а на руках – царапины от кота, который не любил её игр с ним.

Однажды Коневы собрались всей семьёй пойти в церковь. Клава нарядила трёхлетнюю дочку в новое платье, надела на ноги связанные тапочки, подшитые кожей. Оглядела со всех сторон и подумала: «Девочка – просто картинка». Затем, обращаясь к свекрови, сказала:

– Выходите на улицу, мы с Мишей вас догоним.

Анна Дмитриевна, отойдя недалеко от дома, остановилась в ожидании сына с невесткой. Её внимание привлекли гуси, гуляющие по дороге, и она отвлеклась на минутку, а внучка в это время зашла в лужу и вымазалась грязью с ног до головы.

Клава, увидев испачканный праздничный наряд дочки, расстроилась, отшлёпала и отругала Веру. Ей пришлось повести её в избу и переодеть в будничную одежду.

Вера уже в этом возрасте проявила характер. Обидевшись на мать, отказалась идти за руку с ней, а пошла с её подругой. Та большую часть четырёхкилометрового пути несла девочку на руках.

Когда Клавина подруга выходила замуж за парня из соседней деревни, Михаил был занят на работе и сказал Клаве:

– На свадьбу поедешь при условии, если возьмёшь с собой Веру.

Накануне свадьбы Вера каталась на санках с горы. Домой пришла вся в снегу, похожая на Снегурочку. Вязаные рукавички мокрые, валенки набиты снегом, ноги мокрые. Клава всплеснула

руками. Её обожгла мысль: «Если дочь заболеет – на свадьбе не гулять».

– Где ты была? Что делала? – раздражённо спросила у Веры.

– Каталась с горки на ледянке, – спокойно ответила дочь.

– Быстро раздевайся и залезай на печь.

Клава вытряхнула снег из ее валенок, помогла надеть сухую одежду и посадила на русскую печь. К счастью, Вера не простыла, и на следующий день они поехали на свадьбу.

С годами менялись традиции, свадебные обряды. По новой идеологии считалось зазорным венчаться в церкви и носить обручальные кольца. Клава попала на комсомольскую свадьбу. Жених был секретарём поселковой комсомольской организации. Свадьба проводилась в клубе. Хлебом-солью молодых встречали не родители, а секретарь районной комсомольской организации. Жених и невеста расписались в книге, привезённой представителем загса. После того, как прозвучал торжественный марш, гости начали поздравлять новобрачных длинными речами и вручать подарки, соблюдая субординацию. Молодожёны выступили с ответными речами. Зазвучал духовой оркестр, и началось веселье.

Через четыре года после рождения дочки у Клавы родился сын Гена. Счастливый отец от радости не находил себе места, он был готов носить на руках жену и сына. Веру стали приучать

заботиться о брате, хотя за ней самой требовался пригляд. Клава часто, глядя на дочь, качающую люльку, думала: «В жизни все повторяется. Когда-то я водилась с сестрой Саней, теперь вот Вере приходится нянчить младшего брата».

На селе обычно семьи были многодетными, и уход за младшими детьми возлагался на старших.

С шестилетнего возраста на Веру была полностью возложена обязанность – следить за младшим братом. Куда бы она ни пошла, приходилось брать брата с собой. Бывало, пойдёт с подружками купаться – и его берёт с собой. Девочки побегут под горку к реке, и она с ними. Гена не может угнаться, остановится, кричит, ногами топает, а затем возьмёт рубашку за воротник и порвёт. Увидев сына в рваной рубашке, Клава всегда наказывала Веру. Она была доброй, но строгой матерью, ни одного проступка дочери не оставляла без внимания.

У молодых семей того времени вошло в обычай по вечерам собираться поочередно друг у друга на чашку чая и играть в карты. Обычно играли в девятку. Ставки были небольшие – всего по копейке, но это придавало игре азарт. Часто у Коневых собирались три-четыре семейных пары. Если Гена спал, Вере разрешалось сидеть около мамы и наблюдать за игрой. Бабушка готовила самовар для чаепития, раздувая его сапогом.

В один из таких вечеров Вера рассматривала лица женщин и неожиданно, показывая пальцем на женщин, произнесла:

– Эта тетя красивая, эта тетя красивая, а эта некрасивая.

Женщина в детстве переболела оспой, и на ее лице остались следы болезни.

На щеках Клавы вспыхнул румянец, ей стало стыдно за дочь. Она выпроводила Веру из-за стола, отвесила ей несколько шлепков по попе и произнесла:

– Иди спать, ты не умеешь себя вести, я не буду тебе разрешать сидеть за столом вместе со взрослыми.

Вера захныкала не столько от боли, сколько от обиды, и пошла в свою комнату.

– Зачем ты так строго обошлась с дочкой? – произнесла одна из женщин. – Она же ещё ребёнок, не понимает, что говорит.

– Ей уже шесть лет, должна отвечать за свои поступки, – ответила мать.

Клаве передался твёрдый принципиальный характер отца. Она считала, что каждый должен отвечать за свои действия. Она любила во всем порядок, избу содержала в идеальной чистоте, дети всегда ходили в чистой, хотя и заштопанной одежде.

Сын Гена рос общим любимцем, упитанным крепышом с ямочками на пухлых щеках, с черными волосами. Бабушка его очень баловала и оставляла

без внимания его шалости. Вскоре он понял, что капризами у бабушки можно выпросить все, что ему хочется. В таких случаях ложился на пол, колотил ногами и кричал:

– Башка, сметаны! Башка, сметаны!

Так сокращенно он называл бабушку и всегда добивался своего.

Отца дети видели только по воскресеньям. Он работал в артели, которая готовила дранку в виде черепицы и нанималась крыть ею крыши в Йошкар-Оле. Приезжая домой, Михаил всегда привозил большие круглые булки белого хлеба и связку баранок.

Вера до сих пор вспоминает, какой вкусный хлеб привозил отец из города. Видимо, перед войной не очень сытно жили на селе.

Вскоре скончалась бабушка, Анна Дмитриевна. Вера сумела и здесь отличиться. Все взрослые ушли на кладбище, она осталась с братом. В доме стоял накрытый поминальный стол. Её внимание привлекли блины, свёрнутые треугольными конвертиками и разложенные на тарелки. Вере очень захотелось блинов. Она рассудила, что если съест блины с одной тарелки, это будет замечено. Тогда она у каждого блина откусила уголки.

Вернувшись с кладбища, Клава заметила изменившуюся форму блинов. Она не могла оставить без внимания этот проступок дочери. Ей пришлось поставить Веру в угол. Слёзы горечи текли у девочки, но она молча переносила обиду,

разглядывая родственников, сидящих за поминальным столом.

К Цапаевым Клава не ходила, ей не доставляло удовольствия встречаться с мачехой. Иногда вспомнит отношение к ней мачехи, сердце уколет обида, она тут же подумает: «Бог ей судья». На сердце сразу становилось спокойно, и забывались детские обиды. Умом она понимала, что Анна, переложив на падчерицу все работы по хозяйству, многому её научила. За это надо быть ей благодарной. Свою дочь Саню Анна оберегала от любой работы, считая, что придет время – всему научится, но время показало, что та ничему не научилась.

Саня Цапаева у Коневых бывала часто. Она с любовью относилась к своей сестре Клаве, которая ее вынянчила и вырастила. Свою крестницу Веру Саня опекала, читала детям сказки, много рассказывала. На воспитание и мировоззрение Веры и Гены Саня оказала большее влияние, чем родители, которые постоянно были заняты работой. Саня училась в школе и уже состояла в комсомольской организации. Она приглашала детей к себе, устраивала угощения, игры. Так Вера и Гена познакомились с бабушкой и дедушкой, стали часто бывать у них.

В сороковом году Вере исполнилось восемь лет. Её стали готовить к школе. Клава сшила новое платье, Саня подарила свой портфель, сходила вместе с крестницей в магазин, купила тетради и

карандаши. Веру не покидало радостное настроение, она с нетерпением ждала первое сентября, ей хотелось скорее узнать, что находится внутри здания школы, как там учат детей. К сожалению, Клава, занятая работой в колхозе, не смогла пойти с дочкой на торжественную линейку по случаю начала нового учебного года.

Веру в школу повела Саня. В портфель с двумя блестящими замочками помогла положить букварь, тетради, пенал. Стояла теплая погода. Сентябрьское солнце щедро одаривало землю теплом и создавало праздничное настроение. По дороге они встретили Вериных подружек, у которых в руках были холщёвые сумки.

Перед школой ученики выстроились по классам, толпой стояли родители и многочисленные жители деревни. Директор школы произнёс речь, затем передал бронзовый колокольчик самой маленькой первоклашке, посадил ее на плечо, и под звон колокольчика ученики направились в школу.

Первое время школьники писали карандашами прямые палочки и палочки с крючками. Вере нравилось учиться, она с удовольствием ходила в школу. Все отделения портфеля заполняла полностью не только учебниками и тетрадями, но и совсем ненужными в школе вещами. Она гордилась своим портфелем, с достоинством открывала и показывала подругам его содержимое. Портфель был увесистым, и его тяжесть не раз испытал на голове Слава Стариков. Ему нравилась Вера и,

чтобы привлечь к себе ее внимание, он дёргал её за косичку.

В ноябре пришла зима с легкими морозцами, с первым пушистым снегом. Вся ребятня собиралась на горке – крутом длинном спуске к реке. Катались на санках, лыжах и ледянках – это замороженная в тазу вода с отходами от кормления коров. Ледянка катилась с горки быстрее санок, иногда крутилась, сбрасывая владельца в снег. На горке Веру встретила подружка Катя, с головы до ног в снегу. Она спросила:

– Почему пришла так поздно?

– Уроки готовила.

– Уроки можно вечером делать.

– У нас семилинейная керосиновая лампа висит высоко под потолком и на стол бросает тень.

– А у нас десятилинейная лампа висит над столом.

Домой обычно Вера возвращалась с набитыми снегом валенками, мокрыми рукавицами и колом торчащим подолом от намерзшего снега. Увидев дочь в таком виде, мать вспоминала себя в возрасте Веры и строго говорила:

– Раздевайся и марш на печку!

На печи тепло и уютно. На противоположной стене играют блики от горящих в топке дров. По кухне разносился запах от готовящейся еды, возбуждающий аппетит. Клава готовила ужин на подтопке – небольшой плите, примыкающей к русской печи.

После окончания первого класса у Веры начался самый счастливый отрезок детства, запомнившийся на всю жизнь. С утра до вечера с подругами на свежем воздухе – купание в реке, игры в классики, прятки, лапту. За неимением резиновых мячей пользовались тугими шарами из шерсти, которые умела катать Клава. Не исчезли из памяти походы со взрослыми в лес за земляникой. Обычно её в лес за ягодами брала с собой бабушка Кати. Накануне похода за ягодами Вера беспокоилась, чтобы не проспать.

– Мама, – просила она, – разбуди меня пораньше, а то Катя с бабушкой уйдут без меня.

– Спи, не волнуйся, они зайдут за тобой.

Ночью Вере снился сон. Она набрала полную корзину ягод. Её охватила радость – мама сварит из ягод немного варенья, а остальную высушит. Зимой из распаренной земляники будет стряпать вкусные пирожки и шанежки. Внезапно её охватил испуг – корзина оказалась неподъёмной. «Неужели придется отсыпать ягоды?» – подумала она и проснулась. Рядом стояла мама и легонько трясла за плечо.

– Пора просыпаться, умойся, поешь оладушек с молоком, скоро за тобой придут.

Леса окружали деревню со всех сторон. На солнечных косогорах и полянах, среди травы краснели кисти крупной земляники. Катина бабушка хорошо знала ягодные места и привела девочек на такую поляну, где ягоды висели

гроздями. Сон Веры оказался вещим. Когда её корзинка почти наполнилась, она вскрикнула:

– Смотрите – ёжик бежит!

Катя и бабушка подошли к ёжику, он свернулся в клубочек и притаился.

– Какой маленький, – произнесла Вера, – я думала, что ёжики крупнее.

– Большие ёжики вырастают из маленьких, – сказала бабушка, – ты тоже когда-нибудь вырастешь большой.

– Можно я возьму его домой? – спросила Вера.

– Он колючий, как ты его понесешь? – удивилась Катя.

– Сними платок, – предложила бабушка, – и закати палочкой ежа на него.

Ёжик прижился в доме Коневых. Он с удовольствием пил молоко, разбитые куриные яйца, поедал дождевых червей, гусениц и разных жуков, которых Вера собирала в огороде. Днём прятался от людей, а ночью ходил по дому.

Недолго длились веселые игры в первые школьные каникулы. Неожиданно 22 июня грянула война. Вера почувствовала, что обстановка в доме стала напряженной и гнетущей: говорили вполголоса, слушали сводки Совинформбюро и ждали сообщений о перемене событий на фронте. В июле отца призвали в армию. Проводы были горькими, со слезами и плачем. На прощание отец обнял детей и крепко поцеловал жену, как давно не целовал. «Неужели этот прощальный поцелуй –

последний в нашей жизни?» – подумала Клава, и из глаз сильнее покатились слёзы. Ему было тридцать два года, а ей – двадцать девять. Когда Михаил шёл к телеге с новобранцами, она перекрестила его и мысленно произнесла слова: «Господи, спаси его, сохрани и помилуй».

Призывников направили в учебный отряд, расположенный в городе Выкса Горьковской области. Формирование дивизии длилось четыре месяца. В этот период отец часто писал о прохождении службы. Вот письмо, датированное 22 декабря 1941 года.

«Пишу письмо своей любимой жене Клавдии Владимировне. Сообщаю, что письмо не из города Выксы, а со станции Навашина. Нас перебросили, дали военную форму, как положено дали все тёплое, дали валенки, и уезжаем на фронт.

Вот вам, Клавдия, прописывает твой муж Михаил Степанович. Проучились четыре месяца, не знали никакой заботы. А сейчас, знаешь, будем жить на фронте. Дак вот, Клавдия Владимировна, ещё прописываю: жив буду – приеду домой, а, наверное, придётся с тобой проститься и со своими детками Верой и Геной, которые остались без родного отца. Прости меня, моя жена Клавдия Владимировна, и простите, мои детки. И простите меня, тятенька и маменька, и ваша дочь Саня. Может, я вас когда и огорчил. И до свидания, мой товарищ Федя. Клавдия, пока письма не пиши. Да вот, Клавдия, и не надо мне больше посылок.

Может быть, и вернусь домой. Сейчас жди мои письма с фронта.

Пока до свидания, моя любимая жена Клавдия, любимые мои детки Вера и Гена. Уезжает от вас ваш отец далеко. Писал письмо, и капали слезы на письмо. М.С.К.».

Война изменила привычный распорядок жизни в семье Коневых. Прекратились шумные игры, дети в одночасье повзрослели, у них появились обязанности. Мать с утра до вечера работала в колхозе. Уходя утром на работу, предупреждала Веру:

– Вернёшься из школы, разогрей щи и накорми Гену. Не забудь дать сена корове и овцам.

Жить с каждым днём становилось труднее и труднее. Клаву одолевала забота, чем кормить детей. Заработанные в колхозе трудодни не отоваривались. Все продукты отправляли для фронта.

Война сплотила людей, перед общей бедой забылись все ссоры и размолвки. Бабушка Анна каждый день приходила к внукам и доила корову.

В школе ученики собирали посылки для фронта. Девочки вязали носки, варежки, шили кисеты и заполняли их махоркой. На кисетах вышивали картинки, знакомые с детства, в надежде, что отец, получив кисет, узнает работу своей дочери. Каждая надеялась, что её отец получит теплую вещь или кисет с табаком.

Встреча с почтальоном всегда вызывала у Веры тревогу в сердце. Уж очень часто он приносил в семьи не только письма, но и похоронки. В феврале 1942 года от отца пришло последнее письмо. Он писал, что очень любит и скучает по Клавдии Владимировне и своим деткам, обещал выслать детям на подарки сто рублей, если разрешат сходить на почту.

Беда не обошла стороной почти каждую семью в деревне. В апреле 1942 года похоронка пришла и Клаве, в ней сообщалось, что Конев Михаил Степанович геройски погиб, защищая Родину, и похоронен в Ленинградской области.

Клава пала духом, пропала даже надежда на получение писем от мужа. Только дети, которых надо было вырастить и поставить на ноги, придавали ей силы. Вера, видя состояние матери, старалась помогать ей по хозяйству. К её приходу с работы печь была затоплена и сварена картошка в чугуне. Деликатесом считалась пареная и сушёная свёкла. Чай пили с сушёной малиной.

С наступлением лета Вера взяла на себя обязанности по заготовке ягод. К обеду в доме всегда стояла большая плошка с земляникой. Когда созревала малина, девочки приносили её по полному лукошку, стараясь заготовить на зиму. Сушили малину на капустных листах в печи. Ходить за ягодами приходилось за семь километров. На выгоревших участках леса кусты малины вытянулись выше человеческого роста.

Были случаи, когда девочки собирали ягоды с одной стороны зарослей, а с другой стороны медведь обсасывал ветки. Услышав его рычание, девочки убегали в другие места.

Грибная пора – самая интересная и любимая. В лес ходили группой. Среди деревьев постоянно звенели детские голоса. Девочки перекликались и радовались находкам. Грибы заготавливали на долгую зиму в солёном и сушёном виде.

Во время уборки пшеницы все школьники классами ходили на поля для сбора колосков. Каждый держал в руках мешок, в который складывал колоски. Взять несколько колосков в карман считалось воровством, и родителей могли оштрафовать. А вот съесть зерно из колоска никто не запрещал, но делать это надо было скрытно. Вера, бывало, разомнёт в ладонях колосок, продует полову и высыплет зерно в рот. Если долго жевать пшеницу, она превращается в тестообразную массу с приятным хлебным вкусом.

Учебный год в школе начинался с октября. В сентябре школьники помогали копать колхозную картошку. Работать приходилось в любую погоду. Обуви добротной у большинства ребят не было. Вера часто приходила домой с мокрыми ногами и почти по колено в грязи.

В начале мая сорок пятого года в четырёхлетней деревенской школе состоялся последний звонок для выпускников четвёртого класса. На торжественную линейку не смогли прийти

родители, занятые на работе в колхозе. У многих пришли бабушки и дедушки. Поздравить Веру с окончанием начальной школы пришла Саня. Для некоторых ребят учёба на этом закончилась. Школа-десятилетка находилась в соседней деревне, расположенной в семи километрах от их домов. По дороге из школы Александра сказала:

– Вера, обязательно подай документы для продолжения учёбы.

– Очень далеко ходить.

– Я ходила, и ты будешь ходить, – твёрдым голосом заявила Саня.

В новой школе каждый преподаватель вёл свой предмет. К этому ребята скоро привыкли. Труднее было привыкнуть по утрам вставать чуть свет и почти два часа добираться до школы. Домой дети возвращались поздно, уроки приходилось готовить при керосиновой лампе. В зимние холодные месяцы родители для своих детей снимали квартиры у местных жителей.

Колхоз мог бы выделить какой-нибудь транспорт для доставки детей в школу, но считалось в порядке вещей ходить пешком. Родители об этом даже не задумывались. Во время войны все помыслы направлялись на добросовестный труд для фронта, думали: кончится война, вот тогда заживём благополучно. Закончилась война. Потребовалось поднимать разрушенное хозяйство, восстанавливать города и сёла, пострадавшие во время боёв. Полки в магазинах, как прежде,

пустовали. Изношенную за годы войны одежду и обувь не представлялось возможности заменить. Да и денег у колхозников не было. Родителям иногда выдавали талоны для покупки той или иной вещи. Вера помнит день, когда их семье выделили талон на покупку ткани. Она была на седьмом небе от счастья: в магазин шла выбирать материал себе на платье в приподнятом настроении.

В летние каникулы Вере, которой исполнилось двенадцать лет, с младшим братом приходилось пасти коров. В деревне не было пастуха, и жители по очереди выгоняли коров пастись на лесных вырубах. Коровы имели разный норов, некоторые стремились уйти в лес. Их приходилось постоянно выгонять на выруб. На обед они брали кусок хлеба, по две картошки и по четушке молока. Домой возвращались голодные и уставшие, но довольные – ни одна корова не отстала от стада.

В обязанность Веры входила продажа молока. Молоко продавали не потому, что оно было лишнее, а для того, чтобы на вырученные деньги купить хлеб, который в те времена продавали на вес. Если при покупке попадался хлебный довесок, она его съедала, поделившись с братом. Однажды зимой мама налила молоко в бутылку, называемую четвертью, и отправила дочь продать. Вера посадила на санки Гену, дала ему в руки бутылку и решила прокатить его с горки. Санки перевернулись, Гена упал, а бутыль разбилась.

Клава, конечно, наказала дочь, но та не обижалась, понимая, что семья осталась без хлеба.

После окончания семи классов Вера поступила учиться в культпросветшколу в городе Йошкар-Ола. Она собиралась стать клубным работником. В этом же году вынуждена была перевестись на заочное отделение, устроиться работать в цех, изготавливающий снаряды, и переехать жить в военный городок. Трудолюбивая и инициативная, она стала передовиком производства, вступила в комсомольскую организацию. На очередных выборах местного самоуправления её избрали депутатом и секретарем Краснооктябрьского поселкового совета.

В начале марта, когда начал оседать снег под лучами весеннего солнца, к ней в кабинет зашёл офицер Сергей Семенович, чтобы сделать отметку в документах о прибытии в отпуск. Молодые люди полюбили друг друга с первого взгляда. Они встречались в Доме культуры и проводили вместе вечера. За несколько дней до окончания отпуска Сергей объяснился в любви и сделал Вере предложение выйти замуж.

– Серёжа, мы знакомы несколько дней, – произнесла она после затянувшейся паузы, – такие вопросы скоропостижно не решаются, тем более что заявление на регистрацию брака надо подавать за месяц.

– Регистрацию брака в поссовете проводишь ты, неужели не сделаешь исключения для себя?

После долгих и настойчивых уговоров Вера дала согласие на замужество.

Клавдия Владимировна, узнав о решении дочери, была шокирована, у нее потекли слёзы. Дрожащим голосом произнесла:

– Тебе недавно исполнилось девятнадцать лет, ещё рано выходить замуж.

– Мама, не волнуйся, я ещё никуда не уезжаю. Серёжа приедет за мной через год, ему надо оформить пропуск для моей поездки в закрытую зону.

На следующий день Вера собственноручно поставила штампы о регистрации брака в свой паспорт и в удостоверение Сергея. Сыграли свадьбу, а через день Сергей уехал к месту службы.

Вера часто, сидя в кабинете, пыталась осмыслить своё замужество. Будет ли её брак счастливым и долговечным? Как сложится её судьба вдали от родственников и матери? Сердце подсказывало, что Сергей любит её, и она будет счастлива с ним. Это подтверждали письма, которые он писал регулярно.

Через год Сергей приехал за ней. Простившись со своими родными и близкими, она покинула ставший родным посёлок Краснооктябрьский, чтобы многие годы следовать за мужем по местам его службы. Вера Михайловна прошла нелегкий

путь жены офицера, постоянно разделяя с мужем тяготы офицерской службы.

Послесловие

Прошли десятилетия, в стране изменился строй, стали возрождаться православные традиции. Вера Михайловна отметила восьмидесятилетний юбилей и пятьдесят девять лет совместной жизни с любимым человеком, выросли дети, внучки, подрастают правнуки. Работая над дневником воспоминаний о жизни своих родителей, она пришла к вере в Бога, стала посещать церковь, вернулась к истокам веры, от которой была оторвана ходом истории.

Депортированные

Утомился Фёдор Иванович, взбираясь на гору Осташка, присел на ствол поваленного дерева и осмотрелся. Его окружал хвойный лес. Здесь росли сосны, ели и кедры. Под горой протекала Томь и впадающая в неё река Усть-Нарык, за которой стояли бараки лесозаготовителей. Вдали на фоне голубого неба сияла снежная вершина Белухи. Фёдор задумался, прикрыл глаза, и перед ним мгновенно пролетели события прожитых двадцати семи лет.

Он родом из поволжских немцев. В 1939 году его призвали в Красную армию. Войну встретил на западной границе, воевал с финнами и немцами, был ранен, отправлен в госпиталь. После излечения Фёдора отправили в трудовую армию без права переписки. Он не знал, что в августе 1942 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Его маму, сестру и брата переселили в Алтайский край. Только в 1956 году родственникам удалось разыскать друг друга и встретиться.

Работать Фёдору довелось на свинцовом заводе в Челябинске, затем на цементном заводе в Красноярске, прежде чем попал в 1943 году на лесозаготовки в Кемеровскую область. Работа в леспромхозе была трудной. Заготавливали бревна из пихты, осины и берёзы для кемеровских шахт.

Штабеля укладывали на берегу Томи, а при весеннем паводке сплавляли по реке до Кемерово. Летом река сильно мелела, и сплав прекращали.

Кормили поднадзорных баландой и хлебом. Если работник выполнял норму по заготовке леса, получал восемьсот граммов хлеба. Если норму не выполнял – четыреста граммов. Стоило человеку несколько дней подряд не выполнить норму – он уже её никогда не выполнял. Можно было считать его нежильцом на белом свете.

Фёдора Бог силой не обидел. Норму всегда выполнял, иногда помогал друзьям. Хотя постоянное недоедание заметно сказывалось на утомляемости. Тяжёлый труд не убил в нём главные качества человека. Он обратил внимание на работницу пекарни Веру Степановну Труханову. Она, не в пример другим женщинам, была скромна и трудолюбива. При случайных встречах находил повод поговорить. В посёлке было немало молодых свободных женщин, но ему в душу запала она. Часто, работая на лесоповале, вспоминал, какая на ней была одежда, о чём говорила.

Вера заметила, что небезразлична высокому красивому мужчине. Она сменила синий рабочий халат на белоснежный. Часто меняла кофточки. Фёдор обратил внимание на это. Между ними завязалась дружба. Она иногда тайком угощала его краюхой хлеба. Их дружба длилась недолго, Фёдор сделал предложение и в сорок пятом году, после Дня Победы, они поженились.

Её родители были раскулачены и сосланы на лесозаготовки, когда девочке было семь лет. Первый год бывшие «кулаки» жили в землянках. Позже переселились в выстроенные бараки. Вскоре отец погиб, придавленный вековой сосной. У матери на руках осталось шестеро детей. Два старших сына сбежали из ссылки. Мать оказалась неприспособленной к жизни: никогда не работала, занималась только детьми. Всем в доме ведал муж. Оставшись без средств к существованию, стала ходить по деревням, просить милостыню. В одной из деревень сердобольная женщина пожалела многодетную мать и оставила у себя Веру нянчить ребёнка. Два года Вера водилась с ребёнком. С тринадцати лет начала работать в леспромхозе. Рубила с поваленных деревьев лапы для выгонки пихтового масла. Трудолюбивую девочку заметило начальство и перевело работать в пекарню. В бараке она выросла и вышла замуж. К сожалению, долго замужем пожить не удалось. Муж погиб на лесоповале, оставив её и малолетнего сына Юру.

Начальство разрешило Фёдору и его приятелю построить двухквартирный бревенчатый дом. В свободное время с помощью бригады лесорубов закипела работа, и вскоре дом был готов. Нашёлся умелец, который смастерил глинобитную русскую печь. Отметили ввод дома в эксплуатацию, и остались молодожёны в четырёх стенах без всякой утвари. Мебели нет, посуды нет.

– Как жить будем среди пустых стен? – спросила Вера.

– Для начала принесём матрасы, выданные леспромхозом.

Вера была уже беременной, радовалась собственному жилью. Ей надоело жить в бараке. Отсутствие мебели сильно не волновало. «Обстановка – дело наживное», – думала она.

Словно подслушав её мысли, Фёдор произнес:

– Завтра попрошу отпуск и поплыву в Новокузнецк. Там куплю всё самое необходимое. Стол и табуреты сам слажу.

– Я с тобой, – мягко, но решительно заявила Вера, – Юра останется с бабушкой Анной.

Длинная деревянная лодка медленно поднималась по бурной реке с перекатами и порогами. В корме с шестом стоял Фёдор и направлял лодку между валунами, в носу Вера шестом отталкивалась от каменистого дна, помогая мужу. Им предстояло пройти до Новокузнецка семьдесят восемь километров. За первый день прошли треть пути.

Вечером пристали к отмели, вытащили лодку по галькам на берег настолько, насколько позволили силы. Фёдор развел костёр, принёс в котелке воду. Вера стала готовить нехитрую еду, а он впервые осмотрел окружающую местность. Во время плавания всё его внимание было приковано к реке, чтобы не опрокинуть лодку.

Вдоль реки росли тальники, за которыми стеной стоял хвойный лес. На правом берегу поднимались скалистые горы. Его взгляд привлекла небольшая сосенка на уступе скалы. «Как ей удаётся удержаться, и какое питание находят её корни в скале?» – подумал он, взял топор и отправился в лес. Вернулся с охапкой лапника и бросил его в лодку. На вопросительный взгляд жены ответил:

– Спать будем в лодке, закроемся брезентом.

Вера поняла намерение мужа и не задавала вопросов.

Стояли последние тёплые дни осени. По небу ползли редкие облака. К вечеру второго дня им навстречу надвигалась чёрная туча; изредка сверкала молния, порой грозно раскатывался гром. Начал накрапывать дождик. Фёдор поспешил пристать к берегу. Он успел накрыть себя и Веру брезентом, как с неба хлынул ливень. Вода потоком скатывалась по брезенту в корму лодки. «Хорошо, что лодка стоит с наклоном, – подумал Федор, – а то пришлось бы нам сидеть в воде».

Гроза быстро закончилась, туча унеслась орошать другие участки суши, на небе появилось солнце.

Фёдор откинул брезент, осмотрел местность и произнёс:

– Ночевать будем здесь, пойду наловлю хариусов, после грозы должен быть хороший клёв.

На третий день семейная пара добралась до Новокузнецка. «Оставлять лодку без присмотра

нельзя. Не ровен час – угонят», – подумал Фёдор и обратился к жене:

– Оставайся караулить лодку, а я пойду на базар.

– Как же ты один донесёшь все, что надумали купить?

– Сделаю несколько ходок.

Прежде чем делать покупки, Фёдор обошёл рынок, приценился к товару. Затем купил металлическую кровать и ванну для будущего ребенка. «Не резон нести пустую ванну», – подумал и купил посуду и приданое для малыша. Он очень любил детей. К Юре – сыну Веры – относился, как к собственному ребенку, но всё же ему очень хотелось иметь своих детей. Будущий отец связал ручки ванны верёвкой, спинки кровати привязал к сетке и отправился к реке. Вскоре понял, что два места одновременно ему не донести. Прислонил кровать к забору, отнес ванну метров на сто и вернулся за кроватью. Такими ходками медленно продвигался вперёд. За ним наблюдала женщина, стоящая у калитки одного из домов. Когда он поравнялся с ней, спросила:

– Мил человек, далеко вещи несёшь?

– К реке, к лодке.

– А плыть то далече?

– В Усть-Нарык.

– Неблизкий путь, – посочувствовала женщина и предложила:

– Возьми у меня тачку, быстрее довезёшь.

Вера удивилась, увидев мужа с тележкой. Пока он отвозил её доброй женщине, перебрала купленные вещи. При возвращении мужа сказала:

– Побудь у лодки, теперь я схожу на рынок, надо ещё кое-что купить из вещей.

С покупками Вера вернулась быстро. Фёдор обратил внимание на часы – ходики с тяжёлой гирей в виде пихтовой шишки.

– Зачем ты купила такие часы? – удивился он, – лучше бы купила ручные. Ребята в бригаде очень хвалят часы марки «Победа».

– Ходики напомнили мне детство. У дедушки в доме висели такие же. В них каждый час открывалось окошечко и куковала кукушка.

– Поскольку они тебе нравятся, – согласился Фёдор, – повесим в доме на самое видное место.

Путь обратно оказался не легче. Для молодых здоровых людей не было непреодолимых препятствий. Они спешили в собственный дом, где их ждала счастливая семейная жизнь.

Вскоре у них родился первенец, Володя. Родители не чаяли в нём души. Фёдор приезжал домой с вахты раз в неделю. Первым делом брал на руки сына и целовал жену. Мальчик рос крепким и подвижным. Неожиданно через полгода стал болеть, появилась рвота.

На этом воспоминания Фёдора прервались. Он вспомнил, что Вера послала его добыть рябчиков на похлёбку больному сыну.

Несмотря на заботу и любовь родителей, первенец Володя скончался в 1947 году в возрасте полутора лет. Его похоронили рядом с могилой первого мужа Веры. Она перекрестилась со слезами на глазах и долго стояла в задумчивости. Фёдор подумал: «Кого она сейчас больше жалеет – сына или первого мужа?» Вопросов задавать не стал, чтобы не усугублять горе жены.

Спустя годы бабушка Анна, умирая, покаялась, что виновата в смерти Володи, недосмотрела. Она посадила ребёнка на стол и отвлеклась. Мальчик упал со стола и ударился головой. Об этом никому не сказала. Видимо, у него было сотрясение головного мозга и другие ушибы.

В любви и заботах друг о друге в семье начали рождаться дети один за другим. Вера подарила мужу семерых погодков: Ивана, Фёдора, Марию, Любу, Сашу, Галю, Наташу. Роды принимала бабка-повитуха. Фельдшерского пункта в посёлке не было. Только младшую дочь Наташу при родах принимала фельдшер и умудрилась повредить ей ключицу. К её рождению в посёлке появился фельдшерский пункт и четырёхлетняя школа.

В 1955 году вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и их семей, находящихся на спецпоселении». Вскоре была упразднена комендатура, но запрет на возвращение в родные места остался в силе. Поселенцам разрешили менять место работы и жительства. Начались

поиски родственников и воссоединение семей. Многие немцы потянулись на жительство в тёплые края. Фёдор и Вера не собирались никуда уезжать: им надо было воспитывать и учить детей. В посёлке уже открылась десятилетняя школа.

Фёдор построил новый вместительный дом. Вера первым делом принесла и повесила на стене часы-ходики. Она с любовью следила за чистотой в доме. Трижды в год белила потолок и стены: к Рождеству Христову, Пасхе и Рождеству Пресвятой Богородицы.

Для семьи Фёдора Усть-Нарык стал родным местом. У них уже было пятеро детей. Он говорил Вере:

– Я не жалею и не держу обиды на власть за то, что меня депортировали из армии. Если бы остался на фронте, наверняка бы погиб и не встретил тебя.

Ей приятно было слышать от мужа такие слова, и она вторила ему:

– Я тоже не держу злобы на власть. Сюда меня привезли маленькой. Прежняя жизнь родителей меня мало коснулась.

Семья Штреслер завела хозяйство. У них появились корова, куры, поросёнок. После отёла коровы оставили тёлку. За скотиной ухаживала бабушка Анна, которая недавно вышла на пенсию. Она работала с пятнадцати лет, а ей насчитали трудовой стаж всего пятнадцать лет. На её плечах была поселковая баня, которую топили два раза в неделю. В один день мылись мужчины, в другой –

женщины. Накануне помывки из реки в гору носила по триста вёдер воды. Когда стали начислять пенсию, стаж учли из расчёта два рабочих дня в неделю.

Вера, глядя на двух коров и тёлок, спросила мужа:

– Нас не раскулачат?

– Не должны. У нас приходится меньше, чем полкоровы на каждого члена семьи.

Веру ответ не успокоил. Она вспомнила рассказ матери. Верин дед с тремя взрослыми женатыми сыновьями жили в одном большом доме под Орском Оренбургской области. В трёх семьях было восемнадцать детей. Работали в поле от малого до самого старого. Большим хозяйством управлял дед. Отец Веры Степан неоднократно предлагал своему отцу разделиться. Он лучше других разбирался в политике. Но тот упрямо повторял: «Вместе в большом хозяйстве легче управляться».

Степан служил на Балтийском флоте с 1897 года. Плавать бы ему на кораблях двадцать пять лет. События 1905 года изменили его судьбу. В потасовке сильно пострадал, и его комиссовали. Когда пришли раскулачивать семью, бывшего моряка хватил инфаркт. Родственникам дали возможность его похоронить, затем всех отправили в Новокузнецк.

Опасения Веры не подтвердились, жизнь менялась, росли дети. Хлопот с подрастающими детьми стало больше. Их с ранних лет приучали к

труду. Ивана отец с шести лет брал на сенокос. С восьми лет уже верхом на лошади сгребал сено, с десяти лет возил на быке уголь для нужд посёлка с шахты, расположенной в трёх километрах, катал бревна к эстакаде для спуска на воду. Работа была небезопасная. Двое ребят сидели верхом на лошадях, мужчины цепляли концы брёвен цепями, привязанными к постромкам, и мальцы, погоняя лошадей, катили брёвна к спуску на воду. Однажды рабочий не успел вовремя отцепить цепь, и бревно покатилось под уклон, увлекая за собой лошадь. Фёдор закричал во всё горло:

– Иван, прыгай!

Тот и сам уже понял, что случилось неладное, и кубарем слетел из седла. Бревно утащило коня в воду. К счастью, конь не пострадал.

Пристрастием Ивана было отцовское ружьё. Он часто просил отца, вернувшегося с охоты:

– Папа, дай подержать ружьё.

Фёдор никогда не отказывал сыну в просьбе. Однажды, вернувшись с охоты, подал ему ружьё и сказал:

– Поставь в угол, – а сам повёл коня ставить в конюшню.

Иван пытался открыть двустволку, но не смог, а вот один курок взвёл и продолжал крутить ружьё в руках. Раздался выстрел, заряд дроби попал в косяк окна и выбил стекло.

Фёдор прибежал в дом и увидел испуганного сына и валяющееся на полу ружьё. Ругать ребенка не стал. Ободряюще произнес:

– Завтра научу тебя стрелять.

Ночью Иван плохо спал, думал о завтрашнем дне, мечтал о первом выстреле в своей жизни. Утром за завтраком спросил отца:

– Когда пойдём учиться стрелять?

– Поедим и пойдём.

Они вышли в огород, отец поставил кусок доски около навозной кучи и протянул сыну ружьё. Не успел Федор объяснить сыну, что приклад надо плотно прижимать к плечу, как тот, держа приклад под мышкой, навёл ствол в доску и выстрелил. Ствол ружья резко дернулся вверх и разбил стрелку переносицу.

Охотиться самостоятельно Иван начал с седьмого класса.

Самым заядлым охотником в семье был Саша. Его постоянно брал с собой на охоту фронтовик Пётр Никифорович Пермяков, заявляя, что Саша приносит ему удачу. В четырнадцать лет он впервые стрелял в медведя.

Ранней осенью шли охотники по косогору, стреляли рябчиков, собака периодически облаивала белок. Вдруг она помчалась вниз , и там раздался её злобный лай. Дядя Петя достал из своёго патронташа патрон, заряженный пулей, протянул его Саше, и они поспешили на лай. Под выворотнем оказалась берлога. Медведь успел

разоспаться, на лай собаки не реагировал, но когда к берлоге подошли люди, выскочил из своего укрытия и бросился в сторону Саши. Находясь выше медведя, Саша выстрелил ему в загривок. Зверь оказался боком к дяде Пете. После выстрела в лопатку медведь скрылся за деревьями.

Саша не успел испугаться, но его руки и ноги дрожали.

– Медведь ранен, надо догонять, – предложил он.

– Преследуя, мы его угоним далеко, или он нас подкараулит из укрытия. Пусть окочурится, а утром мы его найдём, – ответил Пётр. – У меня разболелась раненая нога. Пойдём домой.

По поселку разнеслась весть: Саша Штреслер стрелял медведя. Отец поздравил сына.

– Папа, как ты думаешь, отдаст дядя Петя мне шкуру?

– Конечно, отдаст, у него есть уже шкуры. Тем более, ты первым ранил зверя.

Утром охотники отправились в тайгу. В сотне метров от берлоги нашли кишки зверя, расклёванные воронами, и следы копыт лошади. Мечта Саши о шкуре улетучилась как сон.

Много позже выяснилось, что дед Михаил Абрамов, узнав о смертельно раненом звере, поехал верхом на лошади на поиски. Его собака по следу зверя легко нашла тушу, и он вывез мясо.

Была у Саши в школьные годы ещё одна встреча с медведем. Он с приятелем шли по склонам ручья в поисках рябчиков. Стояла золотая осень. Листья

берёз сменили окраску. Вдоль ручья горели заревом кусты калины. На склонах росли рябины с богатым урожаем ягод на ветвях. Ребята знали, что это излюбленное место кормёжки рябчиков. Неожиданно впереди увидели медведя, который ел калину, пригибая лапами к себе ветки. Зверь учуял непрошеных гостей, помешавших ему завтракать, и двинулся к ним навстречу. Ребята бросились бежать. Саша заметил наклонную берёзу, перекинул ремень ружья через голову и, как кошка, взлетел на дерево. Медведь полез за ним.

Приятель видел эту картину, прибавил скорости и, прибежав в посёлок, рассказал о случившемся. Фёдора не было дома, несколько мужчин, вооружившись ружьями, отправились на поиски.

Тем временем Саша примостился на толстой ветке берёзы, обняв ствол одной рукой. Видя медленно приближающегося к нему по стволу дерева зверя, снял с плеча ружьё и направил ствол вниз. Он знал, что ружьё заряжено мелкой дробью, и его заряд вряд ли причинит вред медведю. Когда плечо зверя почти коснулось ствола, выстрелил. Медведь свалился на землю.

Саша не почувствовал радости или облегчения. К страху добавилась дрожь во всём теле. Он повесил ружьё на шею и двумя руками обхватил ствол берёзы, чтобы не упасть к раненому зверю.

Когда к дереву подошли односельчане, он боялся спускаться вниз. Его долго убеждали, что медведь мертв.

Дети Штреслер хорошо учились в школе, были октябрятами, пионерами, вступили в комсомол. Четверо получили высшее образование, трое – среднетехническое. Проживая в разных областях страны, всегда в отпуск приезжали в родной посёлок, чтобы повидаться с родителями, поохотиться и порыбачить.

В очередной день рождения матери дети подарили ей стиральную машинку «Белка». Вера Степановна заглянула внутрь машинки и заявила:

– Стирать в ней не буду.

– Почему, мама? – спросила Мария.

– Изорвёт бельё.

– Ни у кого из нас машинки не рвут бельё.

– На стиральной доске надёжнее. У меня руки ещё крепкие.

– Мы сейчас одну закладку белья постираем, – сказала Галя, – если бельё порвется, я пойду в магазин и куплю новое.

Дочери уговорили мать стирать бельё на машинке. В дальнейшем она не раз благодарила их за подарок.

Галя пригласила мать погостить у неё в Новокузнецке. Вера Степановна обошла четырёхкомнатную квартиру и заявила:

– Бабы, вас город избаловал, вам делать нечего. У вас вода и туалет в доме.

На следующий день на даче Вера Степановна окончательно была поражена городской жизнью.

Она с удивлением смотрела на дачный домик и произнесла:

– Какие хоромы здесь и в городе. Вас пора раскулачивать.

– Теперь, мама, другие времена, – ответила Галя.

Иван после службы в армии на Дальнем Востоке окончил в Красноярске Сибирский технологический институт. Жил в Кемерово. Работал в исправительно-трудовой колонии № 5. На пенсию ушёл с должности начальника колонии в звании полковника.

Саша, отслужив положенный срок в армии, окончил факультет лесного хозяйства этого же института, а затем лётную школу в городе Пушкино, получив специальность лётчика-наблюдателя. По распределению был направлен в Иркутскую авиабазу. Последние семнадцать лет перед уходом на пенсию работал в управлении природных ресурсов администрации посёлка Усть-Кута. Всё свободное от работы время уделял охоте.

Как-то, встретившись у родителей, Иван с Сашей поехали на охоту. Им надоела городская жизнь, хотелось побыть на природе, в милых с детства местах. Они устроились в яме, выкопанной около солонца, и стали ждать марала. Сидели, молча наблюдая по сторонам. Неожиданно перед ними раздвинулась трава и показалась голова медведя. Саша выстрелил, медведь скрылся в высокой траве. Братья, держа ружья на изготовку, медленно

подходили к месту исчезновения зверя. Небольшой медведь оказался мёртвым, пуля попала в глаз.

– Надо оттащить тушу от солонца и разделать, – предложил Саша.

– Мне давно хочется иметь шкуру медведя с головой, – произнёс Иван, – увезем его домой, отец специалист по разделке и выделке шкур.

Братья связали ноги зверя, просунули между ними толстую жердь и отнесли к мотоциклу. Усадив медведя в люльку, тронулись в путь. Малонаезженная лесная дорога, виляя между сосен, спускалась под уклон и вывела на поляну. Им дорогу перебежал заяц и остановился недалеко у осинника. Иван сбавил скорость, и мотоцикл заглох. Он достал из люльки ружьё, зарядил старыми дробовыми патронами и нажал на спусковой крючок. Последовала осечка. Он трижды взводил курок: осечки следовали одна за другой. Заяц сидел и ждал своей участи. Тогда Иван сменил патрон. После второй попытки раздался выстрел, и заяц упал как подкошенный.

Добычу положили медведю на колени, придавили передними лапами и поехали домой. По дороге Саша сказал:

– Я мысленно посылал зайцу сигналы: убегай, убегай!

– Видимо, такая у него участь, – ответил Иван.

Перед посёлком Иван снял с себя фуфайку и накинул на медведя. Около магазина на повороте фуфайка слетела, и жители, толпившиеся у

магазина, увидели интересную картину: медведь в люльке мотоцикла держит в лапах зайца.

Поехали братья на рыбалку в верховье реки Терсь. Наловить рыбы можно было недалеко от поселка, но им хотелось посмотреть знакомые с детства места, узнать, какие произошли изменения, после городской жизни насладиться красотой природы, подышать чистейшим воздухом.

Лето приближалось к осени. Кое-где листья берёз отливали золотом в лучах яркого солнца. На ветвях кедров тяжёлым грузом висели фиолетовые смолянистые шишки. Скоро они изменят цвет на коричневый и начнётся их сбор.

Иван вел машину по берегу реки Усть-Нарык. Подъехав к устью Терси, повернул на еле заметную дорогу, проложенную вдоль реки геологами. Эта река берёт своё начало в ледниках знаменитой горы Белухи. Дорога несколько раз по перекатам переходила с одного берега на другой. Горную речку с валунами на берегах с трудом преодолевал ГАЗ-66.

С каждым часом менялась растительность на берегах. Лес становился ниже и реже, затем появился кедровый стланец – цепкий кустарник, стелящийся по земле. Пройти через заросли стланца невероятно трудно. И, наконец, машина достигла зоны альпийской растительности. Здесь стояла весна. Цвели медуницы и другие альпийские цветы.

Машина подъехала к большому глубокому плёсу: впереди шумел водопад. Иван заглушил мотор. Братья достигли места предстоящей рыбалки.

Они вышли на берег. Иван достал из рюкзака котелок и подошёл к реке. Через чистейшую воду просматривалось дно с отшлифованными гальками. В глубине промелькнул хариус.

Саша взял в машине лопату и отправился копать маралий корень. На поляне обнаружил следы медведей и ямки, вырытые в земле. Видимо, медведи приходили лакомиться корнями. Он посмотрел по сторонам, но нигде медведей не увидел.

Иван, узнав о следах медведей, беспокойства не проявил.

– Услышав шум мотора, они скоро к реке не подойдут. В лесу изобилие корма.

Попив чая, братья взяли удочки и отправились к водопаду. Вода падала с высоты меньше метра, создавая шум и каскад брызг, в которых колебалась разноцветная радуга.

На влажной почве виднелись следы лап, кучи помёта показывали, что медведи регулярно посещали это место.

Рыбалка напоминала перекладывание рыбы из реки в корзину. Стоило только мушке коснуться воды, раздавался всплеск, леска натягивалась струной и уходила вглубь. Крупные хариусы иногда на большой скорости выскакивали из воды

перед водопадом, пролетали над ним и уходили в воду выше него.

– На водопаде можно ловить рыбу сачком в воздухе, – произнёс Саша.

– Медведи, видимо, освоили здесь рыбалку, – ответил Иван.

Прежде чем отправиться в обратный путь, они сварили уху из живой рыбы. Такая уха ароматнее и вкуснее, чем из уснувшей и долго пролежавшей рыбы. «Опускать рыбу в кипяток равносильно живодёрству, – думал Саша. – С другой стороны, мгновенная смерть лучше, чем медленная и мучительная».

Увиденные следы медведей напомнили ему проделки медведей на его промысловом участке в верховье реки Лены. Он ел вкусную нежную рыбу и запивал ароматным бульоном, а мысли постоянно возвращались в закреплённые за ним угодья. «Вернусь домой, сразу же проведаю избушки, надо заготовить дрова на зиму», – решил Александр. Ему вспомнилась лайка Тунгус, которая не раз выручала его на охоте.

Его промысловый участок раскинулся вдоль реки Славки на восемьдесят километров. Славка впадает в Игу, которая течет в Лену. В угодьях пять зимовий, расположенных по кругу.

Приплывает как-то Саша к головной избушке, Тунгус выскочил из лодки и убежал в лес, а он поднялся по косогору к избушке, повесил ружьё-автомат МЦ-20-21 на гвоздь у двери, заглянул в

баню и пошёл проверить лабаз. В десяти метрах от лабаза остолбенел в испуге. Под лабазом медведь ел его продукты. Зверь залез по стволу дерева и сломал доски настила. Упавшие сухари и крупы с удовольствием поедал. Услышав подошедшего человека, уставился на него немигающими глазами. Мысли охотника лихорадочно работали. Если бежать за ружьём – медведь догонит. Не сознавая последствий, во всё горло закричал:

– Тунгус!

Медведь стоит и удивленно смотрит на крикуна.

Собака услышала призыв хозяина, примчалась на его зов, с разбегу заскочила на спину зверя и вцепилась в его загривок. Саша бросился к избушке, схватил ружьё и вернулся к медведю. Тот уже сбросил Тунгуса со спины и пытался поймать лапами. Четыре выстрела, сделанные в бок, уложили хищника. Достаточно было одного выстрела, но Саша не мог остановиться. Эти выстрелы были его местью за разоренный лабаз и за испуг, который ему пришлось пережить.

Вспомнился и другой случай, когда его спас Тунгус. Александра задерживали дела на работе, и он затянул время отстрела лося на реву. Заканчивался срок закрытия лицензии, и ему пришлось взять с собой лайку. Шли последние дни сентября. Холодный северный ветер срывал с берёз уже пожелтевшие листья. Призывный рёв сохатого услышал около гари. Тунгус умчался к зверю, охотник последовал за ним. Открытая местность не

позволила подойти близко. После выстрела лось помчался на охотника. Тунгус бежал рядом, пытаясь забежать перед зверем и остановить его. Саша медлил с выстрелом, чтобы не задеть собаку. Тунгус решился на отчаянный шаг. В прыжке вцепился зубами лосю в губу. Сохатый вздыбился, пытаясь стряхнуть собаку и ударить копытом передней ноги. Краткой остановки зверя хватило охотнику, чтобы произвести верный выстрел. Тунгус отпустил губу упавшей добычи и вцепился ей в шею. Александр подумал: «Сохатый на гону – страшней медведя».

Уезжали братья с рыбалки в самом прекрасном настроении. В корзине лежал хороший улов, они побывали в местах, милых сердцам с далёкой юности.

В труде и в заботах тянулись годы. Подошло время выйти на пенсию Фёдору, затем Вере. Дети приглашали переехать на жительство к ним, но их не прельщала городская жизнь. Их души прикипели к месту, где для них всё было родное. Здесь они познакомились, прожили в любви счастливую жизнь, воспитали детей.

На пятидесятилетний юбилей совместной жизни к ним приехали все дети, внуки и правнуки. За праздничным столом собралось сорок четыре человека. В этом же 1996 году от сердечного приступа в возрасте семидесяти семи лет ушёл из жизни Фёдор. Вновь приехали все родственники и похоронили его на местном кладбище.

Дочь Галя увезла мать к себе в Новокузнецк. Вера Степановна тосковала по мужу и сельской жизни. Она не могла жить без работы и сидеть на лавочке около подъезда, как многие старушки. Через два года, как и Федор в возрасте семидесяти семи лет, ушла из жизни.

С тех пор прошло двадцать лет. Леспромхоз давно распался, в посёлке осталось с десяток семей местных жителей. Дом, построенный Фёдором, не тронут временем и напоминает о большой и дружной семье, когда-то в нём проживающей. С прокладкой невдалеке бетонной дороги газодобытчиками земли посёлка стали осваивать дачники. Каждый год в родительский день к могиле Фёдора Ивановича приезжают дети отдать дань любви и памяти отцу.

Потомок ссыльных

1

Пароход «Мария Ульянова» показался из-за мыса, сверкая белыми бортами в лучах полуденного солнца. Из его трубы валил чёрный дым и тянулся шлейфом за кормой над спокойной поверхностью Енисея. Валентин, наблюдавший за рекой, побежал домой сообщить о приближении парохода. Его охватило

радостное чувство предстоящих перемен в жизни. Ему давно хотелось прокатиться на пароходе, увидеть загадочный город Красноярск, о котором много слышал от взрослых.

Подойдя к Ворогово, пароход подал продолжительный гудок и бросил якорь недалеко от берега, подняв фонтан брызг. Затарахтела якорная цепь, корпус вздрогнул, и «Мария Ульянова» остановилась, слегка покачиваясь на течении. Марию с детьми провожала небольшая горсточка жителей, оставшихся в Ворогово после пожара. Женщины обнимали ее и желали счастья на новом месте жительства.

– Где это место, я ещё и сама не знаю, – с грустью отвечала Мария.

– Напиши письмо, когда устроишься, – просили женщины, – может, нам тоже придётся податься на чужбину.

В это время Семён, уложив вещи в лодку и усадив детей, крикнул:

– Мария, скорее прощайся, пароход ждать не будет!

Она вытерла уголком платка, повязывающего голову, слёзы и перешагнула через борт деревянной лодки.

Михаил столкнул лодку с мели, завёл мотор и повёл её к пароходу. Он оставался в Ворогово.

Все отъезжающие не спешили занять свои места в каютах. Они стояли у борта на палубе и смотрели на берег, на односельчан, машущих руками и платками, на покинутые дома. Им было грустно расставаться с

родными местами, с которыми связаны многие годы жизни.

На пароходе подняли якорь, застучали машины, зашлепали лопастями колеса по воде, и он медленно пошел вперёд, преодолевая быстрое течение могучей реки.

Взгляд Валентина не отрывался от дяди Миши, который махал шапкой уезжающей родне. «Удастся ли мне когда-нибудь ещё хоть раз сходить с дядей на медведя? – думал Валентин и твердо решил: – Когда вырасту, обязательно сюда приеду».

Его мечты сбудутся через несколько десятилетий. Он увидит Туруханскую тайгу с буровыми вышками, с проложенными нефтепроводами, а пока он смотрел на высокие берега, проплывающие навстречу пароходу, на огромные плоты круглого леса, сплавляемые вниз по течению в город Игарку.

Погода несколько дней была благосклонной к пассажирам – на чистом голубом небе им улыбалось солнце, Енисей вел себя спокойно, в безветрие отдыхая от частых штормов.

Красноярск встретил переселенцев городским шумом. Люди двигались в разные стороны, как муравьи в муравейнике. Больше всего Валентина удивили жилые дома не своей старинной архитектурой, а высотой. Об архитектурных стилях он не имел понятия. Увидев в торце дома пожарную металлическую лестницу, он не мог понять, как по ней люди взбираются в свои квартиры.

Перрон железнодорожного вокзала показался Валентину пчелиным роем. Люди с узлами и чемоданами, как пчелы с взятком, стремились к дверям вокзала, как в улей. Многие стояли у своих вещей или сидели на узлах. Цыгане расстелили перины около стены вокзала и уложили на них своих детей. Шел второй послевоенный год, люди возвращались из ссылок и эвакуации в родные места. Казалось, что вся страна пришла в движение. Массовое переселение людей было данью недавно закончившейся войне.

Поезда ходили редко, за билетами были огромные очереди. Отчиму Валентина удалось взять билеты до Новосибирска на поезд номер пятьсот.

До прибытия поезда было много времени, и Валентин решил выйти на привокзальную площадь.

По перрону шныряли ровесники Валентина с вёдрами воды. Они заученно повторяли:

– Есть холодная вода, двадцать копеек стакан, на рубль досыта.

Вдоль вокзального забора стоял ряд женщин, торгующих едой. Продовольственные карточки ещё не отменили, у них можно было купить отварную картошку, овощи, лепёшки, жареную рыбу и другую еду. У Валентина засосало под ложечкой, ему хотелось есть, и он поспешил отойти в сторону.

Рядом с торговым рядом сидел инвалид, его окружила толпа. Он крутил на фанерке три напёрстка, под одним из которых была горошина, и приговаривал:

– Моё дело крутить, вертеть, а ваше дело смотреть. Кто десять рублей мне вручит, если отгадает – двадцать получит.

Валентин внимательно следил за рукой инвалида, не отводя взгляда, и всегда угадывал, под каким напёрстком была горошина, но игроки, решившие испытать свою судьбу, постоянно проигрывали. Ему хотелось сыграть, но у него не было денег.

В общей суете и неразберихе было привольно ворам разных мастей. Недалеко от Валентина около чемоданов стояли две женщины.

– Мама, – произнесла молодая, – посиди на чемодане, я схожу в справочное бюро и узнаю, когда прибудет наш поезд.

Пожилая женщина присела на один чемодан, второй поставила перед собой. К ней вплотную подошёл мужчина, достал из-за голенища сапога финку и, жестикулируя финкой перед лицом женщины, говорил:

– Сиди тихо, не вздумай открыть рот.

Женщина оцепенела от страха, она не могла или боялась крикнуть. В это время проходящий мимо хорошо одетый мужчина взял стоящий около женщины чемодан и не спеша удалился с перрона. Его сообщник, выждав некоторое время, растворился среди толпы.

Выйдя на привокзальную площадь, Валентин остановился и осмотрелся. Площадь окружали каменные дома, между ними, как реки, протекали улицы с уплывающими людьми. Ему захотелось

пройти по городу, но он побоялся заблудиться среди высоких домов. В тайге совсем другое дело – там всегда можно вернуться домой, ориентируясь по солнцу. В городе солнце не поможет.

Состав подали не на первый путь. Он состоял из товарных вагонов-теплушек, в которых совсем недавно перевозили солдат-фронтовиков. Пассажиры с вещами и детьми побежали через железнодорожные пути. Около раздвинутых широких дверей вагонов образовалась давка. Каждому хотелось скорее забраться в вагон и занять место на нарах, расположенных в два яруса вдоль стенки.

Поезд продвигался вперёд черепашьим шагом, часто останавливался на полустанках на несколько часов, пропуская литерные, скорые и товарные поезда. Пассажиры говорили, что он останавливается около каждого столба. На узловых станциях паровоз отцепляли, и он шёл заправиться водой. Валентин вместе с другими пассажирами бежал к водокачке с котелком за кипятком. На перронах он видел букет послевоенной человеческой жизни. Ему встречались фронтовики без рук и ног, цыгане с огромными узлами, гадалки с картами в руках, торговки пирожками с картошкой и морковкой. Среди беспокойной толпы всегда толкались воришки с ловкими руками.

Только через несколько дней поезд прибыл в Новосибирск. Их встретил огромный вокзал с часами на фасаде. Моросил тёплый летний дождь. «Хорошая примета», – подумала Мария. Прыгать через рельсы,

как в Красноярске, не пришлось. Плотная толпа пассажиров подхватила семью Марии и увлекла с собой в подземный переход. Оказавшись в просторном зале вокзала, они остановились и перевели дух. В вокзале стоял гул, как около пчелиного улья, было жарко и душно. В правом крыле зала на стене виднелась написанная крупными буквами надпись: «Кассовый зал».

– Надо купить билеты до Черепаново, – сказала Мария мужу.

– Ждите меня здесь, у вещей, – ответил он и зашагал в кассовый зал.

Кассовых окон было больше двадцати. Около них толпился народ. В каждом окне продавали билеты на определённое направление.

Вернувшись с билетами, Семён Харитонович невесело произнес:

– До отправления поезда больше пяти часов.

– Пойдёмте на улицу, здесь душно, – предложила дочь Рая.

На привокзальной площади перед ними разлилась большая лужа. «На такую лыву, – подумал Валентин, – у нас в Ворогово садятся утки. Интересно, водятся ли здесь утки». За лужей грохотал трамвай, разворачиваясь по кольцу.

Валентину захотелось прокатиться на трамвае и посмотреть город.

– Можно я прокачусь на трамвае? – произнёс он.

– Ты что, не накатался на поезде? – спросила Мария.

Валентин не успел ответить на вопрос матери, как его поддержал Семен Харитонович. Он бывал в Новосибирске, и ему хотелось показать город своей семье.

– У нас много времени, – раздался его хрипловатый голос, – успеем посмотреть город.

На трамвайном кольце стояли два трамвая. У одного над передним окном водителя горел зелёный огонёк и стояла цифра два, у второго горел синий огонек и стояла цифра три.

– На котором трамвае поедем? – спросил Семён Харитонович, обращаясь к Валентину.

– На третьем номере, – быстро ответил Валя.

Он уже сообразил, что третий номер стоит впереди второго и поедет раньше. Ему хотелось, не теряя времени, быстрее ехать. Оказавшись в вагоне, он уселся у окна и уставился в него.

Трамвай рывком тронулся с места, стуча колесами по стыкам рельсов, развернулся по кольцу и выехал на улицу Челюскинцев. Вдоль улицы стояли красивые одноэтажные деревянные дома с резными карнизами и наличниками на окнах, высокими воротами и сплошными дощатыми заборами, отгораживающими дворы от улицы. Впереди по левой стороне показались купола Вознесенского собора. Они горделиво устремлялись к небу на фоне низкой одноэтажной застройки. Валентин впервые видел церковь и был удивлен ее величием и красотой. Дальше до Центрального рынка стояли вдоль улицы небольшие магазины и киоски, выкрашенные в синий цвет. Под

перезвон колёс трамвая Валентин во все глаза смотрел на город, в котором через десятилетия ему придётся жить. У Центрального рынка трамвай остановился, через дорогу размещался зоопарк, его забор был украшен изображениями зверей и птиц. Медведь Валентина не удивил, а вот грозного злого тигра он видел впервые.

Недалеко от зоопарка, за улицей Сенной, целый квартал занимал сенной базар. Из окна трамвая были видны возы сена, коровы и овцы, которых сельские жители привезли на продажу.

В следующем квартале между улицами Логовской и Ипподромской размещался ипподром. За деревянным забором проходили бега. По кругу неслись кони, запряжённые в коляски. Жокеи в разноцветных рубашках мелькали на фоне многолюдных трибун. Валентину они напоминали боевые тачанки из фильма «Чапаев».

Перед остановкой «Берёзовая роща» Мария забеспокоилась, что можно опоздать на поезд, и настояла на том, чтобы выйти из трамвая и вернуться на вокзал.

Перед ними на фоне зелёных берез красовалась церковь Успения Пресвятой Богородицы, выкрашенная в небесно-голубой цвет. Мария вспомнила церковь в своем родном селе Воронежской губернии, в которую её девочкой водила мать по праздникам, и ей захотелось войти в приход, вдохнуть запах ладана и восковых свечей.

– Давайте ненадолго зайдем в церковь, – предложила Мария.

Валентин никогда не был в церкви, и ему захотелось посмотреть, что находится внутри этого красивого здания.

Семён Харитонович категорически запротестовал:

– Я коммунист, нельзя, чтобы моя семья ходила в церковь.

– Тебя здесь никто не знает, зайдём на одну минуту.

– Мне моя совесть не позволяет заходить в церковь.

– При чём тут совесть? Ты постой на улице, а я с детьми зайду ненадолго.

– Лучше пройдём все вместе по роще и вернемся на вокзал, – настоял Семён Харитонович.

Рядом с церковью располагалось кладбище. На могилах стояли каменные кресты и лежали тяжёлые надгробные плиты с высеченными именами основателей города Ново-Николаевска. В правом дальнем углу были захоронены офицеры и солдаты, получившие ранения на фронтах в годы Отечественной войны и скончавшиеся в госпиталях Новосибирска. На их могилах стояли скромные пирамидки с красными звёздами на вершинах…

Сегодня по бывшему кладбищу между берёз проложены пешеходные дорожки, по которым ходят люди нового поколения жителей города, не подозревая, что под их ногами лежат кости основателей города на Оби.

До Черепаново Валентин ехал в вагоне, в котором можно было не только удобно сидеть на лавке, но и

забраться на верхнюю полку и растянуться во весь рост. Его семья ехала в зверосовхоз, расположенный недалеко от Черепаново, с намерением там обосноваться и найти работу. После войны повсюду были нужны рабочие руки.

Пройдут годы. Валентин вырастет и возмужает. Воспоминания о далеком детстве, на его взгляд, интересном и счастливом, проведенном в Туруханской тайге, приведут его в таёжный край на освоение запасов нефти. Он будет участником освоения труднодоступных уголков северной тайги, увидит, какие произошли и происходят изменения в природе и жизни людей.

Потомок купца первой гильдии

На выпускном вечере средней школы в Ленинске-Кузнецком гремела музыка. Бывшие ученики кружились в вальсе, родители сидели за столом, многие держали в руках аттестаты зрелости своих отпрысков. Сергей Самсонов не сводил газ с Валентины – подруги своей младшей сестры. Её стройная фигурка в белом платье с юбкой-двенадцатиклинкой легко порхала по залу. Он давно заметил, что она самая красивая девушка среди подруг сестры. Ему хотелось пригласить её на танец, но роль представителя родителей заставляла сдерживать свои

желания. Он пришёл на вечер вместо матери, которая плохо себя чувствовала.

Ближе к полуночи родители стали расходиться по домам. Выпускники решили веселиться до утра и коллективно пойти встречать восход солнца. Сергей предложил матери Валентины проводить её до дома.

Валя с облегчением вздохнула. Она думала, что брат подруги не вернётся. Её смущал его постоянный взгляд, направленный на неё. Ей вспомнился последний случай встречи с ним. Возвращаясь из школы после уроков, Лида предложила ей и Свете зайти к ней в дом. Сергей сидел за столом и ел со сковороды картошку, поджаренную на свином сале. Увидев девушек, соскочил с места, усадил всех за стол и вручил каждой вилку.

– Помогайте, – произнёс веселым голосом, – а то мне одному не справиться.

Уговаривать девчат не требовалось. Они проголодались и с удовольствием навалились на картошку, а Сергей стал развлекать их шахтерскими байками, обращаясь постоянно к Валентине. Её внимание полностью было приковано к его рассказам. Когда посмотрела на сковороду, она уже была пустой.

Сергей был на восемь лет старше сестры. С семнадцати лет работал в шахте. Овладел многими специальностями. Прошёл путь от сумконоса подрывника горных пород до бригадира проходческой бригады. Весёлый, неунывающий и общительный характер сыскал ему уважение среди шахтёров. На его плечах держалась семья. Отец погиб на войне. Сергей

был старшим среди четверых детей. Теперь, когда младшие сестры выросли, он задумался о себе.

Предположения Вали не оправдались. Сергей вернулся в школу. Вместе со всеми пошёл встречать рассвет. Проводил домой Валю, а затем сестру.

Валя усиленно готовилась к поступлению в институт, но по конкурсу не прошла. Лида стала часто приглашать её на танцы. Сергей всегда оказывался там и танцевал только с Валентиной. Во время медленного танго, глядя ей в глаза, он сделал предложение:

– Валя, выходи за меня замуж.

Девичье сердце чувствовало, что она нравится Сергею, но предложение было неожиданным. В её глазах появилась не радость, а смятение, которое заметил Сергей.

– Я не тороплю тебя с ответом, подумай, позже скажешь о своём решении, – продолжал говорить Сергей.

Непросто принимать решение в восемнадцать лет. Она взвешивала все стороны за и против. В семье ей жилось несладко. Она родилась после гибели отца на фронте в первый год войны. Мать вышла замуж, родила троих детей. С отчимом отношения не сложились. Он был суровым, неразговорчивым человеком. Первым делом выбросил из дома все вещи, напоминающие об отце. Среди этих вещей были фотографии отца из семейного альбома. К Вале относился холодно и отчужденно, как к постороннему человеку. Ни когда с ней не разговаривал. Если что-то надо было ей сказать, передавал через мать. После

каждой обиды на отчима, когда он делал подарки только своим детям, она часто тайком плакала и пыталась представить своего отца. Ей хотелось, чтобы он обнял её и прижал к себе. Она бы многое рассказала ему из своей короткой жизни.

В обязанность Вали входило ухаживать и нянчить младших сестёр и брата. Ходить с вёдрами на коромысле к колонке за водой, полоть и поливать огород. Она всегда с тяжестью в сердце оставалась дома с детьми, когда подруги шли в лес или на речку купаться. Иногда ей приходили в голову мысли: убежать из дома. И вот предложение Сергея даёт ей такую возможность. Её смущал только возраст Сергея. Он был на семь лет старше её.

Мать застала Валентину, роющуюся в сундуке, и грубо спросила:

– Что ты там потеряла?

– Ищу паспорт.

– Зачем он тебе?

– Выхожу замуж.

– Закрой сундук, не дам паспорт пока жених не зашлет сватов, – уже мягким голосом произнесла мать.

Она была рада избавиться от повзрослевшей дочери.

На второй день после свадьбы Сергей предложил Валентине пойти с ним к директору шахты и попросить квартиру.

В свадебных нарядах молодая чета вошла в кабинет директора.

– Добрый день, Дмитрий Павлович, – сдерживая волнение, произнёс Сергей.

– Здравствуйте, – ответил директор, разглядывая спутницу своего шахтёра.

– Вот, пришёл познакомить вас с женой.

– Молодец, что женился. Поздравляю! Семейные люди более надёжные, чем холостые.

– Дмитрий Павлович, мы просим вас дать нам комнату в общежитии.

– С удовольствием бы дал вам комнату, но свободных мест нет. На территории шахты лежат бревна, бывшие в употреблении, бери и строй дом. Это вам свадебный подарок.

Поблагодарив директора, Самсоновы вышли из кабинета.

Сергей расстроился, он не ожидал, что директор откажет ему в жилье. Валя находилась в приподнятом настроении. Она радовалась, что будет жить в собственном доме полной хозяйкой.

– Серёжа, – ласково обратилась к мужу, – когда начнем строить дом?

Сергей посмотрел на счастливое лицо супруги, улыбнулся, обнял её за талию и произнес:

– Приглашу бригаду – и к осени дом сварганим. Пока у меня отпуск, поедем в свадебное путешествие.

– Куда поедем? – удивилась Валя.

– В Тальменку Алтайского края. Там живет старшая сестра моей матери, тётя Поля, и ещё какие-то родственники. Говорят, что ещё мой дед живой. Мне хочется узнать о своих предках. Я только знаю, что они были сосланы в Нарым, когда мама была ещё ребенком. Повзрослела в Нарыме, встретила моего отца Степана.

Они полюбили друг друга и сбежали без документов в Кузбасс. Здесь не хватало шахтёров, отца приняли на работу в шахту и обязали вместе с мамой каждый месяц отмечаться в комендатуре. Началась война, отца призвали в армию. Прощаясь с женой и четырьмя детьми, обещал вернуться домой, но война распорядилась по-своему. Он сгорел в танке под Сталинградом. Мама, отмечаясь в комендатуре после призыва папы, заявила: «Раз мужа призвали в армию, больше ходить отмечаться не буду, у меня на руках четверо детей».

Непросто было в военные годы одинокой женщине прокормить четверых детей. У Веры Васильевны проснулась коммерческая жилка, видимо, унаследованная от отца. Она занимала деньги, ездила в села и покупала живой скот. Заколов корову, продавала мясо. Вырученных денег хватало с лихвой рассчитаться с долгом. Для семьи оставались голова, ноги и сбой.

Сергей оказался добрым и ласковым супругом. Он выпестовал младших детей в своей семье и теперь о любимой молодой супруге заботился, как о большом ребёнке. Был очень внимательным, дарил дорогие подарки, окружил заботой. Валентина купалась в счастье, семейная жизнь доставляла ей много радости и приятных сюрпризов.

Валя в дорогу надела белую кофточку. Ей хотелось понравиться родственникам мужа. Она впервые покидала родной город и испытывала легкое волнение, проходя вдоль зеленых деревянных вагонов пассажирского поезда. Впереди состава пыхтел и пускал клубы пара паровоз. Их плацкартный вагон оказался третьим от

паровоза. В купе стояла духота, и Сергей открыл форточку. Когда поезд тронулся, в купе почувствовался запах копоти. Сергей был вынужден закрыть форточку. Несмотря на это, к концу пути кофточка Вали стала серой от копоти.

Тётя Поля, предупрежденная телеграммой о приезде племянника, радостно встретила гостей, обняв Сергея и Валю, пригласила в дом. Она жила с мужем Гавриилом и его престарелыми родителями в доме на берегу Чумыша. Паводок в реке ещё не спал после весеннего разлива и подступал вплотную к забору огорода, тянувшемуся по пологому склону от дома. Вода в реке, подёрнутая серебром, отражала яркие лучи солнца и слепила глаза. «Какая благодать поливать огород, – подумала Валя, – не надо далеко ходить за водой».

В доме гостей встретил муж тети Поли Гавриил Васильевич и его престарелые родители. Отцу Спиридону шёл сто седьмой год, а матери Акулине – сто пятый.

– Сергей, – обратилась к нему тётя, – ты очень похож на своего деда. Завтра познакомлю вас с ним. Сейчас ступайте мыться, баня уже готова, а я соберу на стол.

Валю долго уговаривать не пришлось. Она быстро собралась и пошла в баню. Сергей продолжал разговаривать с дядей.

– А ты почему не идёшь в баню? – спросила тётя Поля Сергея.

– Валя помоется, затем я пойду.

– Вы, что находитесь в ссоре?

– Почему вы так решили?

– У нас муж с женой ходят в баню отдельно только тогда, когда в ссоре. Быстро собирайся и иди мыться.

Сергей разделся в предбаннике и вошёл баню. Сквозь пар Валентина увидела голого человека, от неожиданности испугалась и закричала во всё горло.

– Чего ты кричишь, это я, – успокоил её Сергей. – Тётя Поля сказала, что муж и жена должны мыться вместе.

На следующий день тётя Поля повела гостей к своему отцу, Василию Ивановичу Шестопалову. Гавриил Васильевич остался дома присматривать за родителями. Проходя мимо двухэтажного дома сельсовета, тётя Поля показала на него и произнесла:

– Этот дом когда-то принадлежал отцу.

– Богатым, видимо, был ваш отец? – удивилась Валя.

– Он был купцом первой гильдии, отправлял в Барнаул обозы с хлебом и мясом. Жил, конечно, на широкую ногу.

Валентина, воспитанная в комсомоле, не ожидала, что у мужа такие родственники, приуныла и не задавала больше вопросов.

Они вошли через калитку во двор небольшого домика. Крепкий, широкоплечий старик в меховой шапке колол дрова. Он легким ударом воткнул топор в чурбак и строгим взглядом посмотрел на пришедших.

– Папа, – обратилась к нему Поля, – это сын Веры Сергей со своей женой Валей.

Василий Иванович выпрямился во весь свой двухметровый рост и зашагал к гостям. Его взгляд

потеплел, он обнял внука, затем прижал к себе Валентину. Внимательно посмотрел на Сергея, который походил на его старшего сына Фёдора, и предложил:

– Пойдёмте в дом, там разговоры вести будем.

Дом состоял из двух комнат: кухня-столовая и спальня. Их встретила жена деда – моложавая бодрая женщина, которую никак нельзя было назвать старухой. Василию Ивановичу в то время шёл восьмидесятый год.

– Степанида, – громко произнёс дед, – накрывай стол, у нас гости.

Она без суеты поставила на стол стряпню, отварную картошку, солёные огурцы и квашеную капусту. Василий Иванович достал из погреба самогонку, настоянную на травах, наполнил стопки и произнёс:

– Давайте первым делом помянем моего старшего сына Фёдора и бабку Сергея Василису.

Он понимал, что первый тост надо было выпить за встречу, но схожесть Сергея с Фёдором растревожила его память и навеяла грустные воспоминания.

Старший сын Фёдор служил офицером в царской армии и погиб в Гражданскую войну, мать его детей Василиса похоронена в Нарыме. Степанида у него четвёртая жена. Трёх жён пережил и похоронил.

Многое узнал Сергей о своих предках. У деда была большая семья: четыре дочки и два сына. Жил богато за счёт торговли. Попал под колесо истории и был сослан с несовершеннолетними детьми в Нарым. Вернулся в родной посёлок после выхода указа

правительства, разрешающего ссыльным покидать места ссылки.

Валентина заметила, что у деда ещё не исчезла горделивая осанка. Говорил тихо, с достоинством, но без высокомерия.

Возвращались от деда под вечер, когда спала жара. По дороге навстречу пастух гнал стадо коров. От множества копыт поднималась пыль, и тётя Поля свернула на соседнюю улицу. Она, ни к кому не обращаясь, произнесла:

– Изменился отец, я его помню строгим и требовательным. Детей очень любил, никогда не возвращался из Барнаула без подарков. Помню такой случай. Заехал в Барнауле в трактир пообедать и ввязался играть в карты. Проиграл все деньги и сани, вернулся домой верхом на лошади с подарками для жены и детей.

На следующий день тётя Поля повела гостей к сестре Марии. Весть о том, что приехал племянник-шахтёр с подарками, до неё долетела давно. Она жила с мужем Иваном в большом доме.

Застолье, воспоминания длились до позднего вечера. Когда гости собрались уходить, Мария твёрдо заявила:

– Жить будете у меня. У нас, конечно, тесновато, но отдельная комната найдётся.

Тётя Поля ушла домой одна. Мария повела гостей в спальню, которая оказалась просторной комнатой, напоминающей оранжерею. Цветы стояли на подоконниках и лавках. У стены расположилась

широкая кровать с высокой стопкой подушек, на наволочках которых красовались цветы, вышитые крестиком. Из-под покрывала выступал подзор с кружевом.

Утром, после завтрака, Мария «обрадовала» Валю:

– Мы с Иваном уходим на работу, кухню передаю тебе.

– Что готовить?

– Что сваришь, то и будет хорошо.

– Где продукты?

– В доме и погребе.

Мария была крупного роста – в своего отца. Любила материться и шутить. Как-то говорит Вале:

– Прикрой передок.

– Зачем?

Мария смеётся:

– Надень фартук.

Затем, обращаясь к Вале, просит:

– Подай подзадник.

– Что это такое?

– Табурет, – смеётся тётя.

От такого Валя краснела и бледнела, а тётя хохотала, довольная своими шутками.

Три дня, прожитые у тёти Марии, пролетели быстро.

В обратный путь Самсоновы взяли билеты в последний вагон. Сергей шутил, рассказывал интересные случаи из шахтёрской жизни. Валя улыбалась и думала: «Хоть похож муж на своего деда, но характер у него не купеческий».

После возвращения в Ленинск-Кузнецкий Сергей продолжил работу на шахте, а Валентина стала работать в книжном магазине.

В их отсутствие Вера Васильевна съездила в Оренбургскую область к родственникам погибшего мужа. Вернулась с большой партией оренбургских пуховых платков. Реализовывать товар начала соседям. Слух о платках быстро разлетелся по соседним улицам.

Валя проводила мужа на работу в ночную смену, потушила свет и легла в постель. Она долго не могла уснуть. Свекровь уже давно спала. В какой-то момент погасла лампа ночника. Затем Валя услышала шорох в коридоре. Она соскочила с постели и нажала на выключатель, но свет не загорелся. В это время открылась входная дверь. Валентина закричала во всё горло. В дверях метнулась тень и исчезла в коридоре.

От крика проснулась Вера Васильевна.

– Что случилось? Почему кричишь?

– В доме человек.

– Зажги свет.

Он не зажигается.

Свекровь подошла к печи, нащупала спички и зажгла свечу. Дверь в дом была открытой. Она вышла в коридор. Наружную дверь надёжно закрывал засов. Повернувшись в сторону кладовки, увидела открытую дверь и выставленную раму окна, из которого тянуло холодным воздухом.

Женщины не могли уснуть до утра. Вернувшись с работы и узнав о происшествии, Сергей заявил:

– Пойду к Пашке Спиридонову, это дело его рук. Он недавно вернулся из отсидки.

– Сынок, – взмолилась мать, – не ходи, не пойманный – не вор. Не надо нам лишних неприятностей.

Судьба грешника

1

Большинство ребят, приятелей Алексея, проживающих на улице Партизанской города Новосибирска, остались после войны сиротами. Война не только отняла у них отцов, но и изуродовала их детство. Жили они в квартале, расположенном между улицами Ипподромской и Селезнёва, за которой находилась берёзовая роща с кладбищем и церковью, построенной в 1925 году в честь Успения Пресвятой Богородицы. Церковь была деревянной, выкрашенной в голубой цвет. Ее купол возвышался на фоне берёзовой рощи и был далеко виден из дворов прилегающей частной застройки. В церковной ограде было похоронено несколько священнослужителей. В годы Великой Отечественной войны на кладбище хоронили

офицеров и солдат, умерших в госпиталях Новосибирска. Берёзовая роща во время войны и в послевоенные годы была излюбленным местом сбора ребят с прилегающих улиц. Они приходили туда в надежде чем-нибудь поживиться. Вдоль кладбища размещались барахолка и птичий рынок. Барахолка была единственным местом, где продавалась одежда, часто ворованная. Птичий рынок привлекал ребят голубями. Здесь можно было купить, обменять или выкупить улетевших от хозяина голубей.

Улица Партизанская была широкой, застроена одноэтажными домами, многие из которых напоминали лачуги. Около каждого дома были палисадники, в которых красовались всевозможные цветы. Во время войны палисадники заросли травой, только посаженные в них черемухи и рябины продолжали каждый год цвести и приносить плоды, напоминая людям, что жизнь на земле не кончается, несмотря на разные невзгоды. Вдоль заборов рос паслён, ягоды которого с удовольствием собирали и ели как дети, так и взрослые. По улице каждое утро пастух гнал стадо коров, жители выводили из дворов своих кормилиц и провожали взглядом, пока за стадом не осядет поднятая копытами коров пыль.

Алексей Катков не помнит, чтобы по улице когда-нибудь проезжала автомашина. На лошадях, запряженных в телеги, ездили часто. Жители, которые держали коров, сено не косили, а покупали

его на сенном базаре, расположенном рядом с зоопарком. Сено на лошадях подвозили к домам, сваливали у ворот, а затем, как правило, дети заносили его во дворы.

У всех ребят были домашние обязанности: пока матери на работе, надо сходить в магазин на улицу Писарева и, выстояв очередь, купить хлеб по карточкам. Затем наносить воды из колонки для семьи и коровы, прополоть в огороде грядки. К обеду, закончив с домашними работами, собирались на улице. Обычно тема разговора была о голубях или куда пойти, где добыть что-нибудь съедобное.

Голубями увлекались не только ребята, но и взрослые. Каждый вечер владельцы голубей поднимали свои стаи в воздух. Было увлекательное зрелище – наблюдать за разноцветными стаями, которые ходили кругами над жилой застройкой и берёзовой рощей, поднимаясь с каждым кругом выше и выше в голубое небо. Иногда стаи соединялись, и владельцы с замиранием сердца ждали, к кому из них прилетят голуби. Тогда хозяевам улетевших голубей приходилось идти их разыскивать и выкупать. Голуби создают очень прочные пары, иногда на всю жизнь. Все они имеют способности почтовых голубей – находить свое гнездо. Этим пользовались некоторые голубятники, чтобы поймать чужих голубей. Они уносили своего голубя (чаще голубку) в другой район города и выпускали около летающих

голубей. Голубка, полетав со стаей, устремлялась домой. Часто за ней устремлялся молодой голубь и оказывался у нового владельца. Алексей долго копил деньги, чтобы купить пару голубей. Он ездил на трамвае, не покупая билета, в школе обходился без завтрака, на который мать давала ему деньги. На птичий рынок отправился с приятелями, которые знали толк в голубях. По неопытности можно купить дикарей, которые при первой возможности улетят от владельца к своим сородичам, и их никогда не найдешь. На рынке продавались всевозможные породы голубей: почтовые, турманы, декоративные с оригинальным внешним видом и оперением. По окраске голуби были белые, сизые, красно-пегие, черно-пегие и другие. Ему хотелось купить белую или красную пару, но они были ему не по карману. Пришлось купить сизых голубей. Он месяц держал голубей на чердаке, чтобы они привыкли к новому месту и хозяину. По несколько раз в день навещал на чердаке, брал в руки, кормил из своего рта. Затем по одному выпускал на поводке погулять по крыше. Наконец, настал день, когда он решился выпустить голубя полетать. Каждый раз голубь возвращался к своей голубке, сделав несколько кругов в воздухе. Тогда он выпустил их вместе. Сделав несколько кругов над домом, словно запоминая место своего заточения, голубка устремилась к своей родной голубятне, где её

давно ждал прежний хозяин и верный ей в любви старый голубь.

Алексея постигло разочарование. Позже стало известно, что ему была продана старая голубка с молодым голубем. Больше он не пытался завести голубей.

2

При очередной встрече на улице у водокачки Юра Вдовин сообщил:

– Завтра Пасха, народ в церковь понесёт крашеные яйца святить, можно будет поживиться, старушки будут раздавать.

– Ты откуда знаешь? – спросил Лёша.

– Старший брат сказал.

– Не только яйцами можно будет поживиться, – поддержал его Витя Мотков.

– Надо идти сегодня вечером, – предложил Саша Иткин, – встретимся в восемь часов.

Все мальчишки учились в шестом классе, только Колька на два класса ниже. Ему было лет двенадцать. Маленького роста, щуплый, с хитрыми глазами, он был энергичным и пронырливым.

Открыв дверь в свой низенький дом и переступив порог, Лёша застал бабушку, вынимающей яйца из кастрюли, в которой она их красила луковой шелухой.

– Бабуся, – обратился он к ней, – ты собираешься пойти в церковь?

Ему не хотелось встречаться с бабушкой в церкви.

– Нет, внучек, стара я стала ходить в церковь, ноги не выдержат простоять службу.

У него отлегло от сердца, и он с облегчением произнёс:

– А мы с ребятами решили сходить в церковь и посмотреть, как происходит празднование Пасхи.

– Сходи, внучек, а то ты всего один раз был в церкви, когда мы с твоей тётей Клавой тебя крестили.

Немного подумав, бабушка спохватилась:

– В школе у тебя неприятностей не будет, если узнают, что ты ходил в церковь?

Беспокойство бабушки было не без основания. В те годы в школах велась антирелигиозная пропаганда, учеников воспитывали атеистами. За посещение церкви могли исключить из пионеров или из комсомола. Такого ученика переставали уважать бывшие товарищи, и он становился объектом насмешек.

– Не узнают, – сказал Алёша, – учителя в церковь не ходят.

– Тогда возьми с собой яйца посвятить.

– Что ты, бабуся! У меня их могут отобрать незнакомые мальчишки.

Церковь стояла на краю кладбища. Вблизи её на могилах лежали надгробные плиты и стояли памятники известным в своё время жителям Ново-Николаевска Вдоль этих могил от церкви тянулось

несколько рядов женщин и старушек. Они у своих ног на траве растянули тряпицы, косынки, газеты, на которые разложили принесённые продукты для окропления святой водой. Между рядами ходили мальчишки с соседней улицы, инвалиды войны на костылях. Женщины с котомками разыскивали знакомых, чтобы стать рядом.

Внимание Алексея привлек инвалид без ног на низкой коляске. Она представляла деревянную площадку, к которой были прибиты две оси с шарикоподшипниками на концах. Обрубки ног пристёгнуты ремнём к коляске. В руках он держал деревяшки, напоминающие гантели, которыми отталкивался от земли, молча продвигаясь вперёд между рядами. На его коленях лежала сумка, удерживаемая ремнём, перекинутым через шею. Сердобольные женщины не жалели своих припасов для защитника отечества, складывая их в его сумку.

Мальчишки с улицы Партизанской пошли толпой по соседнему ряду. Женщины с опаской поглядывали на них, опасаясь, чтобы не схватили их продукты. Ни одна не предложила яичко или булочку. Из соседнего ряда слышались слова:

– Подайте Христа ради несчастному.

Тогда Юра набрался храбрости и первым произнес:

– Подайте Христа ради сироте несчастному.

Одна из женщин протянула ему булочку.

Когда проходили мимо женщины, у ног которой лежала горка булочек и несколько куличей, Колька произнес:

– Тетенька, подайте, пожалуйста, булочку.

– Проходи, оборванец, у меня свой ребёнок есть.

Колю это обидело, и он решил ей отомстить.

Выйдя из общей толпы и остановившись под берёзой, мальчишки разделили одну булочку на всех. Посоветовавшись, они решили толпой не ходить, а разойтись по одному. Договорились встретиться на этом месте после начала службы.

Алексей молча, ходил вдоль рядов женщин, ему было стыдно просить, он поедал глазами разложенные продукты. Одна из женщин протянула ему крашеное яйцо со словами:

– Прими Христа ради.

Он взял яйцо и сказал:

– Спасибо.

Когда раздался колокольный звон, призывающий к праздничной службе, с колокольни слетела стая голубей и устремилась в небо. Это зрелище вызвало у Алексея непонятное радостное и тревожное чувство. Ему показалось, что в небо унеслись души людей, похороненных на кладбище. Вот, видимо, почему ему говорила бабушка, что голубей нельзя употреблять в пищу.

Мелодия колокольного звона неслась над рощей и соседними улицами. Прихожане плотной толпой устремились в церковь на пасхальную литургию.

Алексею хотелось вместе со всеми зайти в церковь и узнать, что там происходит. Ему казалось, что там совершается какое-то таинство. Он вспомнил как бабушка, собираясь в церковь, всегда одевалась по-праздничному, а её лицо светилось радостной улыбкой. Его удержала от посещения церкви договоренность с товарищами встретиться у старой берёзы.

Когда друзья собрались в условленном месте, принесённых продуктов было достаточно, чтобы хорошо попировать. Всех удивил Колька. Он принёс большой кулич.

– Неужели тебе дали кулич? – спросил Саша.

– Я сам его взял.

– У кого?

– У той ругучей тётки, которая обозвала меня оборванцем.

– Как это тебе удалось?

– Когда толпа хлынула в церковь на службу, я оказался за этой тёткой. Была сильная давка, её корзина оказалась у моих ног, и я вынул из неё кулич.

Это было первое воровство Кольки, на которое толкнули его недоедание и грубое обращение женщины. Его следовало осудить, но приятели вместо этого с удовольствием уплетали за обе щеки вкусный кулич.

Домой Алексей вернулся утром. Бабушка встретила его доброй улыбкой со словами:

– Садись за стол, я сейчас тебя накормлю.

– Я не хочу есть.

– Кто тебя накормил?

– Ребята.

– Чем, интересно, они тебя кормили?

– Яйцами, булочками, куличом.

– Что-то не верится, чтобы вам кулич подали.

Алексей рассказал бабушке о воровстве. Она изменилась в лице, глаза посуровели. Сделав небольшую паузу, произнесла:

– Воровать грех, а воровать в церкви – очень большой грех. Бог сурово покарает Кольку.

Она повернулась к иконе, перекрестилась и попросила:

– Господи, образумь неведающего, что творит, губящего душу свою.

Затем, обращаясь к внуку, назидательно заметила:

– При сотворении человека Бог наделил его некоей искоркой, которая просвещает человека и помогает ему разобраться, где добро, а где зло. Эта искорка – наша совесть. Её легко потушить. Горе человеку, который не слушает голоса своей совести, который пренебрегает ею. Всё начинается с самого малого, ничтожного, и с самооправдания. Дальше – больше. И её, этой совести, вроде как бы и нет в человеке. Он её потерял.

– Колька совесть потерял? – спросил Алексей, прервав длинный монолог бабушки.

– Пока ещё не потерял. Он думает: «Подумаешь, стащил у тётки кулич, я же голодный, да и ребят угостил». Попробуй его образумить.

Слова бабушки Алексей запомнил на всю жизнь. Она была для него непререкаемым авторитетом. Искренней верой и своими поступками она посеяла в его душу семя, которое со временем проросло.

3

Время летело быстро, незаметно прошёл год. Все завидовали Кольке. Он дружил со взрослыми парнями, и у него водились деньги.

Вот и сегодня проходящий по улице мужчина обратился к нему:

– Николай, пойдём со мной, дело есть.

…Начиналось это знакомство так: однажды подошёл к Кольке парень и спросил:

– Мальчик, хочешь заработать пять рублей?

Какой мальчишка в первый послевоенный год не согласится заработать!

– Хочу, – сказал Колька, – а что надо делать?

– Я забыл дома ключи и не могу попасть в дом. Пойдём со мной, я помогу тебе залезть в дом через форточку, и ты откроешь мне окно.

Так началось знакомство Коли с ворами-домушниками. Ему нравились рискованные операции, наличие денег в кармане, возможность угостить товарищей конфетами-подушечками или

пряниками, приятно было чувствовать их зависть к его возможностям.

В то время по многим городам страны прокатились воровские налёты банд под названием «Чёрная кошка», которые вызывали у людей страх и незащищённость. Не обошёл этот страх стороной и жителей Новосибирска. Часто эмблему чёрной кошки использовали жулики невысокой квалификации. Кольке нравилось, когда его приятели доверяли ему нарисовать на дверях или на дымоходе плиты дома углём, вынутым из печи, кошку.

У Кольки была голубая мечта – купить велосипед, прокатиться по улице на зависть ребятам. Нежадный от природы, он всегда думал: «Если кто попросит прокатиться – обязательно дам». У матери на такую покупку не было денег, самому скопить не удавалось. Однажды он увидел у Центрального рынка оставленный кем-то велосипед. Долго им любовался, его охватило желание прокатиться, хозяин не подходил. Не думая о последствиях, с тревожно бьющимся сердцем сел на велосипед и поехал по улице. Первоначально он думал, что покатается и поставит велосипед на место, но ноги сами привезли его домой.

На следующий день в дом Мухиных пришёл участковый, нашёл на чердаке ворованный велосипед и увел Кольку в отделение милиции.

Николая отправили в колонию для несовершеннолетних преступников.

В колонии он прошёл курс обучения воровским наукам. После освобождения у него изменился характер – стал грубым, нахальным и задиристым, появились новые друзья. Встречаясь на улице с бывшими товарищами, старался показать своё превосходство. В кармане всегда носил «писку» – это заточенная до острия бритвы с одной стороны двадцатикопеечная монета. Ею легко можно разрезать карман, сумку или изуродовать лицо человека. При ссорах он часто раздражённо, заикаясь, кричал: «Попишу» – и совал свою руку в карман. Противники моментально отступали, никому не хотелось иметь шрам на лице. Встречаясь по утрам с соседями, говорил, что идёт на работу.

Вскоре Алексей узнал, что это за работа. После окончания уроков в школе он часто заходил на Центральный рынок, чтобы купить продуктов для семьи. Его мама работала допоздна, а бабушка была занята по дому, кроме того, на её руках была младшая сестра Алёши. Однажды он стоял около рынка, ожидая трамвай. В послевоенные годы в Новосибирске было всего три маршрута трамваев. Первый номер ходил от центра до конца улицы Большевистской, второй – от вокзала до центра и третий – от вокзала по улице Гоголя до сада Дзержинского. Подошедший трамвай был битком набит народом. Алексей решил дождаться

следующего. Ожидающие трамвай люди бросились к вагону и начали втискиваться в двери. Когда на подножке двери остался один мужчина, который, ухватившись руками за поручни, прилагал усилия, чтобы подняться на вторую ступень и дать возможность двери закрыться, к трамваю подбежал Колька. Он прижался к мужчине и, толкая его в вагон, стал кричать:

– Подвиньтесь ещё на одного человека!

Алексей заметил, как Николай залез правой рукой в карман брюк мужчины, вытащил кошелёк и опустил его себе за пазуху. После этого соскочил с подножки трамвая. Водитель закрыл дверь, и трамвай тронулся. Колька молниеносно исчез с остановки, как и появился на ней.

Следующая встреча состоялась в трамвае. Алексей, как всегда, стоял на задней площадке. На остановке «Дом офицеров» в трамвай вошёл Колька и прошёл в средину вагона. На нём была рубашка с короткими рукавами, через левую руку перекинут пиджак. Алексей сначала хотел подойти к нему, но потом передумал, решил понаблюдать за ним. Как всегда, возле Центрального рынка в вагон вошло много народа. Около передних дверей стоял мужчина в пиджаке. Он одной рукой держался за верхний поручень, в другой держал увесистую авоську. Когда трамвай остановился на остановке «Логовская» (ныне «Семьи Шамшиных), Колька неожиданно заспешил к двери. Он мог пройти за

спиной мужчины, но стал проталкиваться перед ним, при этом громко крича:

– Разрешите пройти к двери!

Его левая рука поднялась до подбородка пассажира, а правая под прикрытием пиджака залезла в нагрудный карман пиджака жертвы. Колька быстро выскочил из вагона и направился в сторону Логовской бани.

При очередной встрече с Николаем Алексей был свидетелем жестокости и безнаказанности жуликов. Колька «работал» постоянно на третьем маршруте трамвая и часто попадался на глаза Алексею, который ежедневно ездил на нем в школу.

В трамвае стояла женщина, у которой на локте висела сумка. Коля подошёл к ней и запустил руку в сумку, надеясь найти кошелёк. Это увидела девочка лет десяти. Она закричала:

– Тётя, тётя, к вам в сумку лезут!

Николай отдернул руку и уставился в окно как ни в чём не бывало. Женщина проверила сумку, кошелёк оказался на месте. Никто из пассажиров не попытался что-либо предпринять. Одни боялись связываться с жуликом, другие думали, что не пойманный – не вор. Когда трамвай остановился, Колька подошёл к девочке и быстрым движением руки чиркнул ей по щеке «пиской». Девочка закричала, из щеки потекла кровь, а щипач выскочил из вагона.

4

Железнодорожный вокзал Владивостока пестрил от белых курсантских форменок и разноцветных летних платьев девушек, которые пришли проводить своих друзей и возлюбленных. После месячного плавания, во время которого курсанты побывали на Сахалине, Камчатке, Чукотке, они отправлялись в долгожданный отпуск. Царило общее радостное настроение, будущие офицеры в наглаженных брюках, с бляхами на ремнях, начищенными до зеркального блеска, чувствовали себя бывалыми моряками.

Пассажирский поезд Владивосток – Москва был наполовину заполнен моряками. Новосибирцы – Рэм Саушев, Алексей Катков, Анатолий Плотников – разместились в одном купе. К ним присоединился комсорг факультета старший лейтенант Аликов, который планировал остановиться в Новосибирске на несколько дней, а затем поехать на Алтай к матери. Всегда строгий и требовательный в училище, он не только не сделал замечания курсантам, когда на столе появилась водка, а сам присоединился к общему столу. Из соседних купе приходили курсанты, чтобы пообщаться с комсоргом в непринуждённой обстановке и послушать его интересные рассказы о службе.

Когда поезд миновал Улан-Удэ, в вагоне появился мальчик лет девяти, он останавливался около каждого купе и смотрел на курсантов. Его

приглашали к столу, он не отказывался от угощения. Аликов долго наблюдал за ребёнком, затем пригласил в своё купе, посадил на лавку против себя и спросил:

– Как тебя звать?

– Витёк, – ответил тот.

Затем, спохватившись, добавил:

– Витя.

– С кем ты едешь, Витя?

– Один, – был ответ.

– Из какого города ты едешь?

– Из Улан-Удэ.

– Почему едешь один?

– У меня умерла мама, и я остался без родителей.

– Куда же ты едешь?

– К бабушке в Рязань.

Витя рассказал трогательную историю о своей жизни, которая взволновала всех присутствующих. Аликов в порыве жалости к ребёнку и в силу своей душевной доброты предложил ему:

– Поедем со мной на Алтай, будешь жить у моей мамы, она работает учительницей, со временем я усыновлю тебя. Своей больной бабуши в Рязани ты можешь не застать в живых.

Витя, не задумываясь, согласился. Красивый, тихий и спокойный, он стал любимцем вагона. Общими усилиями его одели в морскую форму. Нашлись запасные бескозырка и тельняшка, к его черной куртке пришили воротничок-гюйс.

Однажды Алексей заметил, что по вагону прошел парень, напоминающий ему Николая. Он подумал, что ошибся, и не придал этому значения.

В Новосибирске Аликов планировал задержаться на несколько дней – посетить театры, побывать у знакомых. Возник вопрос, где оставить Витю. Рэм Саушев предложил:

– У моих родителей трёхкомнатная квартира на улице Богдана Хмельницкого, они не будут возражать, чтобы Витя пожил у них.

Отец Рэма был полковником, работал на строительстве номерных заводов.

Два дня Витя прожил у Саушевых, курсанты брали его с собой в кино, в парк имени Сталина, сфотографировались с ним на память об отпуске. На третий день он исчез.

Мать Рэма, вернувшись с работы, почувствовала сильный запах её любимых духов «Красная Москва». Из дома исчезли все её драгоценности, деньги и свитер, который очень понравился Вите. Видимо, тихий ребенок открыл дверь сообщникам, а уходя из дома, вылил на себя все духи.

Когда на следующий день Рэм рассказал о происшествии, Алексей подумал, что он не ошибся, увидев в вагоне Николая.

5

Последняя встреча с Колькой была через двенадцать лет после памятной даты посещения

церкви в берёзовой роще. Алексей за это время успел окончить школу, отслужить в армии, поступить учиться в строительный институт. Как-то, подходя к Октябрьскому рынку, который размещался на территории современной научно-технической библиотеки, Алексей залюбовался автомашиной «Волга», на капоте которой красовался хромированный металлический олень. Такие машины недавно появились на дорогах города. К его удивлению, за рулём сидел Колька. Он открыл дверцу машины, вальяжно развалился на спинке сиденья, одну ногу в дорогом коричневом туфле поставил на порог машины. У Алексея не было желания разговаривать с товарищем детства, и он прошел мимо. Слишком они выросли разными людьми, с разными интересами.

Работая на стройке после окончания института, Лёша встретил Витю Моткова, от которого узнал, что Николая во время третьей отсидки за колючей проволокой убили в драке заточкой из напильника. Мать Вити дружила с матерью Николая, от которой очень многое знала о похождениях ее сына.

Алексей вспомнил пророческие слова своей бабушки, которая предвидела, что Бог обязательно покарает Николая. Его охватило чувство беспокойства и сострадания, которое не покидало целый день. Ему казалось, что в случившемся есть и его вина. Он вспоминал улицу Партизанскую, друзей своего детства, размышлял о судьбе

Николая, о его трагическом конце. Николаю тогда было всего двадцать четыре года. После работы Алексей отправился в Успенскую церковь, где Николай впервые совершил грехопадение. С чувством собственной вины за Николая переступил порог храма. Это ему стоило больших душевных сил. В школе и институте его воспитывали атеистом, внушали неприязнь к церкви. Оказавшись в храме, он в первый момент испытал чувство страха. В слабоосвещенном помещении горели свечи, со всех сторон на него смотрели лики святых. Службы в это время не было, несколько прихожан крестились и отвешивали поклоны иконам. От бабушки он знал, что надо купить свечу и поставить её за упокой. Стоя со свечой в руке, осматривал храм и не мог решить, куда её поставить. Тогда подошёл к женщине, одетой во всё чёрное, и спросил:

– Скажите, пожалуйста, где поставить свечу за упокой?

– Она внимательно посмотрела на него и, протягивая руку в сторону кануна, сказала:

– Вон видишь крест около горящих свечей? Иди туда, там есть и молитва.

Алексей не стал читать написанную молитву, он своими словами просил у Господа прощение за Николая и за себя.

После молитвы почувствовал облегчение на душе. С этого посещения церкви у него периодически появлялась потребность бывать в

храме. Понадобилось много времени, чтобы его душа окончательно отвергла атеизм и теорию происхождения человека от обезьяны.

К сожалению, в 1962 году власти приняли окончательное решение о ликвидации Успенской церкви. Узнав об этом, прихожане окружили церковь плотным кольцом и не дали её сломать прибывшей технике. Это была не первая попытка разрушить храм. После этого началась антирелигиозная пропаганда, распространялись разные слухи, порочащие священнослужителей и православную веру. Этими слухами верующие были расколоты на два лагеря, бдительность прихожан ослабла, и церковь была снесена за одну ночь. Алексей почувствовал, что снесена была не только церковь, но и разрушен кусочек его детства.

Исторические встречи

Мой приятель Анатолий Сергеевич Крылов, возглавляющий многие годы трест «Союзмонтажспецстрой», принимал участие в строительстве многих объектов в разных регионах страны. Ему довелось встречаться со многими интересными людьми. Он имеет хорошую память и дар интересного рассказчика. Его рассказы на товарищеских встречах легли в основу сборника «Исторические встречи».

1

Южный Урал очень богат всевозможными полезными ископаемыми. Мы с детства знаем по книгам и по кинофильмам о Демидовских заводах. Не менее уникальным местом по полезным ископаемым обладают горы в районе города Сатка, расположенного в высокогорье Уральских гор, недалеко от границы с Башкортостаном. По одной из версий, название города произошло от башкирских слов «перекресток», «междуречье». Ещё в восемнадцатом века там были основаны чугунный и железоделательный заводы, построенные Строгоновыми. В конце девятнадцатого века работали две домны, литейное производство и механический цех. Вблизи завода на Карагайской горе были обнаружены залежи синего камня – магнезита, который обладает высокими огнестойкими и прочностными свойствами. Это открытие на века определило судьбу города. Продукция огнеупорных изделий построенного завода «Магнезит» нашла широкое применение в металлургической промышленности. Ценнейшим изделием считается огнеупорный кирпич, используемый для футеровки доменных печей.

В начале двадцатого века все работы по добыче магнезита велись вручную, камень грузили на телеги и везли на обжиг. Советской власти досталось достаточно крупное, но отсталое производство. Завод претерпел несколько реконструкций. Кайло заменили экскаваторы, конную тягу – самосвалы.

В середине прошлого века проводилась очередная реконструкция, при которой доставка камня предусматривалась вагонетками по канатной подвесной дороге. Ввод объекта в установленный срок находился под контролем правительства. На завершение работ были направлены специалисты лучших строительных организаций.

В морозный декабрьский день Анатолий Сергеевич Крылов обходил трассу подвесной дороги, которая тянулась по пересечённой местности через горный перевал. Его коллективу монтажников предстояло завершить монтаж троса дороги. Он опустил уши меховой шапки. Холодный ветер резал лицо, как наждаком. Ему приходилось периодически отогревать нос и щёки тёплой рукой. Бригаду монтажников застал в вагончике у печки-буржуйки. На его

приветствие послышалось недружное: «Здрасьте, добрый день». Бригадир обратился к нему:

– Анатолий Сергеевич, при такой погоде мы не закончим монтажные работы до Нового года.

Рабочих не столько волновал установленный план – завершить работы в текущем году, сколько желание уехать домой к Новому году.

– Вы лучше меня знаете условия техники безопасности, – ответил Анатолий Сергеевич, – при сильном ветре ни в коем случае не поднимайтесь на опоры.

Через два дня он вновь посетил участок. Ещё издали увидел рабочих на опорах. Ветер немного стих, но мороз продолжал держаться около тридцати градусов. С возмущением в душе вошёл в балок. На скамейке за столом сидели пьяные рабочие.

– Почему пьянка в рабочее время? – спокойно, ели сдерживая себя от ругательства, спросил Крылов.

– День актированный, нерабочий, – сообщил кто-то из рабочих.

– Почему тогда полбригады на опорах?

– Мы работаем по очереди.

– Объясните мне, что произошло?

Выяснилось, что на участок приезжал уполномоченный правительства Георгий Аркадьевич Караваев – известный в стране строитель. Недавно под его руководством завершилось строительство Дворца культуры в Польше. По возвращении на родину его направили куратором на строительство комбината «Магнезит». Ввалившись в вагончик своей колоритной фигурой и увидев рабочих, забивающих «козла», он грубым громким голосом спросил:

– Почему не работаете?

– Холодно!

– Сейчас я вас подогрею! – заявил незнакомый начальник, вышел из помещения и укатил на служебной машине.

Через некоторое время он вернулся с канистрой спирта и закуской.

На очередной планёрке Караваев анализировал работу всех участков строительства и грубо, с матом устраивал разнос руководителям.

В те времена многие крупные руководители на стройках считали, что грубость и мат сближает их с рабочим классом. Такое поведение считалось общепринятым и ни кем не осуждалось.

Когда очередь дошла до хода строительства канатной дороги, Георгий Аркадьевич дал волю своему красноречию, обвиняя всё руководство строительством в медленных темпах работ.

Крылов, слушая его речь, думал: «Участком руковожу я, а он ругает всех». Во время паузы не выдержал и заявил:

– Надо конкретно говорить: кто виноват и по какой причине.

Караваев поднял глаза на смельчака, пытавшегося ему перечить, поднял руку над столом, направил указательный палец на Крылова и заявил: «А вот тебя я увольняю».

С тяжёлым чувством на душе пришёл Крылов к начальнику управления полковнику Андрееву и сообщил:

– Меня уволили с работы.

– Кто уволил?

– Караваев.

– Он разве твой начальник?

– Нет.

– Иди, работай и больше на планёрки не ходи.

В очередной раз Анатолий Сергеевич встретился с Караваевым много лет спустя, работая уже управляющим трестом.

В 1957 году в СССР проходила реформа реорганизации системы управления. Было упразднено большинство общесоюзных и союзно-республиканских министерств, занимавшихся вопросами промышленности и строительства. Вся территория страны была разделена на экономические административные районы, в которых создавались Советы народного хозяйства – Совнархозы. Немногочисленные оставшиеся министерства и тресты подчинялись Совнархозам. Г. А. Караваев был назначен заместителем председателя Свердловского совнархоза, в ведении которого находилось 400 промышленных и строительных предприятий.

Увидев на одном из совещаний Крылова, радостно сообщил присутствующим:

– Анатолий Сергеевич мой друг, мы давно знакомы, вместе вводили в эксплуатацию комбинат «Магнезит».

Крылов не ожидал такого хамелеонства, но был удивлён, что Караваев запомнил его имя и отчество.

С тех пор Крылову часто приходилось встречаться с Караваевым. Запомнился интересный случай, характеризующий Георгия Аркадьевича как человека. Они обсудили текущие вопросы, и Крылов собрался покинуть кабинет. В это время вошла секретарь и на ухо сказала Караваеву:

– К вам на приём пришёл Лазарь Моисеевич Каганович.

Караваев побледнел и растерялся. Каганович был опальным руководителем, за связь с которым моли возникнуть неприятности. Он оказался в составе «антипартийной» группы, и бывшего «железного» наркома отправили в город Асбест Свердловской области работать управляющим комбинатом «Союзасбест».

Анатолий Сергеевич собрался подняться из-за стола и покинуть кабинет. Караваев остановил его движением руки и произнёс:

– Сиди! – Секретарше сказал: – Пригласи.

В кабинет вошел Каганович, поздоровался и направился к столу через длинный кабинет. Крылову бросились в глаза черные усы и залысина на высоком лбу. На нем был полувоенный френч, в руке он держал папку. Уверенная походка и внешний вид напоминали, что он руководитель сталинской эпохи.

Караваев показал ему на стул и предложил присесть к столу, но руки не подал.

Лазарь Моисеевич сел к столу, раскрыл папку и начал речь:

– На комбинате катастрофически не хватает жилья для рабочих, а в городе стоят возведенные коробки брошенных домов. После ликвидации Министерства строительства их некому достраивать. Я прошу передать дома комбинату, мы их достроим собственными силами.

– Вы подняли серьёзный вопрос. Совнархоз обязательно рассмотрит его и сообщит вам.

– Благодарю, разрешите идти.

– Пожалуйста, до свидания.

Этот короткий разговор оказался судьбоносным не только для Свердловской области. По стране развернулся «самстрой». Предприятия самостоятельно достраивали жильё, которое раньше для них строило государство.

2

Ижевский оружейный завод – один из старейших в России. Перед войной 1812 года на заводе полным ходом шёл выпуск огнестрельного и холодного оружия. В конце девятнадцатого века Ижевский завод производил оружия больше, чем Тульский и Сестрорецкий вместе взятые. В годы Гражданской войны завод сильно пострадал, многие специалисты уехали. В тридцатые годы началась реконструкция завода, создание новых образцов оружия, модернизация трёхлинейной винтовки С. И. Мосина.

В партийной организации завода парторгом работал Гаврил Илларионович Ватутин, назначенный ЦК ВКП(б). Неожиданно органы государственной безопасности арестовали группу работников цеха и конструкторского бюро, занимающихся модернизацией и изготовлением винтовки С. И. Мосина. По заводу пошёл слух, что арестовали группу врагов народа.

Гаврил Илларионович был в растерянности. Ему ничего не сообщили о намечающихся арестах, хотя должны были бы согласовать. Все арестованные были членами партии, он хорошо их знал и не верил в их виновность. «Надо принимать меры, – думал он, – соберу партийное собрание, там, может, что-то прояснится».

Партийцы собирались в подавленном состоянии. Их товарищи попали в беду. По сложившемуся тогда порядку члены партии, объявленные врагами народа, подлежали немедленному исключению из партии.

Ватутин обвёл взглядом молчаливых хмурых людей, сидящих в зале, и спросил:

– Знаете, по какому поводу мы собрались?

– Знаем, – послышались невесёлые голоса в разных концах зала.

– Что будем делать?

– Исключить из партии – и делу конец, – послышался чей-то голос.

Этот голос послужил детонатором. Зал взорвался:

– За что?! В чём их вина?! Где доказательства?! Севрюкова я знаю с детства, отличный токарь, не может быть вредителем…

Гаврил Илларионович дал время всем высказаться, затем подвёл итог дискуссии:

– Доказательств вины наших товарищей у нас нет. Исключать их из партии преждевременно. Когда появятся доказательства, мы вернёмся к рассмотрению этого вопроса.

В зале послышался одобрительный шум.

– Какие будут предложения?

– Не исключать. Оставить в партии, – раздались голоса.

– Прошу поднять руки, кто за то, чтобы не исключать из партии.

В зале поднялся лес рук.

– Кто против?

Никого.

– Кто воздержался?

– Воздержавшихся нет. Решение принято единогласно.

Поднялся пожилой рабочий и заявил:

– Предлагаю за арестованных товарищей платить членские взносы, пока их не освободят. Я лично буду платить взносы за Сысоева.

Предложение было принято.

Ватутин чувствовал, что бюро поступило правильно, но в душу вкралась тревога. Он ждал телефонного звонка. Через несколько дней звонок раздался. От неожиданности Гаврил Илларионович вздрогнул и снял трубку. Звонил Н. И. Ежов, возглавлявший промышленный отдел ЦК ВКП(б).

– Здравствуйте, товарищ Ватутин.

– Здравствуйте.

– Вы приглашаетесь на заседание политбюро Центрального комитета партии.

– Какая повестка?

– Вопрос будет решаться о вашей жизни и смерти.

– По какому вопросу мне подготовиться?

– Вы должны знать. На заседании будет присутствовать товарищ Сталин. Оденьтесь прилично, приобретите галстук.

Гаврил Илларионович всегда ходил в толстовке, подпоясанной узким ремешком. В совете Ежова почувствовал подлог и решил ехать в обычной одежде.

Перед отъездом собрал партийное собрание. Обсудили положение дел на заводе и линию поведения на заседании политбюро. После собрания к Ватутину обратился рабочий с дореволюционным партийным стажем, А. Т. Инокентьев:

– Гаврил Илларионович, возьми меня с собой, может быть, пригожусь.

В приёмной ЦК ВКП(б) царила тягостная атмосфера. Никто не разговаривал. Стояла тишина. За столом секретаря сидел заведующий особым отделом ЦК А. Н. Поскрёбышев. На нём была полувоенная одежда. Слышался только шелест страниц перебираемых им бумаг. Он посмотрел на часы и направился к двери в зал заседаний. Через несколько минут вышел, пригласил присутствующих в зал и показал на стулья у стены кабинета, на которые приглашённые сели.

Ватутин обвёл взглядом кабинет. Стены были обшиты дубовыми панелями с вставками из карельской берёзы. В конце кабинета стоял двухтумбовый письменный стол, покрытый зелёным сукном. На столе ничего лишнего: телефон, ручка, чернильница, пепельница и настольная лампа с зелёным верхом. На стене висел портрет Ленина. Члены политбюро сидели за длинным столом. Его насторожило присутствие на политбюро наркома НКВД Г. Г. Ягоды, который спросил у Поскрёбышева:

– Все приглашённые прибыли?

– Все, – коротко ответил тот и вышел из кабинета.

Около письменного стола открылась дубовая дверь, и вошёл Сталин. Он был в полувоенном френче, брюки заправлены в сапоги, в руке держал трубку. Прошёл по ковровой дорожке, ни на кого не

глядя. В кабинете воцарилась мёртвая тишина. Сталин продолжал ходить и сосать трубку, которая не дымила. Затем подошёл к Ягоде и спросил:

– Вы предлагали повестку? Озвучьте.

Г. Г. Ягода поднялся и доложил:

– О группе вредителей на Ижевском оружейном заводе.

– Кто докладчик?

– Заместитель начальник ОГПУ.

– Доложите кратко.

– Управление государственной безопасности разоблачило на Ижевском оружейном заводе группу вредителей, которые выпускают оружие для Красной армии плохого качества.

Доклад длился несколько минут. После окончания наступила пауза тягостного молчания. Сталин не перебивал докладчика, продолжал ходить по кабинету и сосать трубку. Затем спросил:

– Ватутин здесь?

Гаврил Илларионович вскочил с места.

– Мне сообщили, что вы продолжаете платить членские взносы за врагов народа?

– Так решило партийное собрание. Членские взносы платят коммунисты, которые уверены в невиновности своих товарищей. Нам не известны предъявленные им обвинения. С арестом начальников проектного бюро и оружейного цеха завод лишён возможности продолжать работы по усовершенствованию оружия.

Сталин молчал. Послышался голос докладчика:

– Предлагаю пройти в соседний зал, там выставка винтовок. Можно опробовать работу винтовки Ижевского завода.

– Пойдёмте, посмотрим, – произнёс Сталин и направился к выходу из кабинета.

Ватутина не покидали мысли: «Кто из коммунистов завода сообщил об уплате членских взносов за арестованных? Возможно, он и был инициатором арестов на заводе». Он перебирал в памяти всех коммунистов, но не мог ни на ком остановиться.

На стенде стояло несколько образцов винтовок. Докладчик начал рассказывать: «Вот это винтовка фирмы «Браунинг», эта фирмы «Винчестер», их характеристики…

– Ближе к делу, – перебил его Сталин, – не надо характеристик.

Чекист взял винтовку Мосина, подошёл к столу, зарядил пятью патронами и начал дергать затвор. Два патрона вылетели на стол, третий заклинило.

– Вот видите, как работает винтовка.

Он вновь зарядил винтовку и начал дергать затвор. Третий патрон снова заклинило в винтовке.

– Вот с таким оружием нам предстоит воевать.

Все взоры обратились к Сталину, ждали его решения. В это время раздался голос Инокентьева:

– Коба, разреши я покажу, как работает винтовка?

Присутствующие были удивлены фамильярному обращению. Они не знали, что Инокентьев и Сталин до революции вместе отбывали ссылку. У старых партийцев было принято называть друг друга по партийным кличкам.

Не дожидаясь ответа, пожилой рабочий подошёл к столу, взял винтовку, разрядил, набрал в горсть пять патронов и, глядя на Сталина, стал заряжать.

– Коба, ты меня знаешь. Я бы пошёл воевать с нашей винтовкой. Она самая простая.

Затем резкими рывками стал дергать затвор. Все патроны вылетели на стол. Он снова зарядил винтовку, и опять ни один патрон не заклинило при его рывках затвора.

– Чекист не умеет пользоваться винтовкой, он кабинетный работник, – произнёс Инокентьев и положил винтовку на стол.

Все направились в кабинет заседаний. Когда расселись по своим местам, Сталин спросил:

– Кто давал санкцию на арест работников Ижевского завода?

К. Е. Ворошилов поднялся из-за стола:

– Я.

– Освободить немедленно! – приказал Сталин и ушёл из кабинета.

Вечером за Ватутиным приехала автомашина и увезла в Кремль, к Сталину. Тот проживал на первом этаже здания, в котором размещался его рабочий кабинет. Иосифа Виссарионовича застал за подшивкой детского валенка. На нём были надеты ватная безрукавка и фартук. Встречать Гаврила Илларионовича вышли дети Сталина: Светлана и Василий. Поздоровавшись, удалились в другую комнату.

– Такая работа очень успокаивает, – произнёс Сталин и, показав подшитый валенок, пригласил к столу.

Разговор шёл не только о состоянии дел на заводе. Сталина интересовала обстановка на периферии, настроение рабочего класса. Он помнил массовое антибольшевистское восстание 1918 года.

Только после обстоятельного разговора перешёл к теме прошедшего заседания Центрального комитета:

– Вы сказали, что арест отдельных руководителей среднего звена обезглавил завод. У вас разве нет замены на эти должности?

– К сожалению, нет.

– Если уйдёт из жизни старое поколение специалистов, кем их замените?

– Надо готовить кадры.

– Вот именно, надо готовить кадры. Прошу вас заняться этим вопросом. Подумайте и изложите мне на бумаге.

Через некоторое время после возвращения в Ижевск Ватутину позвонил Н. И. Ежов и сообщил:

– Вас направляем на работу в Свердловск.

– Что делать?

– Обсудите с местными партийными органами создание Промакадемии. Им поручение уже дано.

3

Тихий океан оправдывал своё название. Стоял полный штиль. Поверхность океана, как зеркало, отражала солнечные лучи. Эскадренный миноносец возвращался в базу после выполнения учебных задач. Ритмично работали двигатели, мерно вздрагивал корпус. Корабль, как и команда, устал, ему требовался отдых и

техническое обслуживание. За кормой кильватерная струя светлой дорогой тянулась за пределы видимости. Над кораблём появились чайки.

«Верный признак – скоро берег», – подумал Алексей Михайлов. Он испытывал чувство удовлетворения проведёнными учениями. Центральный пункт управления стрельбой обеспечил успешное выполнение артиллерийских стрельб. Алексей с детства любил технику, в своей боевой части досконально изучил работу всех механизмов. В то время электроника только начала внедряться на кораблях. Её возможности захватили его воображение. Находясь на берегу, покупал техническую литературу и в свободное время штудировал и фантазировал.

После швартовки корабля всех офицеров по трансляции пригласили в кают-компанию. Прибывший на корабль офицер отдела кадров офицерского состава зачитал приказ о переводе ряда офицеров с корабля для прохождения дальнейшей службы на берегу.

Алексею предстояло продолжить службу в научно-исследовательском центре в Феодосии. Место службы с ним было согласовано, но он не думал, что переезд произойдёт так быстро.

Крым встретил его ярким солнцем, зелёными кипарисами и тёплым морем. Устроив жену и дочь в гостинице, отправился к месту службы. Он рассчитывал получить служебное жильё, но получил только обещание на отдалённую перспективу. Пришлось устроиться в частном доме недалеко от моря.

Первое время Алексей скучал по морю, вспоминал корабль и сослуживцев. Постепенно работа увлекла его, он окунулся в мир электронной защиты кораблей. Через год ему присвоили очередное воинское звание – капитан-лейтенант. Помимо основного направления в работе, ему приходили в голову различные идеи. Одно соображение он оформил докладной запиской и принёс начальству. Начальник отдела, прочитав две страницы убористого почерка, поднял голову и произнёс:

– Это же фантастка!

– У Жюля Верна была фантастика, а сейчас субмарины бороздят мировой океан.

– Так сколько лет потребовалось, чтобы его мечту претворить в жизнь?

– Чтобы мои предложения претворились в жизнь, надо начать ими заниматься.

– Этой темы нет в плане работ. К тому же ты не обосновал теоретически.

Несколько дней Алексей ходил обескураженным. Возникшая идея не давала ему покоя. Чтобы избавиться от назойливых мыслей, написал статью и отправил в журнал «Морской сборник». После этого наступило душевное успокоение. Он ждал ответа, регулярно просматривал новые выпуски журнала и в свободное время продолжал теоретически обосновывать поставленную задачу. Не получив ответа, через несколько месяцев отправил вторую статью.

Шло время. Алексей продолжал увлечённо работать. Жена как-то вечером спросила:

– Алексей, ты где находишься?

– Дома.

– Мне кажется, ты летаешь в облаках. Скажи, что происходит?

– Жду ответа из журнала.

– Ответ придёт, пойдём на море, искупаемся.

Алексей взял дочь за руку, и они отправились по переулку 30-й Стрелковой Дивизии, пересекли проспект Айвазовского и вышли на набережную Десантников. Море дышало. Небольшие волны набегали на отмель и, отступая, издавали шелест потревоженными гальками.

Через несколько дней Алексея вызвали к начальнику. В кабинете сидели два незнакомых ему офицера в звании капитана третьего ранга и капитан-лейтенанта. Руководитель исследовательского центра без предисловий произнес:

– Вам следует поехать с этими офицерами.

Офицеры приподнялись из-за приставного столика и отправились к двери. Алексей вынужден был последовать за ними. Когда вышли в коридор, в недоумении от происходящего спросил:

– Что происходит?

– Узнаете позже.

– Я могу заехать домой и сообщить жене об отъезде?

– Нет времени, позвоните по телефону.

Сидя в машине на заднем сиденье, Алексей размышлял: «Если я арестован, эти офицеры из органов государственной безопасности должны привезти меня в Севастополь, но машина едет в Симферополь».

На попытку расспросить у офицеров о своей участи получил ответ:

– Мы ничего не знаем, просто выполняем приказ доставить вас по назначению.

Его привезли в военную комендатуру. Комендант снял трубку и кому-то позвонил. Алексей понял, что речь шла о нём, так как комендант произнёс слово «у нас». Положив трубку, комендант обратился к Алексею:

– Через несколько минут в Ленинград вылетает самолёт, вы полетите с моими сотрудниками.

У Алексея нарастала тревога: «Меня сопровождают два человека, значит, боятся, что я сбегу. Неужели меня заточат в «Кресты»?».

В Ленинграде самолет встретил капитан третьего ранга, которому сопровождающие передали Алексея.

«Волга» ехала по улицам старинного города. Алексей смотрел безразличным взглядом на памятники архитектуры. Его волновала собственная судьба.

– Куда мы едем? – спросил сопровождающего.

– Скоро узнаете.

Машина остановилась около красивого здания. На высоком крыльце стоял часовой. Сопровождающий провел Алексея на второй этаж в приёмную. За столом сидел капитан первого ранга.

– Вам придётся подождать, адмирал занят, – произнёс он и, поднявшись из-за стола, зашёл в кабинет.

Из кабинета вернулся быстро и добавил:

– Адмирал скоро освободится.

Алексей не мог понять, что происходит, куда он попал.

Вскоре из кабинета вышел контр-адмирал в сопровождении капитана первого ранга. Алексей поднялся и вытянулся по струнке.

– Прошу в кабинет, – пригласил капитан первого ранга и вошёл следом за Алексеем.

В конце длинного зала за столом сидел гражданский человек. Алексей подошёл к столу и доложил:

– Капитан-лейтенант Михайлов прибыл…

И запнулся.

Мужчина, сидящий за столом, махнул рукой и предложил:

– Садись к столу.

Капитан первого ранга продолжал стоять в стороне.

Внимательно посмотрев на Алексея, он порылся в папке с бумагами, вынул несколько листов и протянул Алексею со словами:

– Твоя работа?

Алексей узнал первую статью, отправленную в журнал «Морской сборник».

– Моя.

Адмирал вынул из папки ещё несколько листов и подал Алексею:

– Твои?

– Мои.

– Хорошая у тебя голова, но дураку досталась.

– Почему? – неожиданно для себя спросил Алексей.

– Разве можно такие вещи публиковать в открытой печати?

Обращаясь к капитану первого ранга, приказал:

– Пиши: «Первое – создать лабораторию по изучению… Второе – назначить руководителем лаборатории капитан-лейтенанта Михайлова. Третье – назначить заседание ученого совета по защите диссертации Михайловым. Оппонентом выступлю я. И последнее – подготовить документы на присвоение капитан-лейтенанту внеочередного звания – капитан второго ранга».

Затем обратился к Алексею:

– У вас есть жильё?

– Нет.

– Запиши ещё, – обратился к секретарю, – предоставить служебную квартиру.

Через много лет Анатолий Сергеевич Крылов встретился со своим школьным приятелем при сдаче в эксплуатацию военного объекта в

Красноярском крае. Разговор был длинным и интересным. Крылов спросил:

– Какое у тебя звание?

– Я давно доктор технических наук, а вот с воинским званием обижен. Мне, морскому офицеру, присвоили генеральское звание.

4

Правительством СССР в 1955 году было принято постановление о сооружении в Красноярском крае комплекса предприятий алюминиевой промышленности. Строительство велось долго. Объекты вводились последовательно. Первые технологические линии цементного производства были приняты в эксплуатацию в 1965 году. В начале семидесятых годов готовился к пуску комплекс объектов глиноземного производства. Возведение комбината было объявлено всесоюзной стройкой. На его строительстве работали подразделения трех министерств, собранные из разных регионов страны.

Управляющий трестом «Союзмонтажспецстрой» Анатолий Сергеевич Крылов безвыездно жил в Красноярске. На завершающем этапе строительства работали монтажные управления его треста из Иркутска, Новосибирска, Красноярска и других регионов.

Перед сдачей комбината в эксплуатацию в Красноярск приехали три министра. Вел совещание первый секретарь Красноярского обкома партии Владимир Иванович Долгих.

Вскоре в газете «Правда» появилась большая статья за подписью В. И. Долгих. В связи с завершением строительно-монтажных работ в статье предлагалось все строительные организации треста «Союзмонтажспецстрой» оставить в Красноярске и подчинить местному управлению строительства. Газета была органом Центрального комитета КПСС. Все рекомендации, напечатанные в ней, считались руководством к действию.

Анатолий Сергеевич был в шоке. Разваливался его трест, терялись опытные, проверенные многими годами совместной работы сотрудники. В регионах ждали возвращения строительных подразделений треста для завершения работ на строящихся объектах. Значит, ему предстояло создавать на местах новые подразделения. Он позвонил в Москву министру монтажных и специальных работ Б. В. Бакину:

– Борис Владимирович, вы читали газету «Правда»?

– Читал.

– Надо протестовать! Только успели избавиться от Совнархозов, опять собираются объединить строительные подразделения в кучу.

– Это воля партии, нам неудобно протестовать. Поговори с автором статьи, Владимиром Ивановичем.

Анатолий Сергеевич позвонил в приёмную Красноярского обкома партии и попросил соединить его с первым секретарём обкома Владимиром Ивановичем Долгих.

Услышав в трубке знакомый голос, произнёс:

– Добрый день, Владимир Иванович! Я прочитал вашу статью в газете. Прошу назначить мне время приёма. Надо поговорить, пока в прессе не появились на неё отзывы.

В назначенное время Анатолий Сергеевич вошёл в кабинет, ему навстречу поднялся из-за стола Владимир Иванович и протянул руку для пожатия. Он был высокого роста, стройный, подтянутый, с острым внимательным взглядом. Указав на стул у приставного стола, затеял дежурный разговор.

Выждав момент, Анатолий Сергеевич начал продуманную речь:

– Статья в газете нас напугала. У рабочих рождается протест. Они хотят вернуться к семьям. Если их оставить здесь, нужно обеспечить жильём, создать производственные базы. У вас появится много проблем, а трест потеряет структурные подразделения.

Чем дольше говорил А. С. Крылов, тем мрачнее становился В. И. Долгих. Когда Анатолий Сергеевич закончил свою речь, Владимир Иванович заметил:

– Мы плохо продумали последствия . . .

И пригласил в кабинет второго секретаря обкома партии.

– Наши опасения подтвердились при подготовке статьи, – продолжил разговор Владимир Иванович.

– Статью готовил Срулевич, управляющий трестом «Востоксантехмонтаж», он нас убедил, – произнёс второй секретарь обкома.

– Пригласите Игоря Степановича, может быть, он обоснует правильность предложения, – вмешался в разговор А. С. Крылов.

Вскоре в кабинете появился И. С. Срулевич. Вместо приветствия Владимир Иванович встретил его словами:

– Ужинаем вместе, а дела врозь.

После продолжительной беседы Владимир Иванович спросил:

– Кто сказал, что статью поручил написать министр?

– У нас у каждого свои интересы, – ответил И. С. Срулевич.

– Мы поторопились со статьёй, надо думать, как выйти из создавшегося положения.

– Я плохой советчик, – произнёс Анатолий Сергеевич. – Игорь Степанович вас подставил, пусть он и думает. Считаю, что вам следует поговорить с министром Борисом Владимировичем, сам он инициировать разговор не будет.

После завершения встречи А. С. Крылов позвонил министру, чтобы доложить о разговоре у первого секретаря обкома партии. Выслушав Анатолия Сергеевича, министр сказал:

– Мы будем выполнять решения партии.

Все участники тех событий ждали постановления правительства и партии. Вскоре, в 1972 году, Владимира Ивановича Долгих избрали секретарём ЦК КПСС, и дальнейшего хода предложений, изложенных в статье, не последовало.

Владимир Иванович Долгих здравствует до сих пор, и его всегда можно найти в Москве.

5

Строительство Селенгинского целлюлозно-картонного комбината началось в далёком 1958 году. Выбор места на реке Селенге был обусловлен достаточным количеством лесосырьевых ресурсов, наличием чистой воды и необходимостью в бассейне Байкала предприятия – утилизатора отходов лесопиления и деревообработки. Стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской. В ходе строительства неоднократно корректировались проектные решения и требования к природоохранным мероприятиям.

В 1973 году готовилась к сдаче в эксплуатацию первая очередь комбината. На последнем этапе строительства трест «Союзмонтажспецстрой» вел монтаж и обкатку оборудования. Управляющий трестом А. С. Крылов удивился, узнав, что очистные сооружения ещё не построены. Сброс отходов первой очереди планировался в болото. Несомненно, они попадут в реку, а затем в Байкал. Озабоченность чистотой уникального озера заставила его написать письмо в Совет министров СССР.

Не дождавшись ответа, поехал в Улан-Удэ к первому секретарю обкома партии А. У. Модогоеву. В приёмной секретарь сообщила:

– Андрей Урупхеевич ведёт заседание паводковой комиссии. Вам придётся подождать.

Когда члены паводковой комиссии покинули кабинет, Модогоев вышел в приёмную, поздоровался за руку с Крыловым и пригласил в кабинет. По дороге под впечатлением заседания комиссии с возмущением поделился с Анатолием Сергеевичем:

– Вот, народец! Под предлогом паводка хотят списать скот. Чувствую, что съели баранов.

Крылов изложил свои опасения по сдаче в эксплуатацию первой очереди комбината без очистных сооружений.

– Все знают, – ответил Модогоев, – стране нужен гофрированный картон для экспорта.

– Напишите в ЦК КПСС.

– Тебе из Совета министров СССР не ответили. Мне тоже не ответят, а вызовут на ковёр. Чем дело закончится, ещё не известно.

Только в 1990 году комбинат прекратил сброс в Селенгу промышленных сточных вод.

6

Поздним вечером в квартире Анатолия Сергеевича раздался телефонный звонок. Крылов снял трубку и произнёс:

– Слушаю.

– Говорит Бакин, – раздался громкий знакомый голос Министра монтажных и специальных работ СССР.

«Случилось что-то неординарное», – подумал Анатолий Сергеевич, – «Министр не будет звонить по пустякам».

Крылов начал перебирать в памяти все свои строящиеся объекты, на которых могло произойти чрезвычайное происшествие. Не вспомнив причин для волнения, ответил:

– Слушаю, Борис Владимирович!

– Ты знаком с Иваном Фёдоровичем?

У Крылова отлегло от сердца беспокойство, и он ответил:

– Конечно, знаком, неоднократно встречался в Министерстве.

– Он почти год лежит в кардиологическом центре академика Бураковского. Врачи говорят, что

с его заболеванием операцию могут сделать только в Новосибирске. Ты знаком с Мешалкиным?

– Знакомство шапашное.

– Свяжись с ним, узнай, может ли он принять пациента. Я бы сам позвонил ему, но говорят, что он не любит ходатайств из Москвы.

Крылов позвонил Мешалкину. Представился, рассказал о поручении и диагнозе больного.

Евгений Николаевич удивился: «Год лежит в клинике и ещё живой?»

– Мне так сказали.

– Через неделю у меня предстоит командировка в Москву, зайду в клинику Бураковского и ознакомлюсь с историей болезни пациента.

– Спасибо Евгений Николаевич.

Недели через две Мешалкин позвонил Крылову:

– Я приму вашего пациента, если сможете довезти ко мне живым.

Анатолий Сергеевич тут же позвонил Министру. Пациента спецрейсом доставили в Новосибирск и на машине скорой помощи в клинику Мешалкина. В кардиологическом отделении не оказалось свободных мест. Его поместили в палату детского отделения.

Крылов ежедневно звонил в отделение и интересовался судьбой товарища. Операция прошла успешно. Перед выпиской взял фруктов,

бутылку коньяка и поехал в клинику. Ивана Федоровича застал в хорошем настроении.

Только успел Анатолий Сергеевич налить коньяк в стаканы и поставить бутылку на пол около тумбочки, дверь открылась, и в палату вошёл Мешалкин. Оценив обстановку произнес:

– Почему два стакана?

– Вам и мне, – ответил Крылов, – больному нельзя.

– Он уже не больной, сто граммов ему не повредит, доставай третий стакан.

Поездка в Югорию

Мне приходилось встречаться с хантами, писать об их жизни и быте в угодьях промысла, но никогда не бывал в столице Югории – Ханты-Мансийске. Слово «Югория» всегда вызывало у меня чувство далёкой, загадочной и неведомой страны. И вот представился случай посетить этот северный край. Валентина Михайловна Самсонова пригласила меня навестить её сына, проживающего в Сургуте.

Самолёт «боинг» взлетел из аэропорта Толмачёво и взял курс на север. Через час лёта под нами простиралась лесотундра, залитая водой, с небольшими островками леса. Озёра и болота

занимали большую часть территории. Повсюду виднелись жёлтые площадки, отсыпанные песком, с нефтяными скважинами. К ним подходили узкие полоски дорог. Валентина Михайловна удивилась:

– Здесь нет земли, чтобы посадить самолёт!

– Наверное, нашлась, раз есть аэродром.

Когда самолёт приземлился, мы увидели современный аэропорт с десятками самолётов различных авиакомпаний на лётном поле.

В аэропорту нас встретил сын Валентины Михайловны Анатолий и повёз на свой дачный участок. Ехали по прекрасной бетонной дороге. Анатолий предугадал мой вопрос и стал рассказывать:

– Город Сургут, аэропорт, все дороги построены на отсыпном песке.

– Где берутся огромные объёмы песка? – удивился я.

Мне вспомнились дноуглубительные работы на Оби вблизи Новосибирска и караваны барж с песком, отправляемые на север. Эти работы привели к понижению русла реки и ухудшению судоходства.

– Песок добывают со дна близлежащих озёр, – ответил Анатолий.

Заслуживают внимания дачные участки северян. Дома строятся двухэтажные, большие, с северным размахом. На болотистой местности уровень грунтовых вод находится на поверхности почвы. Владельцы участков вынуждены засыпать их песком, торфом и чёрным грунтом, а грядки поднимать ещё

выше. После обильного дождя к грядкам можно подойти только в сапогах.

Сосед Анатолия приобрёл два участка. На одном участке экскаватором вырыл глубокий котлован. За счет вынутого грунта поднял поверхность второго участка. В образовавшийся пруд запустил карасей. Я имел удовольствие посидеть с удочкой на берегу искусственного водоёма.

На следующий день мы отправились знакомиться с Сургутом. Это один из старейших сибирских городов, основанный в 1594 году князем Фёдором Барятинским по поручению царя Фёдора Иоанновича. В считаные недели на правом берегу Оби вырос деревянный рубленый город с двумя воротами и башнями. В нём разместились воеводский двор, пороховой погреб, тюрьма, государевы амбары и церковь. Население составляло 155 служилых людей. Город был построен вблизи хантыйского поселения. Обширная местность этого племени называлась «сургут», что в переводе означало «рыбное место». Слово состоит из двух древнеюгорских слов «сор» и «кут». Слово «сор» переводится как «заливная пойма реки», а слово «кут» означает «рыба».

С восемнадцатого века город был местом политической ссылки. Сюда ссылались участники восстания Степана Разина, декабристы.

В шестидесятые годы прошлого века Сургут стал центром добычи нефти и газа. Сегодня является одним из крупнейших культурных и промышленных центров

Ханты-Мансийского автономного округа. Население составляет около трёхсот тысяч человек.

Мы шли по аллее проспекта Ленина, затем по улице Северной. С обеих сторон стояли высотные современные здания. Улица вывела к Сургутскому государственному университету, за которым тянулась набережная. Перейдя приток реки по пешеходному мостику, оказались в парке за рекой Саймой.

Наш приезд в Сургут совпал с празднованием Дня города. На набережной за университетом была оборудована временная сцена, по кругу стояли палатки землячеств разных национальностей, проживающих в Сургуте. В них демонстрировались предметы прикладного искусства и национальная одежда. Посетителей угощали традиционными национальными блюдами.

В городе проживает около ста диаспор. К сожалению, самая малая диаспора коренного населения – хантов. Нам встречались в национальных одеждах белорусы, азербайджанцы, татары, башкиры, грузины и другие жители города. Мне хотелось увидеть хантов и поговорить с ними. И вот впереди в толпе мелькнула меховая шапка. «В тёплый день в меховой шапке мог быть только хант», – подумал я, и мы через плотную толпу бросились его догонять.

Валентина Михайловна первой оказалась около него, дотронулась до локтя мужчины и спросила:

– Извините, пожалуйста, можно с вами поговорить?

Перед нами стоял низкорослый мужчина в суконной парке, подпоясанной ремнем из сыромятной кожи. На

ремне с правой стороны висел охотничий нож в деревянной ножне. Впереди – небольшой нож в кожаной ножне, рядом в кожаном мешочке точильный камень, сзади – клык медведя, служащий оберегом от злых духов. Меня удивило, что на ногах у него были кеды.

– Конечно, можно, – ответил он.

На округлом лице с правильными чертами промелькнуло удивление. Встретив его в городе на улице, трудно было бы узнать в нём ханта.

– Мы приехали из Новосибирска, – вмешался я в разговор и представился.

– Сергей Васильевич Кечимов, – ответил он.

– Мне хотелось бы поговорить с вами о жизни вашего племени.

– Сегодня нет времени, меня вызвали в город на два дня. Приезжайте в посёлок Рускинские, там поговорим.

– Далеко ехать?

– Четыре часа на автобусе.

– Как вас найти?

– Любой житель покажет, где я живу.

Обходя палатки и знакомясь с национальными кухнями, мы подошли к чуму, накрытому оленьими шкурами. Внутри находились две женщины в национальных одеждах. Их парки были расшиты бисером и цветными кусочками сукна, среди которых преобладал красный цвет. На полу по шкурам ползали ребятишки. Одна женщина вышла нам навстречу с туеском в руках и, зачерпнув берестяной ложкой

морошку, стала угощать. В чуме около входа на берёзовой чурке сидел знакомый нам Сергей Васильевич и маленьким ножом расщеплял корни кедра для плетения корзинки или мордушки. Он был настолько сосредоточен на своей работе, что даже не поднял на нас глаз. Мы поняли, что всё убранство чума и одежда хозяев – показное для посетителей.

На следующий день мы посетили центральную городскую библиотеку и подарили свои книги. Заведующая библиотекой Галина Николаевна предложила нам провести беседы с двумя классами школьников и группой инвалидов по зрению. К моему удивлению, вечером мне позвонила Александра Владимировна Лазарева – руководитель Сургутского литературного объединения – и предложила встретиться. На встрече присутствовали десять человек прозаиков и поэтов Сургута. Встреча прошла интересно и продуктивно. Мы обменялись книгами и адресами.

Через несколько дней мы на маршрутном малолитражном автобусе отправились в Ханты-Мансийск. Бетонная дорога проходила через массивы леса и большие участки болот с низкорослой тундровой растительностью. Постоянно встречались перекрёстки с указанием номеров нефтяных скважин. Вдали виднелись вышки с факелами сжигаемого попутного газа. Навстречу потоком двигались легковые автомашины и гружёные тяжёлые самосвалы. Окружающий пейзаж оставлял неизгладимое впечатление. Шесть часов езды

пролетели незаметно. Водитель любезно согласился подвести нас к гостинице.

Мы остановились в гостинице «Хотэм». Хозяйка гостиницы, Нина Сергеевна, – общительная женщина невысокого роста с обликом хантыйки – пояснила, что слово «хотэм» на её родном языке означает «наш дом». Она имеет высшее медицинское образование. Много лет работала в санэпидемнадзоре, вышла замуж за русского врача Ивана Ивановича. Выйдя на пенсию, вместе с мужем построили на её родовом участке земли трёхэтажную деревянную гостиницу. Условия проживания отвечают самым высоким современным требованиям.

Хантыйский народ когда-то проживал от Урала до Енисея. В настоящее время ханты проживают в Северо-Западной Сибири на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области, а также на севере Томской области. Исторически они расселены в бассейне реки Оби, от Нарыма до Салехарда, и многочисленных её притоков. Численность населения составляет около 22 тысяч человек.

Хантыйский язык относится к финно-угорской группе. Их ближайшие родственники по языку – манси и венгры. Более отдаленные родственники, говорящие на языке финской группы, – эстонцы и финны.

Европейцы в этих краях появились в шестнадцатом веке. На месте современной столицы хантов стояло селение Самарово, названное в честь остяцкого князя Самара. Раньше всех аборигенов севера называли

общим словом – остяки. Заселение севера русскими шло разными путями. Численность населения быстро росла. В 1940 году посёлок Самарово переименовали в Ханты-Мансийск, в 1950 году его статус повысили до села, а затем до города.

Ханты-Мансийск произвёл на нас большое впечатление. Это красивый современный город с площадями, парками, музеями и множеством малых архитектурных форм. Архитектура высоких зданий поражает красотой и разнообразием. Наше внимание привлекли Югорский государственный университет, Ханты-мансийская государственная медицинская академия, картинная галерея и другие здания.

Большой интерес у нас вызвал этнографический музей под открытым небом «Турум-Маа», расположенный в живописной сибирской тайге на окраине города. В переводе «Турум-Маа» означает «святая земля». Музей воспроизводит среду обитания коренного населения, исконные постройки жителей: лабазы, глинобитная печь для выпечки хлеба, летнее и зимнее жилища, в которых разместились предметы быта, орудия труда, одежда и украшения.

Меня как охотника привлекла «Охотничья тропа» – путик, проложенная по пересеченной местности. На ней выставлены различные виды капканов и ловушек для охоты на крупного и мелкого зверя.

В стороне находилось святилище с деревянными идолами.

Согласно древним верованиям хантов, мир населён духами и сверхъестественными существами, к

которым относились явления природы. Ханты поклонялись хозяевам леса, воды, хозяевам верхнего и нижнего миров. С приходом в Сибирь русских ханты приняли христианство, сохранив многие свои традиции и мифы.

После знакомства с достопримечательностями города я посетовал Нине Сергеевне:

– За весь день хождения по городу не встретил ни одного ханта. Мне очень хотелось увидеть их в национальной одежде.

Она рассмеялась и, чтобы не обидеть меня, стала рассказывать:

– В городе проживают восемьдесят тысяч человек, из них ханты составляют около четырёх процентов. С развитием нефтегазовых промыслов к нам приехали специалисты многих национальностей. Никто не носит свою национальную одежду. Я её даже не имею. Если желаете встретиться и поговорить с моим народом, поезжайте в посёлок Кышик. Мы считаем его своей столицей.

– Как нам попасть в Кышик?

– Расстояние всего восемьдесят километров, но попасть туда можно только по воде. Каждое утро из речного порта уходит катер.

Предложение оказалось очень заманчивым, хотя и рискованным. У нас оставалось трое суток до отлёта из Сургута в Новосибирск. Можно было сутки провести в хантыйском посёлке, за следующие сутки добраться до Сургута и на третий день утром улететь домой.

Дорога в речной порт шла вдоль Иртыша. Неожиданно у подножия горы и на склоне мы увидели табуны доисторических животных. Я попросил водителя такси остановить машину. Перед нами в лучах яркого северного солнца стояли скульптурные группы мамонтов, волчья стая, первобытные бизоны, шерстистые носороги, пещерные медведи и львы, большерогие олени и другие животные. Немного в стороне разместилась стоянка первобытного человека. Со слов водителя, в Археологическом парке стоят скульптуры животных, останки которых находили на территории Югории. Кости мамонтов нашли недалеко от этого места

Катер на воздушной подушке отошёл от причала в Ханты-Мансийске и помчался вниз по Иртышу. Два мотора, расположенные над кормой, как у аэросаней, гудели с такой силой, что приходилось наклоняться к собеседнику, чтобы слышать его речь. При впадении Иртыша в Обь на воде стоит плавучая часовня с куполом и крестом. Здесь отчетливо виделось слияние голубой воды Иртыша с мутной водой Оби.

Северный ветер гнал волны по Оби против течения. Катер затрясло, как на стиральной доске. Капитан повернул судно к берегу, и оно помчалось по залитым весенним паводкам лугам и островам. Из воды росла густая зелень. На большой скорости трудно было определить, камыш это или осока. Складывалось впечатление, что мы не плывём, а едем по зелёному лугу. Через сорок километров Обь делает петлю, волнение стихло, катер пересек русло к правому

берегу и вошёл в устье реки Назым. Её левый берег низкий, болотистый с типичной тундровой растительностью. Правый – высокий, холмистый, покрытый хвойным лесом.

В кубрике против меня за столом сидела женщина пенсионного возраста с девочкой. Я обратился к ней:

– Скажите, пожалуйста, далеко ещё до Кышика?

– Сорок километров. Вы к кому едете?

– Ни к кому. Хочу посмотреть посёлок, поговорить с людьми.

– Обратно вы можете уехать только завтра, если придёт катер.

– У меня на него взят билет. Почему он может не прийти?

– В штормовую погоду рейс отменяется.

В мою душу вкралось беспокойство. Перспектива остаться здесь на несколько дней и пропустить рейс самолёта, на который куплен билет, меня не устраивала.

– Где вы думаете ночевать? – спросила меня незнакомка.

– Стоят белые ночи, на улице теплынь, разведу в лесу костер и прокоротаю время до утра, – пошутил я.

– Этого делать не следует, – серьёзно или в шутку произнесла она. – Можете поджечь лес, а следом сгорит посёлок. Я устрою вас в Дом ветеранов на ночлег.

– Спасибо. Скажите, как вас звать?

– Зинаида Николаевна.

– Очень приятно, теперь у меня есть знакомый человек в посёлке, – улыбнулся я и представился.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Зинаиду Николаевну.

– Я пенсионерка. Работы хватает по домашнему хозяйству. Ездила к сыну в Ханты-Мансийск за внучкой.

– Чем занимается муж?

– Он профессиональный охотник, имел свой промысловый участок. С ликвидацией госпромхоза и снижением спроса на пушнину занялся рыбалкой, создал частное предприятие, рыбу сдаёт на рыбозавод.

– Оправдывается такая предпринимательская деятельность?

– Судите сами. В прошедший сезон сдал сорок тонн рыбы.

– Как вы попали в эти края?

– Предки в тридцатых годах прошлого века искали лучшей доли. Дошли до устья Назыма, перезимовали в землянках. Затем поселились в Кышике.

Катер подходил к посёлку. В глаза бросился бесконечный ряд дюралевых лодок с подвесными моторами, стоящих на воде вдоль берега. Капитан осторожно выехал воздушной подушкой на отмель, матрос спустил трап, и пассажиры вышли на невысокий берег. Вдоль реки тянулась насыпь, отсыпанная из песка и щебня, защищающая посёлок от подтопления при паводках.

Зинаиду Николаевну встретил муж на пикапе. Она представила ему нас. Мы поздоровались. Он назвался Николаем Петровичем.

Пикап медленно катил по улице посёлка мимо добротных деревянных домов. Почти у каждого дома или во дворе стояли машины. Жители предпочитали вездеходы. Можно было видеть старенькие газики, УАЗы и полноприводные машины иностранных марок. Я спросил у Николая Петровича:

– Почему с лодок не убирают моторы?

– У нас нет воровства.

– Куда можно уехать из посёлка на машине? – задал я очередной вопрос, надеясь побывать в стойбище хантов.

– На машине дальше посёлка не уедешь. На промысловые участки и в стойбища можно проехать только на лодке.

– Зачем же тогда у каждого дома стоят машины?

– С наступлением зимы начинается езда на машинах по зимнику к местам рыбалки и охоты.

Машина остановилась около небольшого деревянного домика на окраине поселка. Зинаида Николаевна нашла ключ, спрятанный в известном ей месте, и, открыв дверь, пригласила внутрь. В обширном зале стояли кресла и стулья, на полу раскинулся ковер. В соседней комнате меня привлёк баян. Перехватив мой взгляд, Зинаида Николаевна пояснила:

– Здесь проходят репетиции нашего хора.

Затем добавила:

– Располагайтесь на диване, я принесу постельное бельё. Вечером приглашаю в гости, муж сможет много рассказать вам об охоте и рыбалке в наших краях. Знакомство с посёлком советую начать с поселкового

Совета. Там посоветуют, с кем из охотников можно пообщаться.

Мы шли по деревянному тротуару под жаркими лучами обеденного солнца. Рядом с тротуаром зеленела низкорослая трава. Поздняя весна задержала её рост. Она спешила вырасти за короткое солнечное лето.

Посёлок напоминал селения Заполярья: по всем улицам проложены деревянные тротуары, от которых идут дощатые тротуары во дворы добротных домов. Больше всего меня удивили встречные жители. Они сохранили старинный обычай здороваться с незнакомым человеком. Все встречные взрослые и дети здоровались с нами. Я перехватил их инициативу и стал здороваться первым.

Вечером Зинаида Николаевна пришла к нам и пригласила в гости. Дом Тимонюк стоит на улице Береговой, огород протянулся до реки. Во дворе выстроены добротные постройки. На берегу у воды лежала дюралевая лодка. «Очень удобно после рыбалки причаливать во дворе», – подумал я.

Нас угощали жареной рыбой, отварной рассыпчатой картошкой и разными соленьями. К чаю была выпечка, варенье из черники и мороженая клюква. «Только в русской глубинке так желанно могут встречать незнакомых людей», – думал я, запивая чаем холодную сочную клюкву.

Разговор шёл о рыбалке, охоте и о жизни в этом далёком от цивилизации крае. Я подарил Николаю Петровичу книгу «В Туруханской тайге». Он открыл книгу и попал на страницы рассказа «Два Михаила».

Прочитал несколько строчек и, оторвав глаза от книги, произнёс:

– В последнее время у нас медведей стало больше, перестали людей бояться, часто пакостят в угодьях.

– Расскажите какой-нибудь интересный случай, – вмешалась в разговор Валентина Михайловна.

– С распадом госпромхоза я перестал заниматься промыслом. Все случаи встречи с медведями давно были, про себя не люблю рассказывать, – пытался уйти от ответа Николай Петрович.

– Неужели не помните ни одного интересного случая? – удивилась Валентина Михайловна.

– Расскажу я вам лучше про своего приятеля. Владимир Степанович построил вторую избушку на своём промысловом участке. Не думал охотник, что его соседство не понравится медведю, который многие годы считал себя единственным хозяином этой местности.

Поехал он весной на рыбалку. Вода в реке высокая, из воды торчат только верхушки кустов тальника. С плёса постоянно поднимались табунки уток, они ещё не выбрали место для гнездования. Владимир Степанович весной никогда уток не стреляет, чтобы не загубить самочку. Против зимовья заглушил мотор, подвёл лодку к берегу и привязал к дереву, росшему около воды. Поднялся по косогору к избушке и видит: замок сломан, дверь выломана. Внутри все вещи разбросаны, стол и печь повалены, продукты съедены. Обругал медведя последними словами, навел порядок, а уезжая, забил дверь длинными гвоздями, оставив шляпки так, чтобы можно было выдергой легко вытащить.

Летом, наведавшись в избушку, обнаружил разбитое окно, на земле валялись стекла и поломанные рамы. В избушке разгром, маслянистые следы зверя. Он изгрыз бутылку подсолнечного масла.

«Ну, зверюга, ты у меня получишь по заслугам при встрече», – вслух произнёс охотник.

Осенью Владимир Степанович приехал в зимовье заготовить дрова на зиму. Собак с собой не взял, чтобы не ушли за зверем. Пилил дрова до позднего вечера, поужинал и улёгся спать.

В это время хозяин тайги обходил свои владения по берегу реки. Обнаружив лодку, обнюхал её и по следу человека подошёл к избушке.

Владимир Степанович услышал шум шагов, соскочил с постели и выглянул в окно. Увидел крупного медведя с огромной головой. Зажёг керосиновую лампу, схватил ружьё и встал в угол, приготовившись стрелять, если зверь появится в двери. Миша не ломал дверь, он обходил избушку, шурша сухой листвой. Владимир Степанович приоткрыл дверь и выстрелил вверх. Его охватило неприятное чувство боязни зверя. Он не знал: убежал зверь или нет. До утра не спал и не гасил огонь.

Медведь три года ломал дверь в избушке, давая понять охотнику, чтобы уходил из его владений. Зверя поймали в петлю охотники на соседнем промысловом участке, проказы прекратились, и Владимир Степанович спокойно продолжал охотиться.

– Коля! – обратилась Зинаида Николаевна к мужу. – Расскажи о встрече с медведем на чернике.

– Хорошее место для посёлка Кышик выбрали ханты, – начал рассказывать Николай. – В окрестностях растёт всевозможная ягода. Первой собирают морошку, затем чернику и голубику, позже бруснику и клюкву. Зинаида уговорила меня сходить за черникой. К нам присоединилась её подруга Тася.

Я с детства знал все ягодные места и привёл женщин на поляну, покрытую расписным ковром из ягод. Дело спорилось быстро, вскоре ведра были почти полными, и наша компания решила позавтракать. Развели маленький костёр, приготовили чай и разогрели мясные консервы. После завтрака я закурил, а женщины пошли за кусты по надобности. Каким-то чувством по интуиции почувствовал за спиной что-то неладное. Оглянулся и увидел: метрах в пятидесяти идёт к нам чёрный небольшой медведь. Закричал во всё горло. Медведь продолжал идти. Крикнул второй раз. Медведь остановился.

«Зачем кричишь?» – раздался из кустов голос Зины. «Медведь!» – «Не ври!» – «Быстро идите сюда!»

Женщины вернулись и видят: недалеко стоит медведь и смотрит на людей немигающими глазами. Зина начала стучать в ведро, а подруга бегать вокруг деревьев, выбирая ствол, по которому можно забраться.

«Подбросьте веток в костёр», – сказал женщинам, а сам достал из кармана перочинный нож. Очень пожалел, что не взял с собой ружьё. Небольшой костёр не испугал зверя. Он продолжал стоять и смотреть на нас.

«Гасите костёр, – скомандовал, – будем потихоньку уходить». Когда отошли на приличное расстояние, Зина

спросила: «Зачем медведь пришёл к нам, ему разве мало ягод вокруг?» – «Его привлёк запах консервов. Видимо, он уже облизывал банки, брошенные в лесу».

Наш разговор длился до позднего вечера. Утром за час до прихода катера мы отправились на «причал». Стояла удивительная сельская тишина. Жители ещё спокойно спали в своих домах, на улице ни одного пешехода, ни одного звука. Даже собаки не лаяли на нас. На береговой отмели по-прежнему стояли рыбацкие лодки. Видимо, сезон ловли рыбы уже прошёл.

Назым вольготно раскинулся между берегами и спокойно нёс свои воды в Обь. По воде медленно плыла потерянная кем-то дощечка. Из-за сопки, покрытой хвойным лесом, на противоположном берегу реки поднималось солнце, предвещая хорошую погоду.

Меня не покидало чувство, что мы находимся в тайге, вдали от цивилизации, и единственная ниточка, связывающая нас с Ханты-Мансийском, из-за плохой погоды может порваться. Только когда из-за мыса на реке на большой скорости выскочила «подушка», успокоился.

Последняя встреча

В осенний теплый день позвонил мне писатель Петр Павлович Дедов и пригласил к нему на дачу, расположенную в деревне Ерестной. В телефонной трубке звучал его тихий спокойный голос:

– Приезжай, погода великолепная, побродим по лесу, наберём брусники.

Я обрадовался приглашению, так как в Караканском бору не был больше двадцати лет. В памяти всплыли поездки туда с Леонидом Ивановичем Зиновьевым – бывшим главным охотоведом области. Собирали чернику, грибы, бруснику. Нам часто встречались на ягодниках глухари. Проезжая по просекам, видели среди соснового леса лосей.

Возможность побывать в знакомых местах, увидеть, какие там произошли изменения, для меня всегда представляет большой интерес, и я ответил Петру Павловичу:

– Сегодня уже поздно, завтра утром выезжаю.

– Во сколько часов тебя ждать?

– К девяти буду в Ерестной.

Меня охватило радостно-тревожное чувство ожидания выезда, которое знакомо каждому охотнику, рыбаку, грибнику и ягоднику. С вечера положил в машину ведёрко под ягоды, корзину под грибы. Жена Наташа уложила в походный рюкзак продукты. Ложась спать, задал себе установку: проснуться в пять часов.

Ночью просыпался несколько раз и смотрел на часы. До пяти часов был уже на ногах. Выпил чая и покатил на автомашине по дороге через Кольцово, Академгородок и Бердск. Около Искитима свернул в сторону Улыбино. Бетонная дорога была в неплохом состоянии и позволила ехать со

скоростью более ста километров в час. При подъезде к Бурмистрово у дороги взору открылась белоснежная церковь Владимира равноапостольного. Глядя на нее, представил двух лебедей, взлетающих в небо с позолоченными крестами в клювах, которые сияли в лучах утреннего солнца.

На дороге к Быстровке стаи грачей проводили «собрания». «Видимо, готовятся к отлету», – подумал я. Ан нет – скоро вдоль дороги открылись поля скошенной пшеницы. «Значит, по дороге возили зерно».

Переехав реку Каракан по съемному мосту, въехал в Караканский бор. Вот он – долгожданный сосновый лес, в котором мечтают побывать многие грибники и ягодники. По укатанной песчаной дороге, проходящей по широкой просеке, поехал в сторону Ерестной. Навстречу шли лесовозы, гружённые сосновым лесом. «Неужели губят бор, который собирались сделать национальным парком?» – обеспокоился я.

Найти дом Дедовых труда не составило. Он стоит крайним на северо-восточной кромке бора. Сосны растут не только вплотную к забору усадьбы, но и во дворе дома. На шум автомашины и скрип открывающейся калитки из летней кухни вышла встречать меня Ольга Григорьевна Дедова. Она уже была одета в походный костюм, который подчеркивал ее стройную и гибкую фигуру. С приятной улыбкой подошла ко мне, и мы обнялись

как старые добрые друзья. Из дома вышел Петр Павлович и, улыбаясь, протянул мне руку. Хозяйка пригласила к столу, на котором стоял завтрак. Ожидая меня, она испекла два пирога: один с рыбой, второй с творогом. Мне неоднократно приходилось пробовать ее прекрасную выпечку, но эти пироги были непревзойдёнными. После длинной дороги я изрядно проголодался и с аппетитом ел вкуснятину, запивая чаем, заваренным шиповником и травами. В это время на пороге распахнутой двери появился высокий мужчина крепкого телосложения.

– Познакомьтесь, – сказал Петр Павлович, – это наш хороший знакомый, местный житель. Он поедет с нами и покажет самые ягодные и грибные места.

Я представился.

– Сергей Сибирский, – произнёс он приятным голосом.

И вот мы едем по лесным дорогам, забираясь все дальше вглубь леса. Сергей сидит на переднем сиденье и предупреждает меня о поворотах на перекрёстках просек и на вырубах. Он знает не только каждую дорогу, но и каждый бугор и что на нем растёт. Постоянно просит меня ехать тише, чтобы он мог через открытое окно машины рассмотреть ягоды в зарослях брусничника. Мое внимание было приковано не столько к дороге, сколько к окружающему бору. Очень хотелось увидеть среди просветов соснового леса красавца

глухаря или могучего зверя сибирских лесов – сохатого. Неожиданно дорогу перегородила поваленная ветром сухая сосна.

– Пила есть? – спросил Сергей.

– Как можно ездить в лес без пилы, – ответил я и, открыв багажник, достал ножовку.

Он перепилил дерево, освободил проезд, и мы поехали дальше.

– Останови машину на этом бугорке, – сказал Сергей, – на его склоне должна быть брусника.

Мы вышли из машины и увидели рядом с дорогой брусничник со спелыми темно-красными ягодами. Обрадовавшись, что поиски, наконец, окончены, разошлись по склону и приступили к сбору ягод. Меня охватило чувство первобытного человека, когда люди жили за счет охоты и сбора плодов диких растений. Поймав себя на этой мысли, остановил сбор ягод, поднялся с колен, выпрямился во весь рост и посмотрел по сторонам. В бору стояла немая тишина: не слышно пения птиц, не раздавался стук труженика лесов – дятла. Ольга Григорьевна на корточках медленно передвигалась по моховому покрову и бойко собирала ягоды с редких кустиков брусничника, Петр Павлович сидел на замшелом стволе поваленного дерева и брал ягоды около своих ног, Сергей обходил по периметру поляну брусничника.

Вскоре раздался его голос:

– Поехали дальше, здесь плохой урожай ягод.

– От ягод ягоды не ищут, – сказала Ольга Григорьевна, – здесь за день можно набрать по ведёрку брусники.

– Найдём участок с более крупной ягодой, – уверенно ответил Сергей.

Мы вновь петляем по лесным слабонаезженным дорогам, пока наш путь не преградил завал из тонкомерных сухих сосен.

– Топор есть? – спросил Сергей.

– Естественно, – ответил я, – машина полностью укомплектована.

Освободив дорогу от завала, мы поехали дальше. Нам постоянно попадались бугры, покрытые хвойной подстилкой. В таких местах обычно любят расти белые грибы. Вглядываясь в просветы между соснами, я не сумел увидеть ни одного гриба. Обращаясь к Сергею, спросил:

– Мы проехали много километров, но я не увидел ни одного гриба?

– И не увидишь, – ответил он.

– Почему?

– Этим летом в Караканском бору не было ни одного дождя.

Наконец наш проводник облюбовал ягодное место. Машину поставили на бугре, чтобы её можно было видеть со всех сторон, и разошлись в разные стороны.

Солнце перевалило за полдень, подошло время обеда, мне захотелось есть, и я предложил:

– Давайте пообедаем.

Ольга Григорьевна всполошилась:

– Я хотела взять с собой еду, но Сергей отговорил, сказав, что к обеду вернёмся с ягодами.

– Ничего страшного, у меня харчей хватит на всех, – успокоил я её, – я живу по принципу: едешь в лес на день – бери еду на три.

Расстелил около машины ветровку, положил на неё целлофановый мешок и выложил всё, что мне приготовила в дорогу Наташа: булку хлеба, кусок сала, сыр и помидоры.

– После такой еды, – сказал Петр Павлович, – ягоды можно собирать до вечера.

– До вечера ни к чему, – возразила Дедова, – за часок доберём по ведёрку и поедем домой.

Следом за продуктами я поставил на импровизированный стол бутылку вина «Черёмуха на коньяке» со словами:

– Меня с молодых лет учили старики, что на рыбалку и охоту обязан всегда брать бутылку спиртного, если даже сам не пьёшь.

Все сидящие вокруг ветровки оживились. Сергей взял бутылку в руки и, посмотрев на свет, спросил:

– Своё производство?

– Конечно своё, – пошутил я, – проверь пробку.

Он открутил пробку, понюхал содержимое и, посмотрев на этикетку, произнёс:

– Двадцать четыре градуса.

Мне послышалось в его голосе сожаление, что крепость вина слабовата. Затем, обращаясь ко мне, сказал:

– Давай стаканы!

– Стаканов нет, – ответил я.

– Говорил, что машина полностью укомплектована, – упрекнул он меня.

– Стаканы мигом сделаю.

Достал из багажника машины полиэтиленовую бутылку с водой, вылил содержимое, закрутил пробку и охотничьим ножом отрезал ее верхнюю часть. Получилась рюмка. Затем отрезал нижнюю часть – получился стакан.

За едой завязался разговор о Караканском боре. Я посетовал, что не встретил даже признаков наличия в бору лосей.

– Какие признаки ты хотел увидеть? – спросил Пётр Павлович, проверяя мою наблюдательность.

– Раньше на каждом шагу в бору можно было встретить «орехи» сохатых, обкусанные ветки молодых сосенок.

– Да что там обкусанные ветки деревьев, – вмешалась в разговор Ольга Григорьевна, – в бору постоянно встречались сброшенные лосями рога.

– Вы видели у нас дома над дверью огромные рога? – обратилась она ко мне.

– Конечно, видел, как можно не заметить такие рога! Я даже подсчитал на них количество отростков, зверю было больше десяти лет.

– Так эти рога мы нашли в бору около Ерестной.

– А я думал, что такого гиганта добыл Пётр Павлович.

– Когда мы купили дом в Ерестной, лоси часто подходили к нашей ограде, – продолжала вспоминать Ольга Григорьевна. – Как-то рано утром вышла во двор, а около калитки в бор стоят лоси. «Вы что, в гости к нам пришли?» – спрашиваю их, а они спокойно развернулись и удалились в лес.

– Ольга, – обратился к ней Петр Павлович, – расскажи, как вы с подругой в бору лосей «напугали».

– Приехала ко мне в Ерестную подруга погостить и на лыжах покататься, – начала рассказывать Ольга Григорьевна. – Идём мы по бору, снег неглубокий, небольшой морозец бодрит, заставляет быстрее двигаться. Вокруг красота необыкновенная. Стройные сосны замерли в безветренную погоду, на ветвях низкого подлеска лежат хлопья снега. Вдруг перед нами поднимаются с лёжки три лося. Один крупный, с рогами на голове, корова поменьше и небольшой телёнок. Подруга испугалась, ойкнула и, потеряв силы, присела на лыжи. Лоси развернулись и побежали рысцой, бросая снег копытами. Я помогла подруге подняться на ноги. Она мне и говорит: «Я думала, они на нас набросятся».

– У меня был более интересный случай, – начал рассказывать Петр Павлович. – Сижу вечером за столом у окна и работаю. Любил я осенью приезжать на дачу и писать свои произведения в тишине и одиночестве. За окном выпал первый снег, виден разобранный забор, который не успел отремонтировать, дальше раскинулся Караканский бор. Наступили сумерки. Пришлось включить настольную лампу. В какой-то момент почувствовал, что на меня через окно кто-то смотрит. Перевёл взгляд от исписанного листка бумаги на окно. И что, вы думаете, увидел? За стеклом почти вплотную маячила лосиная голова. На какой-то момент я опешил, затем, не двигаясь с места, стал рассматривать неожиданного гостя. Его, видимо, привлек тусклый свет в окне. Через какой-то момент лось удалился в бор. То ли ему надоело смотреть в окно, то ли он увидел меня.

– Отошли те времена, когда лоси в бору встречались, – подвёл итог разговора Сергей. – После бесконтрольного отстрела и лесозаготовок в бору практически не осталось ни лосей, ни глухарей. Скоро и от бора ничего не останется. Повсеместно идёт рубка и продажа леса.

В Ерестную мы вернулись во второй половине дня, выгрузили вёдра с брусникой, которая отливала темно-красным цветом в лучах яркого солнца. Сергей заторопился домой, но Ольга Григорьевна его не отпустила:

– Пока всех не накормлю, никуда никого не отпущу, – сказала она твердым голосом и пошла в летнюю кухню.

– У меня дома дела, – произнёс ей вслед Сергей.

– Какие дела могут быть дома у одинокого человека? – спросила она. – Дома на приготовление еды ты затратишь больше времени, чем здесь, у меня всё готово.

Пережёвывая кусочек вкусного рыбного пирога, я спросил:

– Как вы готовите бруснику впрок?

– Очень просто, – ответила Ольга Григорьевна, – заливаем в ёмкостях водой.

– Лучше всего ягоды заливать чистейшей родниковой водой, – поддержал её Сергей.

– В Ерестной есть родник?

– В двух километрах от посёлка вытекает в глубоком логу, зимой не замерзает, – ответил он.

– Так давайте съездим и наберем родниковой воды, – предложил я.

Моё предложение было принято. Вдоволь насытившись, мы уселись в автомашину и поехали по улице через Ерестную. Посёлок вытянулся больше чем на два километра. Вдоль улицы стояли добротные дома, многие за высокими металлическими заборами.

– Сколько жителей в посёлке? – спросил я у Сергея.

– Местных жителей осталось человек тридцать, – ответил он. – Когда-то было семьсот дворов, которые скупили дачники.

– Почему жители покинули такое благодатное место?

– В посёлке было производство по переработке сосновой хвои, сбору живицы, дикоросов. С ликвидацией производства и закрытием школы люди были вынуждены покинуть родной край.

Вскоре мы свернули на лесную просеку и выехали на полянку у глубокого лога. Спуск в лог был настолько крутой, что я сомневался, что по нему можно подняться с водой. На мои сомнения Пётр Павлович показал на сосну около кромки лога и сказал:

– Здесь продумана механизация.

Взглянув на дерево, я увидел привязанную к нему толстую проволоку, которая тянулась к дереву на дне распадка. На дереве висел прочный шнур с металлическим крючком.

Разматывая шнур, Пётр Павлович стал опускать по проволоке крючок с пустой полиэтиленовой бутылью к роднику. Сергей уже успел спуститься в лог. Наполнив бутыль водой, крикнул:

– Вира!

Мы втроём, прилагая немалые усилия, вытащили бутыль с водой. Наполнив всю взятую с собой тару, вернулись в усадьбу Дедовых. Утром у меня не было времени пройти по их участку, и я пошёл его осматривать. Здесь росли картошка,

капуста, морковь и другие необходимые овощи, чтобы можно было жить без посещения рынка и магазинов.

Мне вспомнился рассказ Петра Павловича, как он первый раз пахал свой огород.

Приехал он в Ерестную с Ольгой Григорьевной в тёплый майский день, привезли с собой картошку для посадки и разные семена. Погода душу радует. Яркое солнце заливает лучами огород и сосны, стоящие у ограды. Людей, выросших в селе, земля к себе тянет. Огород площадью больше двадцати соток зарос сорняками. Лопатой такую площадь быстро не перекопать. Пошёл Петр Павлович к соседям спросить, у кого есть трактор. Соседка ему отвечает:

– У кого есть трактор, не знаю, а вот у лесника добрая лошадь, он многим огороды пашет.

Отправился Пётр Павлович к леснику. Застал его во дворе, одетым в форму с зелеными петлицами, на которых блестели эмблемы – дубовые листья. Выглядел он очень строго и официально. Пётр Павлович даже засомневался: стоит ли ему обращаться со своей просьбой. Приблизившись, поздоровался, представился и изложил свою просьбу. Лесник внимательно выслушал и ответил:

– Сегодня я очень занят, с минуты на минуту ко мне приедет из Новосибирска начальство с проверкой. – Немного подумал и, видя расстроенное выражение лица собеседника,

добавил: – Если умеешь пахать, запрягай коня в телегу, на которой лежит плуг, и езжай сам пахать.

Лесник был уверен, что городской человек, да ещё писатель, обращаться с лошадью не умеет. К его величайшему удивлению, Пётр Павлович согласился. Тогда лесник внимательно посмотрел на него. Перед ним стоял мужчина высокого роста, с широкими плечами и крепкими большими кистями рук. «Такие руки можно развить, только занимаясь физическим трудом», – подумал лесник и уже совсем другим голосом, в котором слышалось уважение к собеседнику, произнёс:

– Хомут лежит в телеге, вся сбруя висит на стене сарая.

Пётр Павлович поблагодарил лесника и отправился к коню, привязанному к изгороди. Его обожгла мысль: «Пахал я в детстве, во время войны колхозное поле, наверное, разучился запрягать лошадь». Конь, почуяв незнакомого человека, встрепенулся и поднял голову. Пётр Павлович смело погладил и похлопал его по шее. Затем отвязал от изгороди уздечку и повел к телеге. Когда взял в руки хомут, у него вновь мелькнула мысль: «Я забыл, как надевать хомут». Его руки заученным в детстве движением развернули хомут, надели через голову коня и развернули на шее. Его разум сомневался, но руки всё делали чётко и правильно. За его действиями внимательно наблюдали лесник и двое его ребятишек. Когда конь был запряжен, лесник услужливо распахнул

ворота, и телега покатила по деревенской улице, подпрыгивая и тарахтя на кочках. Закрывая ворота, лесник произнёс:

– Хотел бы я посмотреть, как будет пахать писатель.

Его ребята выскочили через калитку и побежали к своим друзьям сообщить услышанную новость.

Приехав домой, Пётр Павлович уверенно без посторонних глаз отпряг коня, снял с телеги плуг и подготовился к вспашке огорода.

К нему подошла жена и спросила:

– Петя, ты сам будешь пахать огород?

– А почему нет, разве я мало в детстве перепахал земли?

Она стала наблюдать за мужем. Он уверенно прошёл первую борозду посередине огорода и стал вокруг неё пахать кругами. Конь оказался послушным и привычным к такой работе. За работой наблюдали через низкий забор ребятишки и взрослые сельчане.

Мои воспоминания прервал голос Ольги Григорьевны:

– Альберт Сергеевич, ужин готов, уха сварилась.

Стол, как всегда, у Дедовых ломился от яств. От ухи невозможно было оторваться. Сваренная «по-рыбацки» – из судака и окуней с чешуёй, сдобренная луком и укропом, она издавала аромат, который возбуждал аппетит.

После сытного ужина мы отправились прогуляться по берегу Обского моря и полюбоваться закатом. С высокого берега за голубым простором воды открывалась панорама противоположного берега. Против нас чёрной полосой тянулся хвойный лес, правее светлыми пятнами разбросаны домики нефтебазы и посёлка Красный Яр. Солнце садилось за редкие облака, просвечивая матовым пятном и заливая золотом небосвод. Мы спустились по лестнице к мосткам и уселись на лавочку. Море накатывало на галечную отмель небольшие волны, которые, отступая с отмели, шуршали гальками, убаюкивали, успокаивали и создавали душевное умиротворение. Из загипнотизированного состояния меня вывел голос Ольги Григорьевны:

– Мы часто приходим сюда и на этой лавочке читаем книги.

– А я чуть не уснул под шелест морского прибоя.

– Как громко сказано: «шелест морского прибоя»! – сказал Пётр Павлович. – Пойдёмте домой, слишком много впечатлений за один день.

Спать мы улеглись рано, около десяти часов вечера. У Дедовых очень удобная планировка первого этажа дачи. По одну сторону коридора расположены две комнаты, служащие хозяевам кабинетом и спальней. По другую сторону большая комната – зал, в котором устроили меня. Я

мгновенно провалился в сон, как только голова коснулась подушки.

Утром, как всегда, проснулся рано. Мне не хотелось будить хозяев, и я продолжал лежать в постели и рассматривать стены.

На стенах висело несколько афиш с портретами их сына Сергея Любавина – это его псевдоним. Мне посчастливилось слушать его концерт в Доме культуры железнодорожников. Он обладает уникальным мелодичным голосом, который, видимо, достался ему по наследству. Его мама, Ольга Григорьевна, прекрасно поёт. Мне запомнился интересный момент, происшедший на концерте. Неожиданно на сцену вышел трёхлетний мальчик и начал приплясывать в такт музыки и подпевать. Сергей подошёл к ребёнку и поднёс микрофон, чтобы зрители могли услышать голос мальчика. После антракта Сергей сообщил, что это был его племянник Ваня, а он этого не знал и не взял мальчика на руки. Вся эта сцена была трогательной и запомнилась мне.

Моё внимание привлекла стена комнаты, на которой прибиты два рога молодых лосей и множество веток, которые напоминали ящерицу, змею, крокодила, ворона, дракона и других зверей.

В коридоре послышались шаги, и я, одевшись, вышел во двор. Оказалось, что хозяйка уже давно проснулась и успела купить молоко, творог и сметану. Эти продукты им привозят в определённые дни недели.

Вчера я не успел рассмотреть все постройки на участке и решил обойти его по периметру. Из большого двора можно выйти в две калитки. Одна ведёт на улицу Боровую, вторая – прямым ходом в бор. «Как удобно ходить в лес», – подумал я и направился ко второй калитке. К моему сожалению, она оказалась прочно прикрученной к забору проволокой. Выйти через нее в бор мне не удалось, и я вернулся с вопросом.

– Почему у вас калитка в бор наглухо закрыта? – спросил Ольгу Григорьевну.

– Это целая история, – ответила она.

– Расскажите, время у нас есть.

– Как-то утром пошла я в огород, смотрю, а на моей капусте пасётся деревенский бык. Мало того что лакомится капустой, он ещё истоптал посаженные кабачки и тыквы. Схватила я хворостину – и к нему, он невозмутимо удалился через раскрытую калитку в бор. «Наверное, калитка была не закрыта», – подумала я. Через несколько дней бык вновь оказался в нашем огороде. Посетовав соседке на свою беду, узнала, что этот бык научился рогами открывать калитки и уже побывал во многих огородах. Вот и пришлось калитку закрыть намертво, – закончила она рассказ.

Вскоре к нам подошёл Пётр Павлович, и мы сели за стол завтракать. Свежий творог со сметаной был превосходным, а пирог с чаем ещё лучше.

Пробыл я у Дедовых до обеда. Пётр Павлович был интересным собеседником, интересовался моим творчеством:

– Как будет называться очередная книга?

– «Близкие сердцу».

Я кратко рассказал содержание книги.

– Очень интересная тема, – произнёс он, – обязательно дай мне прочитать, я напишу к ней предисловие.

Покидал я Ерестную, переполненный впечатлениями, с уверенностью, что обязательно ещё приеду в посёлок, где проживают интересные, добрые и близкие мне по духу люди.

Через два часа после возвращения домой услышал телефонный звонок. Звонила Ольга Григорьевна:

– Пётр Павлович скончался.

Для меня остановилось время. Потух маяк, к которому я стремился. В моей памяти он остался таким, каким я его видел в последний день жизни.

По дедовским местам

Дорога песчаной полосой тянулась по Караканскому бору. По сторонам плотной стеной стояли стройные высокие сосны. На востоке над лесом поднималось солнце, озаряя вершины деревьев с правой стороны просеки.

Я спешил в Ерестную к Ольге Григорьевне Дедовой, которая пригласила меня на сбор поспевшей черники.

Ежегодные поездки к Петру Павловичу Дедову на его дачу в деревню Ерестную доставляли мне большое удовольствие. Мы собирали грибы и ягоды, гуляли по окрестностям и обсуждали интересующие нас проблемы. Я всегда делился с ним своими творческими планами. После ухода его из жизни я ежегодно навещаю Ольгу Григорьевну Дедову в Караканском бору. Мы посещаем любимые Петром Павловичем места, вспоминаем события минувших лет.

Остановив машину около первого дома при въезде в поселок, достал сотовый телефон и набрал номер хозяйки дома. В это время открылась калитка в высоком новом заборе и показалась Ольга Григорьевна.

После дружеских приветствий мы вошли во двор и оказались рядом с домиком, в котором многие годы работал Пётр Павлович Дедов.

Вот как он описывал своё жилище в рассказе «Звонкий домик». «Мой дачный домик, слепленный из дощечек и покрытый жестью, настолько звонкий и чуткий, что вечерами слышно, как за окном, на солнечной стороне, столбом толкутся жутко воющие комары.

Я сижу за столом, работаю и по звукам знаю, что творится за стенами моего гулкого домика».

Мне захотелось войти внутрь и посмотреть, в каких условиях жил и писал Пётр Павлович. Дверной проем оказался настолько низким, что мне пришлось пригнуться.

– Как в такую дверь проходил Пётр Павлович при его высоком росте? – удивился я.

– Голове часто доставалось… – ответила Ольга Григорьевна.

Обстановка внутри оказалась спартанской, без изменений за сорок лет с момента приобретения домика. Летом в нём жили Дедовы с двумя сыновьями. В комнате площадью четыре на пять метров стояли кирпичная печь, кухонный стол, диван, у окна – рабочий стол, на котором с одной стороны лежал толстый том Гюго, с другой – стопка журналов «Сибирские огни». В это окно заглядывали к Петру Павловичу лоси, которые, выйдя на кромку бора, интересовались незнакомым им оконным светом.

За этим столом Пётр Павлович работал летом и зимой, создал многие замечательные произведения, в том числе «Чалдония», «Русская доля», «Алый цвет зари» и другие.

Наугад я вынул из стопки один журнал, и в моих руках оказался первый номер за 1976 год. Раскрыв его, увидел повесть Петра Дедова «Берёзовая ёлка». Невольно стал читать абзац на первой странице: «Буря стихла утром

третьего дня. Как ни в чём не бывало любопытствующим оком выглянуло из-за горизонта солнце, словно хотело посмотреть, что здесь натворилось за эти два дня, пока оно не видело землю. Но никаких следов страшной трагедии не оставила степь. Она безмятежно покоилась в розовом сиянии, рябила голубыми сугробами, острые гребни которых лишь чуть-чуть курились позёмкой».

Закрыв журнал, оперся рукой на стол и посмотрел в окно. Мне хотелось увидеть пейзаж, на который многие годы смотрел Пётр Павлович, работая за этим столом. К сожалению, перед окном вырос огромный куст сирени и закрыл обзор. Через просветы между ветками виднелось большое поле усадьбы, за которой стеной стояли деревья Караканского бора. Я вспомнил рассказ Петра Павловича, как он на лошади, запряжённой в плуг, пахал это поле для посадки картошки. Мои размышления прервала Ольга Григорьевна:

– Пойдёмте завтракать.

– Скажите, пожалуйста, как вы размещались в такой маленькой избушке вчетвером?

– Очень просто. Детям было семь и двенадцать лет, когда мы купили домик. Весь день проводили на свежем воздухе – в лесу и на берегу Обского моря. Рыбачили, собирали грибы и ягоды, питались в летней кухне, а на ночь детей укладывали на полу за печью.

Сегодня Ольга Григорьевна проживает в прекрасном трёхкомнатном особняке с мансардой. Дом стоит на самой кромке бора. Несколько берёз оказались на участке и создают комфортные условия для отдыха в тени развесистых крон. Этот дом построили для родителей сыновья Саша и Сергей.

За завтраком я спросил Ольгу Григорьевну:

– Как вы оказались в Ерестной?

– Пётр Павлович любил работать в тиши и одиночестве. В семидесятые годы прошлого века Союз писателей постоянно давал ему путевки в Дома творчества. Мы с ним несколько раз побывали в известном на всю страну Доме творчества писателей в Переделкино. Он трудился, а я создавала условия для его творчества. От работы отвлекали встречи с известными писателями того времени. Одного месяца в году для творчества недостаточно, и мы решили купить домик вдали от городского шума и суеты.

– Почему выбор пал на Ерестную?

– Зашла как-то я к приятельнице по работе в школе и вижу, стоит ведро с брусникой. «Где купили бруснику?» – спросила. «Я не покупала, набрала в бору», – ответила она и стала рассказывать про Ерестную. Её рассказы о рыбалке, охоте, сборе ягод и грибов я передала Петру Павловичу. Он загорелся

желанием посмотреть этот чудесный уголок природы.

Через несколько дней мы сели на пароход, отходящий из Новосибирска в Камень-на-Оби. Нам хотелось посмотреть шлюзование через плотину новосибирской ГЭС и проплыть по Обскому водохранилищу. Пароход несколько раз пересекал водохранилище, приставая у всех посёлков, расположенных на правом и левом берегах. В Ерестной он причалил к отмели только утром на следующий день.

С отмели нам пришлось подниматься по крутой тропе на высокий берег, на котором между водохранилищем и лесом двумя улицами вытянулся поселок.

Мы оказались в знакомой с детства обстановке. По тихой безлюдной улице бродили куры, где-то мычала корова. В посёлке продавался один-единственный дом с покосившимся забором. Чувствовалось, что в доме не было мужчины. Хозяйка приветливо встретила нас. Показала дом, постройки и повела в огород. По дороге рассказала причину продажи: «Дети живут в Новосибирске, дочь родила мальчика, зовёт к себе нянчить внука».

Огород площадью более двадцати соток был засажен не только картошкой и овощами. Здесь росли дыни и арбузы.

«Я не думал, что вблизи Новосибирска могут расти бахчевые культуры, – удивился

Пётр Павлович. – У нас в Кулунде не в каждом районе растут арбузы». – «Здесь микроклимат позволяет выращивать даже фрукты», – ответила хозяйка.

«Мне нравится усадьба, – обратился Пётр Павлович к супруге. – Какое твоё мнение?» – «У нас нет выбора, если тебе нравится, будем покупать».

«Мы не взяли с собой деньги, – сказал Пётр Павлович хозяйке, – через неделю приедем оформлять покупку».

В Ерестную с Дедовыми поехали мама Ольги Григорьевны, которая имела деньги на покупку дома, и Юрий Владимирович Чернов, который загорелся желанием купить дом. Журналисты в то время не были богатыми людьми.

Машина остановилась около магазина. Ольга Григорьевна увидела на столбе объявление и вслух прочитала: «Продаётся дом по улице Боровая номер два».

«Это не тот дом, который мы смотрели», – сказал Пётр Павлович. «Тот дом мы смотрели, посмотрим другой и сделаем выбор».

Её поддержал Чернов.

Небольшой домик стоял на краю посёлка за покосившимся забором, вдали от проезжей дороги. Его окно смотрело в сторону бора, вплотную примыкающего к усадьбе. Такое уединенное место и искал Пётр Павлович. Оно ему сразу понравилось, и он произнёс: «Покупаем этот домик».

Дедовы приобрели приглянувшуюся усадьбу, а Юрий Владимирович купил дом на другом конце улицы.

Так в Ерестной появились два писателя. Пётр Павлович часто шутил: «Если в посёлке надо найти писателя, ищи дом с покосившимся забором».

Летом семья Дедовых наслаждалась деревенской жизнью. Каждый нашёл себе любимое занятие. Пётр Павлович работал над очередной книгой. Дети пропадали на рыбалке. Ольга Григорьевна хлопотала по хозяйству. Вечерами все вместе гуляли, изучая окрестности.

В посёлке только двое жителей держали коров. Дедовы договорились с Евдокией Павловной Лариковой ежедневно покупать у неё молоко. Когда подошло время сенокоса, Евдокия Павловна заявила: «Если Пётр Павлович не поможет мне накосить сена, я не буду продавать вам молоко».

Пришлось Петру Павловичу отложить работу над рукописью и выйти на сенокос. В военные годы он освоил не одну сельскую профессию. Для деревенского мальчишки пахать и косить было обыденным делом.

Жители с удивлением смотрели на писателя, плавно в раскачку передвигающего по лугу. Его высокий рост позволял захватить полосу в несколько метров. Валки травы ровными рядами ложились на поле. Как только Пётр Павлович услышал шипение косы, срезающей буйную траву, и в нос ударил знакомый запах сенокоса, он забыл обо всём. Ему доставляло радость вновь прикоснуться к истинно крестьянскому труду.

Зимой посёлок пустел, дачники уезжали, оставалось несколько десятков человек местных жителей. Магазин не работал. Дедовы набивали рюкзаки продуктами, на автобусе доезжали до Красного Яра и пешком шли по льду Обского водохранилища. Средняя ширина водохранилища десять километров. В районе Ерестной значительно шире. Жили в домике, пока не кончатся продукты.

Ежедневно ходили на лыжах в лес. Забирались в глухие места. Там кипела своя жизнь. Дятел отбивал морзянку, выискивая корм в поврежденных вредителями деревьях, веселые синички порхали на берёзах. Иногда из-под снега с шумом взлетал заспавшийся глухарь, пугая лыжников. Однажды им дорогу на просеке перегородили три лося: рогач, корова и тогуш. Они стояли и смотрели на незнакомых им существ.

«Петя, лоси!» – произнесла Ольга Григорьевна. «Вижу», – шёпотом ответил он, боясь спугнуть редкое зрелище. «Они нас не тронут?» – «Не думаю».

«Уходите с дороги!» – громко закричала Ольга Григорьевна.

Звери на махах побежали в лес, высоко поднимая ноги в глубоком снегу.

Возвращались Дедовы в город тем же путём. Через несколько дней вновь приезжали в Ерестную.

В февральский тёплый день они вышли из рейсового автобуса в Красном Яре. Пётр Павлович привязал рюкзаки к детским санкам и зашагал по накатанному рыбаками спуску около нефтебазы на лёд. Ольга

Григорьевна последовала за ним. В пасмурную погоду противоположный берег плохо просматривался, но это их не смущало. Они не первый раз переходили водохранилище. Постепенно потянула позёмка. Сильный ветер срывал снег с наносов и гнал по льду. Ручейки снега змеями извивались между снежными наносами, постепенно превратились в единый снежный поток. Снежная река залила людей по пояс. Со стороны можно было бы подумать, что по снежной равнине двигаются бюсты людей. Ветер усилился, снег посыпал сверху, стало тяжело держаться на ногах. Над водохранилищем разыгралась буря, скрыв в своих объятьях людей.

«Петя! Я тебя не вижу!» – во весь голос закричала Ольга Григорьевна, отставшая от санок. «Иди на мой голос!»

Подойдя вплотную к мужу, она ухватилась за верёвку санок не для того, чтобы помогать везти груз, а для того, чтобы не унесло бурей. Пётр Павлович продолжал шагать вперед, отворачивая лицо от ветра. «Мы не заблудимся?» – спросила Ольга Григорьевна. «Ветер дует вдоль моря, надо идти, чтобы он дул нам в правый бок».

Путь казался бесконечным. Несмотря на усталость, она не просила мужа остановиться и отдохнуть. Только когда внезапно через снежную пелену показался темной полосой высокий берег, сказала: «Давай отдохнём».

Через час после моего приезда в Ерестную в текущем году к Ольге Григорьевне пришёл старый знакомый – местный житель Сергей, который поехал с нами

проводником – показывать ягодные места. Мы объезжали бор по хорошо знакомым ему просекам, останавливались на буграх, заросших черничником, но урожая ягод не находили. Повсюду попадались выруба, на делянах лежали кучи веток и вершины спиленных деревьев.

– Почему после рубки леса отходы не сжигают? – спросил я Сергея.

– Лесников сократили, рубка леса ведётся без контроля.

Мы проехали не один десяток километров. Я внимательно смотрел по сторонам, пытаясь увидеть старожилов этих мест – лосей. Но тщетно. Тогда спросил Сергея:

– Лоси в бору сохранились?

– Бесконтрольный отстрел зверей привёл к тому, что уже несколько лет не удается увидеть даже их следов.

Мне стало грустно. Вспомнились рассказы Петра Павловича, который почти при каждом выходе в лес встречал и любовался лесными исполинами.

На следующий день наш путь лежал по опушке смешенного леса. Этим маршрутом часто ходили Дедовы. Стройные сосны и березы наперегонки тянулись к небу. На поляне, залитой солнцем, Ольга Григорьевна остановилась, задумалась и стала рассказывать:

– Сорок лет назад на этой поляне стояли берёзовые пни. Приходит как-то осенью Петр Павлович после прогулки и спрашивает: «Грибов надо?» – «Конечно». – «Собирайся, пойдём за опятами».

Приводит меня на эту поляну и говорит: «Ищи».

Обвела поляну взором, прошла по ней, никаких грибов не вижу. У меня на родине в Кулунде грибы не растут. Я не знала, как и где их надо искать. «Нет здесь грибов, – говорю ему с обидой, – оторвал от нужных дел». Он стоит и улыбается: «Ищи лучше».

Посмотрела на ближайший пень и вижу: из-под травы выглядывает опёнок. Присела, а там целая семья молодых опят, ножки толще шляпки. Пётр Павлович нашёл их во время прогулки и прикрыл травой. Этот урок пошёл мне на пользу. Грибы собирать мы оба любили.

Вот как Пётр Павлович описывает в повести «Русская доля» сбор грибов. «Идём с ней по лесу, несём на палке корзину грибов – не успеваю пот смахивать со лба, а ей крайне надо остановиться, разложить грибы так, чтобы налитые винным цветом боровики красиво перемежевались с красноголовиками подосиновиками, а поверх всего – ещё спелая гроздь калины, и (ну как же без них-то!) три красных кленовых листа, похожих на гусиные лапки, и три сосновых шишки, напоминающих взъерошенных воробьёв».

Пётр Павлович любил подбирать в лесу причудливые ветки, напоминающие каких-нибудь животных, и развешивать их на стене. В комнате, в которой мне не раз приходилось ночевать, на стене висят рога лося, ветки, похожие на змей, черепах, птиц и других животных.

Незаметно мы подошли к водохранилищу и повернули по водозащитной полосе к лестнице, чтобы

спуститься вниз и посидеть у воды на лавочке, на которой часто сидели Дедовы, а Ольга Григорьевна читала вслух мужу его любимые произведения Бунина.

Вдоль побережья тянулись заборы частных дач. Когда мы подошли к спуску, были обескуражены. На лестнице стояла металлическая калитка, закрытая на замок, и висело объявление: «Частная собственность». Рядом с калиткой на отвесной скале росла сосна, воспетая Дедовым:

В каком-то стремительном дерзком порыве
Застыла сосна на краю у обрыва.
Как жилы рук, напрягая коренья,
Готовая рухнуть в любое мгновенье.

Внизу спокойно раскинулось море, на противоположном берегу с трудом просматривались пятна построек посёлка Красный Яр. Спуститься к воде и посидеть на лавочке нам не удалось.

Прежде чем покинуть Ерестную, мы заехал к Юрию Владимировичу Чернову, которого связывала с Петром Павловичем совместная работа и писательская судьба. Они часто встречались, спорили и обсуждали современную литературу.

Уезжая из поселка, я надеялся посетить ещё не раз этот благодатный уголок природы, в котором проживают близкие и дорогие мне люди.

Воспоминание

В жизни каждого человека происходит множество событий. Многие стираются из памяти, как мел с ученической доски, и никогда не вспоминаются. Некоторые появляются во снах, вспоминаются в минуты раздумий и тревожат до глубокой старости. Есть такие события и у Алексея, которые приносят смутное беспокойство и чувство сожаления за свои несовершенные поступки.

Он вспоминает Тихий океан, походы на пароходе с однокашниками вдоль дальневосточного побережья, мигание маяков на оконечностях мысов, мерцание звезд на небосводе. Вспоминает товарищей-курсантов, с которыми спал на подвесных койках в кубрике, ходил в увольнение, на танцплощадки, делился сокровенными мыслями. В памяти всплывают их лица, голоса и даже некоторые разговоры. То время давно ушло, списаны и переданы на металлолом пароходы и корабли, на которых довелось ему служить. Уже давно нет в живых многих его сокурсников. Он чувствует себя умершим в том времени.

Иногда становится томно на сердце, хочется поехать во Владивосток, увидеть огни кораблей, стоящих у причала в бухте Золотой Рог, пройти по брусчатке улиц портового города вдоль знакомых старинных зданий, разыскать однокашников, которые ещё живут в городе, а

может быть, удастся встретиться с той, воспоминание о которой не даёт ему покоя.

С Валей Жуковой он познакомился, обучаясь на последнем курсе училища. На празднование Восьмого Марта в училище были приглашены студентки педагогического института. Многие курсанты дружили с девушками по нескольку лет и планировали пожениться после присвоения звания офицера. Алексей считал, что жениться после окончания училища рано, надо сначала добиться успехов по службе, завоевать авторитет на корабле. Он не был карьеристом, но считал, что для молодого офицера на первом месте должна стоять служба. Его друг, Андрей Плотников, уже женился и теперь терзался мыслями, что делать: на какой флот распределяться, брать с собой жену или решить сначала квартирный вопрос по месту службы. У Алексея таких проблем не было. Может быть, потому, что ещё не встретил девушку своей мечты. На праздничный концерт он не торопился. Когда пришел в клуб, уже начались танцы. Звучал духовой оркестр, царила праздничная атмосфера. По залу мелькали курсантские формы с якорями на плечах и галочками на рукавах, обозначающими курс обучения. У дверей стояли группами курсанты, обсуждали и выбирали девушек, сидящих на стульях вдоль стен, для приглашения на следующий танец. Алексей подошёл к своим однокурсникам и спросил:

– Давно начался танец?

– Скоро закончится, – ответили ему.

Он не нашёл среди сидящих на стульях девушек ту, которую захотелось бы пригласить на танец, продолжал стоять у дверей, рассматривая проплывающие мимо пары в медленном танго. Ему приглянулась смуглая девушка с греческим профилем, чёрными волосами, коротко подстриженными сзади, из-под которых выглядывала лебединая шея. Она танцевала с курсантом второго курса. Алексей не сводил глаз с этой пары, изучая красивый стан и стройные ноги партнёрши. Когда смолк оркестр, курсант отвел девушку к стульям, поклонился и удалился. «Значит, они не близкие знакомые, – подумал Алексей, – иначе он бы остался около неё в ожидании следующего танца».

Как только загремел оркестр, исполняя вальс «Амурские волны», Алексей быстрым шагом пересёк зал и, подойдя к понравившейся ему незнакомке, встал перед ней по стойке смирно, поклонился одним движением головы и произнёс:

– Разрешите пригласить вас на танец!

Она молча, поспешно встала, положила одну руку на его ладонь, вторую – на плечо, и они закружились в музыке вальса. Танцевать с ней было легко, ее откинутый назад корпус повиновался любому его движению.

– Почему я раньше никогда не видел вас в нашем клубе? – спросил Алексей.

– Потому что впервые здесь танцую.

– Вы учитесь в пединституте?

– Я работаю.

– В какой школе вы работаете?

Алексей не сомневался, что она пришла с подругами по институту.

– Разве к вам на танцы приходят только будущие учителя? – вместо ответа спросила она.

– Извините, – смущённо произнёс Алексей, – вы очень похожи на строгую учительницу.

– Спасибо за комплемент, но я никакая не строгая.

– Тогда скажите, где вы учились?

– Я окончила строительный техникум и работаю мастером на заводе железобетонных конструкций.

– Вот я и узнал всю вашу биографию, осталось только познакомиться.

– Меня звать Валей, а вас?

– Алексей, – представился курсант.

Музыка смолкла, Алексей проводил Валю к её месту и спросил:

– Можно я приглашу вас на следующий танец?

– Конечно, – ответила она.

Когда оркестр заиграл, курсант-второкурсник первым оказался около Вали, но быстро отошёл в сторону. Видимо, она ему сказала, что уже приглашена на танец. После второго танца Алексей не покидал партнершу, а стоял рядом, и они оживленно разговаривали. В тот вечер он

узнал, что она приехала по распределению из Челябинска, живёт в общежитии пединститута и пришла на танцы с подругами. Он рассказал, что скоро начнутся государственные экзамены, после которых ему предстоит отправиться к месту службы на корабле.

После первой встречи они встречались дважды. Последний раз – на выпускном бале в училище. На бывших курсантах, произведённых в офицеры, блестели золотом погоны лейтенантов, нашивки и якоря на куртках. Их трудно было узнать. Алексей в парадном костюме, с кортиком на поясе сиял как новая монета, был весел и разговорчив. Ему не удавалось скрыть своих чувств радости, которые передались Валентине. Она поздравила его с окончанием учебы, была рада и счастлива вместе с ним, словно воинское звание было присвоено и ей.

После окончания танцев Алексей пошёл провожать Валю. Транспорт уже не ходил, и они шли пешком. На следующий день молодой лейтенант уезжал в отпуск, а затем – к месту службы на Камчатку. Он чувствовал, что надо что-то сказать на прощание. Но что? Она ему нравилась, но любовь между ними ещё не возникла. За три встречи трудно узнать человека. Поэтому объяснение в любви отпадало. Предложить дружбу? Но какая может быть дружба между людьми, живущими за тысячу миль друг от друга? Так думал Алексей,

остановившись около подъезда общежития. Из задумчивости его вывел голос спутницы:

– Я очень проголодалась, зайдём ко мне, я угощу тебя оладьями, а потом ещё погуляем по ночному городу.

Валя жила в комнате с подругой, которая уже улеглась в постель. Алексею пришлось подождать за дверью, пока та оденется. Девушки поставили на электрическую плитку чайник, на стол – стаканы, сахар и тарелку со стряпнёй, испеченной днём. Оладьи оказались пресными, невкусными и с закалом. Он вспомнил, какими вкусными оладьями кормила его в детстве бабушка, с трудом съел одну и произнёс:

– Спасибо, очень вкусно, подкрепляйтесь и пойдем гулять.

После ночной прогулки, проводив Валю до подъезда, он не сделал ей никаких предложений, хотя чувствовал, что она их ждала от него.

Прошло несколько месяцев. Алексей служил на боевом корабле, большая часть времени проходила в морских походах. Неожиданно ему пришло письмо от Вали. Он удивился: как ей удалось найти его адрес? Ещё больше был удивлен, когда прочитал письмо с её признанием в любви и четверостишием в конце. Несколько дней до мельчайших подробностей анализировал все их встречи. Танцы под духовой оркестр и прогулка по ночному городу вызывали приятные воспоминания, но когда память останавливалась

на клеклых оладьях, возникало чувство отторжения всего, что вспоминалось хорошего. Он долго откладывал ответ на письмо, а во время длительного морского похода содержание сгладила память, и он не ответил. Вот теперь, через многие десятилетия, его память часто напоминает о годах далёкой юности.

Билет в юность

Полярное солнце яркими лучами заливало просторы Енисея. На высоком берегу Игарской протоки стоял стройный мужчина. Седые усы и борода говорили о его преклонном возрасте. Его одежда выдавала в нем приезжего человека. Глаза и лицо выражали удивление, грусть и печаль. Его взгляд был направлен вдоль пустынной протоки, по которой медленно двигалась единственная рыбацкая лодка.

Полвека тому назад здесь кипела жизнь. У причала Игарского лесопильно-перевалочного комбината и на рейде стояли десятки океанских лесовозов под флагами разных стран мира. Плавучие краны немецкой фирмы «Ганз» как пушинки поднимали в воздух пятикубовые пакеты досок и опускали в трюмы судов.

Эти воспоминания напомнили мужчине его молодость. Несколько десятилетий он собирался приехать в край, где начиналась его трудовая

деятельность, хотел увидеть близкий сердцу заполярный город, пройти по его деревянным улицам, посмотреть на дома, построенные с его участием. И вот он приехал. Сердце тревожно билось, появилась душевная тоска по несостоявшейся мечте, глаза подернула влажная пленка. К горлу подкатил комок. «Наверное, зря я сюда приехал, – подумал мужчина, – надо было оставить в памяти события такими, какими видел их полвека назад».

Он перевел взгляд на берег, заросший молодым лиственным лесом. Здесь когда-то стояло красивое двухэтажное здание Интерклуба, звучала музыка, моряки отдыхали в ресторане и в танцевальном зале. В памяти вспыхнул новогодний праздник. Подводились итоги трудового года. Комбинат отправил на экспорт более одного миллиона кубометров пиломатериалов. Под звуки фанфар победителям социалистического соревнования и передовикам производства вручались почетные грамоты и ценные подарки. Директор комбината Филипп Григорьевич Долинин зачитал поздравительное письмо министерства, в котором говорилось, что их труд приближает построение коммунизма в стране. В зале царила торжественная обстановка. Каждый верил и чувствовал себя причастным к осуществлению замечательной мечты.

Мужчина мысленно перенёсся в обстановку полувековой давности. На миг на сердце появилось

радостное чувство воспоминаний замечательного периода жизни в Игарке. Национальная идея построения счастливого будущего помогала преодолевать любые преграды и трудности, переносить любые лишения. Лесокомбинат развивался. Строился новый лесозавод, возводился причал для морских судов, росли жилые дома и общественные здания. В город приезжали поэты и композиторы. Создавались песни о городе-труженике. Теперь приезжий всего этого не видел. Город исчез, тысячи людей его покинули. «Как и почему это произошло? – думал он. – Комбинат, приносивший стране валюту, прекратил существование и полностью сгорел. С тяжёлым чувством на душе он направился по бетонной дороге к центру бывшего города. Раньше по обе стороны дороги стояли двухэтажные деревянные дома с высокими крыльцами. Теперь на их месте росли деревья. Ему удалось разглядеть среди кустов ивы ржавые трубы бывших теплотрасс, которые прокладывались в деревянных коробах по поверхности земли. От досок не осталось следа – сгорели или сгнили. «Здесь даже трубы для сдачи в металлолом никому не нужны», – подумал приезжий. Мужчина остановился на перекрестке дорог. Его окружал лес, ни единого строения. Раньше справа стояли двухэтажные здания горкома партии и горисполкома. Ему как депутату горсовета часто доводилось в них бывать и выступать с докладами по строительству нового

каменного города. Он помнил фамилии руководителей города, а вот имена стерлись из памяти. Вспомнился забавный случай, произошедший на заседании горкома партии. Начальник городского управления коммунального хозяйства Барановский отчитывался о работе управления. Недостатков в работе было много, еще больше было к нему вопросов. Вместо того чтобы молчать, соглашаться с критикой и говорить, что исправит положение дел, он вступал в дебаты. Это не понравилось секретарю горкома партии Радаеву, и он внес предложение:

– Предлагаю Бароновского исключить из партии за развал работы.

По залу пошел шумок.

– Кто за? – продолжал секретарь горкома.

Зал притих. В тишине раздался громкий голос Барановского:

– Дайте мне последнее слово.

Во всех концах зала раздались голоса:

– Дать слово, дать…

Присутствующие обрадовались, что голосование откладывается.

– Что вы еще желаете сказать? – грубо спросил Радаев.

– Дорогие товарищи, – начал речь Барановский, – вы сначала примите меня в партию, а потом исключайте.

По залу покатился веселый шум.

Барановский еще много лет работал на своей должности.

В памяти мужчины проносились одна за другой сцены из прошлой жизни. Вспомнилось вступление в коммунистическую партию. Он работал прорабом на строительстве производственных объектов. Его всегда приглашали на открытые партийные собрания. Руководящая роль партии чувствовалась во всем. Его жизненная позиция совпадала с задачами партии, была духовная потребность вступления в партию, но считал себя еще недостойным для вступления в ее ряды. Однажды вызывает его начальник управления «Игарстрой» Енин и спрашивает:

– Хочешь занять должность начальника участка?

– Какой солдат не хочет стать генералом!

– В управлении появилась новая должность, я пошел в горком партии согласовывать твою кандидатуру. Мне ответили, что такую должность не может занимать не член партии.

– Меня вполне устраивает должность прораба.

Енин положил на стол лист бумаги, подвинул его к посетителю и заявил:

– Вот тебе моя рекомендация на вступление в партию, подавай заявление в партком.

Эти воспоминания мгновенно пронеслись в памяти, и мужчина повернулся в сторону, где стоял кинотеатр. Здания не увидел. В шестидесятые годы прошлого века он там часто смотрел кино. На

большом крыльце всегда толпилась молодежь. Его восьмилетний сын Саша уже самостоятельно ходил в кино. В те годы не существовало опасности отпускать ребенка из дома одного. Вспомнился случай. В кинотеатре показывалось детское кино, Саша обратился к маме:

– Мама поедем в кино, в классе уже все ребята его посмотрели!

– Я не могу оставить одного дома маленького Диму.

– Можно, я поеду в кино один?

– Езжай.

Семья жила в старом городе, недалеко от лесокомбината, а кинотеатр находился в новом деревянном городе, который находился в трех километрах от старого. Их разделял трехкилометровый участок лесотундры. Наташа надела на сына цигейковую шубу, шапку-ушанку, подняла воротник, завязала шерстяным шарфом и напутствовала:

– Не обморозь нос, на улице тридцать градусов мороза. Если будет мерзнуть – закрой шарфом.

– Хорошо, – ответил Саша и вышел из дома.

Остановка автобуса находилась против дома, следующая – у кинотеатра. Наташа дождалась у окна посадки сына в автобус и занялась своими делами. Беспокойства за сына она не испытывала, он не первый раз ездил в кино самостоятельно или с ребятами.

Вернувшись из кино, Саша переминался с ноги на ногу и попросил скорее его раздеть. Оказавшись без шубы, побежал в туалет.

– Саша, почему ты не сходил в туалет в кинотеатре?

– В кинотеатре я не хотел, автобуса долго не было, и я захотел на остановке. Решил, что пешком быстрее доберусь до дама и побежал по дороге. Автобус догнал меня на полпути. Водитель остановил машину и предложил меня подвести.

Неожиданно на дороге появился мужчина и отвлек приезжего от воспоминаний. Это был первый человек, который встретился в покинутом городе.

– Добрый день, – обратился к нему приезжий.

– Здравствуйте.

– Скажите, пожалуйста, что случилось? Где старый город?

– Частично дома сгорели, частично разрушились.

– Как это случилось?

– После перестройки лесокомбинат обанкротился, лесозаводы остановились, люди потеряли работу, бросили свое жилье и уехали на материк. Оставшиеся жители живут в каменных домах микрорайона, построенного в стороне от старого города.

– Сколько жителей осталось?

– Около пяти тысяч, а когда-то достигало двадцати.

– Чем люди занимаются?

– Остались здесь в основном пенсионеры, которым некуда ехать на материке, охотники и рыбаки, по совместительству браконьеры.

– Городская администрация где находится?

– Нет у нас городской администрации. Город краевого подчинения превратился в поселок, подчиняющийся Туруханской районной администрации.

От полученных сведений у приезжего заболела голова, он почувствовал себя больным и обманутым. Поблагодарив собеседника, медленно пошел к пристани.

Опалённые перестройкой

На остановке «Улица Гоголя» сидел мальчик лет шести. Автобусы подходили один за другим. Пассажиры уезжали и приезжали, а он продолжал сидеть на лавочке и встречал взглядом всех женщин, проходящих мимо. Зинаида Семёновна, стоящая на остановке, обратила внимание на одинокого мальчика с печальным и тревожным взглядом. Возвращаясь с покупками с базара, посмотрела на остановку – мальчик сидел на месте. Она перешла дорогу и подошла к ребенку.

– Ты какой автобус ждёшь?

Ответа не последовало.

– Ты кого-нибудь ждёшь?

– Маму.

– Почему она долго не приходит?

– Придёт.

Разговор не клеился, и Зинаида Семёновна ушла домой. По дороге она подумала: «Может, надо было его пригласить домой и помочь через милицию отыскать его мать». Эта мысль промелькнула и не вызвала сострадания. «Зачем лишни хлопоты», – решила она.

Наступил вечер, автобусы перестали ходить, исчезли пешеходы, на небе высыпали звезды. Душу Славы переполнила тревога, он готов был заплакать. В это время по тротуару проходил мужчина. Заметив ребёнка, сел рядом на скамейку. Его лицо было давно небритое. Старенький костюм помят, на голове шляпа.

Слава не испугался. Его больше беспокоила наступившая ночь и одиночество. Он потерял надежду на возвращение мамы.

Мужчина посмотрел на лицо мальчика, оценил ситуацию и, как будто они были знакомы, спросил:

– Давно ждёшь?

– Давно.

– Не пришёл?

– Мама не пришла.

– Где думаешь ночевать?

– Не знаю.

– Пойдём ко мне, хоромы не обещаю, спать будешь в тепле.

Они пошли по улице Семьи Шамшиных, пересекли железную дорогу и остановились около девятиэтажного дома. Мужчина развернул

металлический лист, прибитый одним дюбелем, на окошке в подвал и спустился вниз.

– Спускайся задом, я тебя придержу, – раздался его голос.

В подвале стояла темнота. Мужчина чиркнул спичку, нашёл спрятанную свечу и зажёг. Слабое пламя осветило трубы, проложенные вдоль стены, бетонный пол, залитый тонким слоем воды.

– Следуй за мной, – послышался глухой голос.

Они шли по длинному коридору, поперёк которого стояли бетонные стены. В одном отсеке на полу лежали две двери с матрасами на них.

– Вот это мои апартаменты, чем богат, тем и рад. Давай знакомиться. Меня зовут Семён Семёнович.

– Слава.

– Вот и прекрасно. Наши имена начинаются на одну букву. Значит, у нас есть что-то общее. Есть хочешь?

– Хочу.

Семён Семёнович достал из коробки, стоящей в углу, полбулки чёрствого хлеба, алюминиевую ложку и банку просроченных рыбных консервов. Открыл банку перочинным ножом, поставил перед Славой.

– Ешь! Это всё, чем я могу тебя попотчевать.

Семён Семёнович работал конструктором на крупном заводе. Перестройка сделала продукцию, выпускаемую заводом, никому не нужной. Началась приватизация и распродажа цехов, сокращение специалистов. Он оказался без работы, вынужден был продать подержанную автомашину и дачный домик. Когда кончились деньги, начались конфликты с

женой. В конце концов, оказался на улице. Жил за счёт временных заработков грузчиком.

Слава вытер корочкой хлеба остатки в консервной банке и попросил пить. Семён Семёнович подал бутылку с водой и предложил:

– Давай будем спать, утро вечера мудренее, ты расскажешь мне свои проблемы, и будем вместе их решать.

Слава спал плохо. Ему было непривычно спать в одежде и без одеяла. Он часто просыпался и думал о маме.

Утром чуть свет Семён Семёнович разбудил Славу, который успел разоспаться. Они умылись водой из бутылки и сели завтракать теми же консервами.

– Скажи мне, дружок, как ты оказался на автобусной остановке?

– Меня оставила мама. Она сказала: «Я схожу к тёте Вере, договорюсь пожить у неё некоторое время и вернусь за тобой».

– Где живёт тётя Вера?

– Не знаю.

– Где вы жили раньше?

– У тёти Кати.

– Адрес тёти Кати знаешь?

– Не знаю.

–Где жили до тёти Кати?

– У себя дома.

– Свой-то адрес, надеюсь, ты знаешь?

– Знаю.

Семён Семёнович почувствовал, что в семье мальчика произошла трагедия. Ему захотелось в ней разобраться и помочь ребенку.

– Мой юный, друг, сегодня я отведу тебя на остановку автобуса, будешь ждать маму. Вечером приду за тобой. Если мама не придёт, будем её искать.

Слава согласился. Он и сам решил идти и ждать маму. Мама никогда его не обманывала. Значит должна прийти в назначенное место.

Вечером Семён Семёнович застал Славу на лавочке с опущенной головой. У него защемило сердце, ему стало жаль ребёнка.

– Пойдём в мои пенаты, – обратился он к Славе. – Сюда, видимо, мама не придёт. Завтра вместе начнём искать твою маму.

В подвале стоял полумрак. Свет включался на лестничной площадке, а дверь в подвал была закрыта снаружи на замок. Чтобы скоротать время и отвлечь Славу от грустных дум, Семён Семёнович рассказывал ему истории из своего детства. Этим завоевал уважение и доверие мальчика.

Они шли по знакомой улице, свернули во двор дома, в котором недавно жил Слава. На детской площадке играли его сверстники. Они подбежали к приятелю и начали серьёзный детский разговор. Семён Семёнович послушал несколько минут их беседу и сказал:

– Слава, оставайся с ребятами, а я схожу в твою квартиру.

Поднимаясь в лифте на пятый этаж, он надеялся узнать у новых хозяев квартиры место проживания

бывшей владелицы квартиры или хотя бы номер её телефона.

На звонок дверь открыл молодой мужчина крепкого телосложения с наколками на руках. Взглянув на небритого посетителя, грубо произнёс:

– Чего надо?!

– Я хотел узнать Савельевой…

Не успел Семён Семёнович закончить фразу, как услышал:

– Пошёл вон! Чтобы я тебя близко здесь не видел!

Мужчина распахнул дверь с намерением выйти на лестничную площадку. Семён Семёнович оценил обстановку и быстро ретировался по лестнице.

У подъезда на лавочке сидели две бабушки. Семён присел рядом, чтобы перевести дух после быстрой ходьбы.

– Вы к кому ходили, мил человек? – спросила одна старушка.

– К Савельевой.

– Так она у нас давно не живёт.

– Вы не скажете её новый адрес?

– К сожалению, не знаю. Она ни кому из соседей его не оставила.

– Почему она поменяла квартиру?

Старушки обрадовались, что есть кому рассказать о событиях, которые в своё время всполошили всех жителей дома. Они начали рассказывать, перебивая и дополняя друг друга. Складывалась невесёлая картина.

Семья Савельевых из трёх человек жила в двухкомнатной квартире. Достаток семьи позволял

жить скромно и достойно, без излишков. Мечтали купить автомобиль, но очередь на заводе, где работал глава семьи, продвигалась медленно.

Наступила перестройка, деньги накопленные на машину, пропали. Появились частные банки, фирмы, конторы, кредитные организации. По телевидению постоянно звучали призывы брать кредиты, жить как на западе, а не копить деньги на покупку дорогой вещи. Савельевы взяли кредит на покупку автомашины под залог квартиры. Они были счастливы. Ездили на Обское море отдыхать и рыбачить, в лес за грибами. Их радость длилась недолго. Однажды вечером Леонид – отец Славы – вышел на улицу купить сигарет. Около магазина завязалась перестрелка между двумя бандитскими группировками. Шальная пуля смертельно ранила Леонида.

Вскоре после похорон мужа к Татьяне пришли кредиторы и потребовали вернуть деньги.

– У нас договор заключён на пять лет, – заявила Савельева, – за этот срок я выплачу кредит.

– Договор заключён не с вами, а должника нет в живых.

– Я вступлю в наследство и буду выплачивать оговорённые суммы.

– Нам нужны деньги сейчас, придётся забрать машину.

– Забирайте, я водить не умею, мне она не нужна.

Татьяна в расстроенных чувствах не потребовала документально оформить передачу машины, за что

была жестоко наказана. Вскоре к ней пришла группа крепких парней в кожаных куртках, представившихся коллекторами, и потребовала вернуть деньги по кредиту или освободить квартиру. Участковый и суд не смогли ей помочь. Она с ребёнком оказалась на улице.

Выслушав старушек, Семён Семёнович произнес:

– Грустная и печальная история.

– У нас таких историй хоть пруд пруди, – начала рассказывать худенькая старушка с седой головой, как у одуванчика: – По квартирам постоянно ходят голодные дети, поросят поесть. Появились беспризорники, как после войны. Кому нужна такая перестройка! Приходят как-то вечером к нам в подъезд два мальчика и просятся переночевать. Народ стал какой-то чёрствый к чужой беде, не пускают, вот Лиля Петровна со второго этажа пустила. Она женщина компанейская, любит выпить. Накормила ребят, сама выпила. Затем уложила гостей спать и сама заснула мертвецким сном. Утром проснулась – ни ребят в доме, ни мебели.

Бабушка хотела рассказать ещё какую-то историю, но Семён Семёнович перебил её:

– Спасибо за рассказ, мне пора идти.

Он крикнул Славу, взял за руку, и они пошли со двора под арку между домами. Каждый чувствовал, что их связывает какая-то невидимая нить, что они нужны друг другу. Первым заговорил Слава:

– Дядя Семён, узнали, где мама?

– Не узнал, будем искать через милицию.

Дежурный удивлённо посмотрел на небритое лицо подателя заявления и понял, к какой категории людей он относится. Такие люди обычно самостоятельно не приходят в милицию, их приводят. Семён Семёнович изменил свой имидж, чтобы его на улицах не узнавали знакомые и сослуживцы.

Прочитав заявление, написанное аккуратным красивым почерком, милиционер спросил:

– Кем вам будет Савельева?

– Сестра, – соврал Семён Семёнович.

– Ваш паспорт.

Пролистав паспорт, лейтенант сказал:

– У вас другая фамилия.

– У сестры фамилия мужа.

– У вас нет прописки, где проживаете?

– У приятеля.

– По какому адресу сообщить ответ на заявление?

– Я сам зайду за ответом, поставьте, пожалуйста, дату регистрации на копии заявления.

– Сильно грамотный, – пробурчал дежурный и поставил штамп на копии заявления.

Семён Семёнович принёс в подвал тетрадь и ручку.

– Тебе на следующий год идти в школу, – сказал Славе. – Пока милиция ищет твою маму, будем учить буквы, научимся читать и писать.

Милиция не нашла Татьяну Валерьевну Савельеву. Она исчезла в пучине волн перестройки, как многие люди того жестокого времени. Слава остался сиротой.

Семён Семёнович понимал, что надо сдать ребенка в детский дом, но долго не мог решиться на этот шаг,

усиленно искал работу по специальности, но не находил. Он привязался к Славе, привык заботиться о нём. Слава скрашивал его жизнь, давал надежду на будущее.

Только в августе сказал Славе:

– Тебе придётся перейти жить в детский дом.

– Не хочу в детский дом! Хочу жить с тобой, ты рассказываешь интересные сказки.

– Тебе надо жить в нормальных условиях и учиться. Я буду тебя навещать.

Слава подошёл к дяде Семёну, обнял его. На глазах у обоих появились слёзы.

Муж с помойки

В санатории «Родник Алтая» я оказался за одним столом с интересной семейной парой пенсионного возраста. Мужчина первым представился, назвав себя Игорем, а спутницу, которая выглядела старше его, Верочкой. Он шутил, ухаживал за спутницей. Она отвечала ему взаимностью. «Какая дружная интересная пара», – подумалось мне.

Во время встреч за столом он показал себя интересным собеседником. У нас нашлось много общих интересов.

В очереди в процедурный кабинет на массаж я оказался рядом с Верой. Мы разговорились, я рассказал ей о себе. Затем мне захотелось сделать ей приятный комплемент:

– У вас очень интересный разговорчивый супруг.

Она улыбнулась и произнесла:

– Представьте себе, я нашла его на помойке.

– Не может быть! Это у вас такой юмор? – удивился я.

Она внимательно посмотрела на меня, решая, можно ли мне довериться, и начала рассказывать:

– Подхожу рано утром к мусорному ящику – выбросить мусор из ведра – и вижу, в нём копается мужчина. Услышав мои шаги, он отошёл в сторону и произнес: «Извините, пожалуйста, я думал, что так рано никто не выносит мусор». Глаза на заросшем щетиной лице выражали смущение. По внешнему виду он не походил на алкоголика.

«Неужели вы БОМЖ?» – удивилась я.

«Скорее всего, БИЧ», – тихо ответил он.

Плохо расслышав его речь, я подумала, что он произнёс слово «ВИЧ». Меня охватил страх от возможности заразиться страшной болезнью. В то время ещё не знали, что инфекция не передаётся воздушно-капельным путём. Чтобы удостовериться в услышанном, спросила: «Что это такое?» – «Бывший интеллигентный человек».

Испуг прошёл. Мне стало жалко мужчину, и я предложила: «Пойдёмте ко мне. Помоетесь в ванной и переоденетесь». – «Спасибо. У меня нет сменного белья, весь мой гардероб на мне». – «Одежда моего мужа вам подойдёт». – «Извините. Я должен отказаться. Что скажет ваш муж, увидев меня?» – «Мой муж скончался несколько лет назад».

Сидя за чашкой чая, он поведал историю своей жизни.

«До перестройки я работал инженером, зарплата по тем временам была приличная. Жил гражданским браком с симпатичной женщиной в её квартире. Моё предприятие обанкротилось, не один я остался без работы. В семье начались скандалы. Жена упрекала за то, что не могу обеспечить достойную жизнь. В конце концов, заявила: «Освободи квартиру, мне надо устраивать нормальную жизнь». Вот так оказался на улице».

Я смотрела на непожилого симпатичного мужчину и думала: «Перестройка искалечила судьбы многих людей».

Позавтракав, Игорь заявил «У табуреток расшатались ножки. У вас есть столярный клей?» – «Нет». – Клей «Момент» найдётся?» – «Должен быть». – «Принесите, пожалуйста».

Наблюдая за его работой, я думала: «Мастеровой, хозяйственный человек скитается по подвалам!» У меня не было к нему жалости, просто проснулось чувство сострадания, мне хотелось ему помочь.

Он отремонтировал табуретки, поблагодарил меня за завтрак, одежду и собрался уходить.

«Если у вас нет приличного жилья, можете приходить и жить у меня в свободной комнате», – предложила я ему. «Извините, у меня нечем оплачивать жильё». – «Я не собираюсь брать с вас плату! Живите пока не найдёте работу и приличное

жильё». – «Большое спасибо, я с удовольствием воспользуюсь вашим предложением».

Вечером он пришёл ко мне с букетом.

Вскоре Игорь нашёл работу по специальности, мы зарегистрировались и живем вместе уже двадцать лет, – закончила повествование Вера.

Судьба

Михаил Васильевич жил с супругой в двухкомнатной квартире. Двух небольших пенсий хватало на скромное существование. Одежду они не покупали, донашивали скопившуюся за долгие годы жизни. Неожиданно жена Таисия, страдающая гипертонией, скончалась от сердечного приступа.

Первые месяцы Михаил Васильевич справлялся с небольшим домашним хозяйством. Исправно платил налог за квартиру, мыл один раз в месяц полы, доедал купленные женой продукты. Когда запас продуктов закончился, у него начались проблемы. Не хватило денег на продукты до очередной пенсии. В следующих месяцах пришлось питаться только кашами, хлебом и молоком. Денег на овощи и фрукты не оставалось. Встретив однажды в магазине сослуживца, пожаловался ему на свою судьбу.

– У тебя же двухкомнатная квартира! – удивился товарищ. – Посели в одну комнату квартирантов – и будет тебе хорошая прибавка к пенсии.

– Как-то страшно пускать к себе в квартиру чужих людей...

– Ты оформи официально у нотариуса договор аренды и спи спокойно.

Михаил Васильевич обрадовался совету приятеля и дал объявление о сдачи в аренду комнаты. Ждать пришлось недолго. К нему пришла молодая женщина. Осмотрев комнату, сказала:

– Комната нужна моему брату. Я вышла замуж, жить стало тесно.

После подписания договора на жительство в комнату пришли двое парней.

– Я подписывал договор на сдачу комнаты одному человеку, – возмутился Михаил Васильевич.

– Дед, – ответил наглый молодой мужчина, – в договоре не указано, сколько человек будет проживать. Теперь я хозяин комнаты, кого хочу, того и привожу. Заткни коробочку и больше не возникай!

Такое отношение квартиранта повергло Михаила Васильевича в уныние. Он не раз пожалел, что сдал комнату.

Через несколько месяцев жильцы потребовали от него продать комнату. Хозяин квартиры наотрез отказался. Тогда они перестали платить ему деньги, не пускали на кухню, создали невыносимые условия проживания. Разговаривали с ним матом, грозили несчастным случаем, который с ним рано или поздно случится.

Доведённый до отчаяния пожилой человек совершил грубейшую ошибку. Он подписал договор на продажу комнаты. Деньги ему заплатили, но его жизнь превратилась в ад. Над ним издевались,

наносили побои, от которых не оставалось следов, требуя убраться из квартиры и продать вторую комнату. В конце концов он подписал подсунутый ему договор и оказался на улице.

Стояли последние дни сибирского лета. Листья берёз тронуло золото. Налетевший ветерок срывал их и гнал по асфальту. Обездоленный человек сидел на лавочке и смотрел им вслед. «Отжили своё, – думал он, – я тоже отжил свой век, куда меня унесёт судьба?»

К нему на лавочку подсел мужчина, долго смотрел на его профиль, затем спросил:

– Михаил Васильевич, это ты?

– Человек с заросшим щетиной лицом поднял голову, безразличным взглядом посмотрел на соседа по лавочке, узнал в нем сослуживца по прежней работе и грустно ответил:

– Я, Сергей Викторович.

– Тебя с трудом узнал, что случилось?

– Длинная история.

– Расскажи вкратце.

Выслушав исповедь сослуживца, Сергей Викторович предложил:

– Рядом с моим садовым участком несколько лет пустует приличный домик. Ты мог бы в нём поселиться. Недалеко, на станции Льниха, круглогодично работает магазин, не надо за продуктами ездить в город.

– Что мне скажут хозяева домика, когда застанут в нём незваного жильца?

– Я же сказал тебе, что они два года не появляются на участке. Огород зарос травой. Зимой точно никто не приедет. Домик лучше сохранится, когда в нём живет человек.

Михаил Васильевич, оказавшись в чужих владениях, внимательно осмотрел участок и домик. Он увидел покосившийся забор со сломанной калиткой, высокую траву, которая заполонила даже тропинку, ведущую к крыльцу дома. Брусчатые стены и кирпичная печь сулили возможность в нём зимовать. В кладовке обнаружил рыболовные снасти хозяина. В углу стояли удочки и смотанные в рулон рамки из сети. Это его чрезвычайно обрадовало. «Хозяин рыбачил, – подумал он, – значит, и я не останусь без рыбы».

В первый же день вечером Михаил Васильевич взял рыболовные снасти и отправился на берег Ини. Дачники давно собрали урожай и разъехались по домам в город, дачный посёлок казался вымершим. Это его не смущало, а скорее, радовало.

Недалеко от подвесного моста спустился по натоптанной тропке к воде. Воткнутые у воды рогульки свидетельствовали о посещении этого места рыбаками. Не торопясь размотал удочки, насадил червей на крючки и забросил лески в воду. Затем занялся рамками. Срубил две жердины, к тонким концам привязал рамки и опустил их в воду за прибрежными кустами тальника. Толстые концы воткнул в берег, чтобы снасти не унесло течение.

Клёв оказался хорошим. Поймав десяток ельцов и несколько ершей, Михаил Васильевич отправился в домик варить уху. Печь дымила. Ему пришлось доваривать рыбу во дворе на сложенном из кирпичей таганке. «Видимо, хозяева давно не пользуются печью. Надо будет отремонтировать до холодов».

Утром в рамки ему попалось больше двух десятков ельцов и краснопёрок. «Можно насолить рыбу на зиму, – подумал он, – и сходить на картофельное поле, собрать оставленную мелкую картошку.

Ранней весной следующего года Екатерина Васильевна приехала в садоводческий кооператив посадить морковку. Подойдя к своёму участку, сначала удивилась произошедшим изменениям: забор стоял ровной стрункой, калитка отремонтирована и легко открывалась, из трубы струился дым. Затем испугалась. В садовых домиках часто проводили зиму беглые заключённые, бандиты и бомжи. Они обычно разоряли домики и безобразничали, а на её участке наведен порядок. Собравшись духом, вошла на участок. Её в окно увидел Михаил Васильевич и вышел навстречу.

Перед ним стояла женщина пенсионного возраста с вьющимися седыми волосами. Её глаза выражали страх и удивление.

– Добрый день, – произнёс он как можно мягче. – Вы, видимо, хозяйка домика. Извините меня, пожалуйста, я некоторое время жил в вашем домике. Не беспокойтесь, я сегодня же уеду.

– Вы кто будете?

– Меня звать Михаил Васильевич.

– Как оказались в моём домике?

– Это очень длинная история. Проходите в дом, у меня как раз чай на столе.

По разговору мужчины Екатерина Васильевна поняла, что его можно не бояться, и прошла в помещение. Её встретил тёплый воздух. В плите потрескивали дрова, через щель в дверце виднелись языки пламени. Она почувствовала домашний уют, от которого давно отвыкла. На столе стоял чайник, стакан с недопитым чаем, лежали жареная рыба и хлеб.

Михаил Васильевич переставил чайник на плиту.

– Присаживайтесь к столу, я угощу вас ароматным чаем, заваренным веточками смородины.

Екатерина Васильевна удивлялась происходящему, поскольку давно не испытывала мужского внимания. Её муж ушел из жизни три года назад. С тех пор она потеряла интерес к жизни, перестала бывать на садовом участке.

Михаил Васильевич рассказал о своих приключениях, закончив словами:

– Теперь вы всё знаете обо мне, сегодня я уеду в город.

– Не торопитесь, я не планировала здесь ночевать, зная, что в домике холодно, а оказалось, что вы отремонтировали печь. Посажу морковь и уеду.

Она достала из кладовки лопату, и пошла копать грядку. Земля, заросшая травой, с трудом поддавалась

усилиям. Михаил Васильевич подошёл к ней, положил руку на лопату и произнёс:

– Позвольте, у меня лучше получится.

Вечером Екатерина Васильевна уехала в город, пообещав вернуться в субботу. Она постоянно думала о судьбе случайно встретившегося человека. Ей не только было жалко его, ей понравился его характер и трудолюбие. Из долгих раздумий сделала вывод: «Случайных встреч не бывает».

Когда она вернулась на свой участок, весь огород был перекопан. Соседи всё лето видели их работающими в саду. Осенью они вместе уехали в город.

Дробью раненный

В пятидесятых годах прошлого века Игорь Чеботарев служил в Калининграде. Город еще лежал в развалинах, нетронутыми нашей авиацией сохранились только окраины.

До Великой Отечественной войны город назывался Кенигсбергом. Его основали в 1255 году крестоносцы Тевтонского ордена на землях язычников – пруссов. Он являлся столицей Восточной Пруссии. Кроме немцев, в городе проживали литовцы, эстонцы и поляки. Сегодня город является свободной экономической зоной, и в нем проживает около восьмидесяти процентов русского населения.

В один из праздничных дней старший лейтенант Валерий Захарченко пригласил Игоря составить ему компанию при сходе с корабля на берег, пообещав познакомить с девушками.

Приятели хорошо провели время в ресторане в обществе прекрасных дам. Отправляясь провожать женщин, захватили с собой шампанское и конфеты.

Подруги жили на окраине города в небольшом поселке, застроенном однотипными двухэтажными коттеджами. Веселье продолжалось до глубокой ночи. Перед сном Игорь вышел на улицу покурить и подышать свежим воздухом. Он шел по улице вдоль невысокого забора, вдыхая влажный воздух с запахом моря. Западный ветер приятно обдувал раскрасневшееся от выпитого вина лицо. Незаметно обошел квартал и оказался с дворовой стороны домов. Возвращаться прежним путем не хотелось, и он решил перелезть через забор. Легко забрался на ограждение, прыгнул вниз, придерживаясь за доску, которая с треском сломалась.

На втором этаже дома открылось окно, и мужской голос с польским акцентом закричал:

– Какой черт ломает забор?!

Игорь остолбенел, поняв, что перепутал коттедж.

– Здесь рядом живут две девушки, – начал объяснять он, но не успел договорить.

Мужчина выкрикнул:

– Покажу, какой девушки! – и исчез из окна.

Игорь подумал, что он выйдет из дома и проводит его к соседкам. Через минуту мужчина показался в окне с ружьем и выстрелил вверх.

Игорь, как на крыльях перелетел через забор и со всех ног помчался прочь от «гостеприимного» соседа. Следующий выстрел был направлен в спину. Дробь угодила ниже пояса. Он почувствовал жжение. Возвращаться в компанию было стыдно, пришлось отправиться на корабль. Разбудив доктора, рассказал о случившемся.

В лазарете, осмотрев пациента, доктор произнес:

– Надо в госпиталь, у меня, кроме пинцета и скальпеля, инструментов для операции нет.

– Вынимай дробь сам, – взмолился Игорь, – из госпиталя обязательно сообщат командованию, у меня будут неприятности!

– Тогда терпи, – сказал доктор и протер спиртом кожу, изрешеченную дробью.

Утром Валерий спросил Игоря:

– Ты почему сбежал от девушек? Они очень обиделись.

Помолвка

Олег Невелин после окончания военно-морского училища попал служить на корабль, базирующийся в Ломоносов. Это старинный город на берегу Финского залива, основанный в 1710 году князем А. Д. Меньшиковым. Он служил его летней резиденцией и назывался Ораниенбаум. Достопримечательностью

города является дворцово-парковый ансамбль XVIII века. В парке по праздничным дням на танцплощадке играл военный духовой оркестр. Здесь Олег познакомился с сестрами Аллой и Валей. Девушки окончили Ленинградский университет. Старшая сестра Алла имела веселый жизнерадостный характер. Валя – спокойный, уравновешенный. Сестры на танцплощадку всегда приходили вместе. Олег танцевал с каждой, отдавая предпочтение старшей. Дружба длилась больше года, прежде чем Олег решился сделать Алле предложение. Она согласилась, родители были рады иметь зятем морского офицера.

Олег сообщил в Смоленск родителям о решении жениться. Они пожелали приехать в Ломоносов на помолвку, а свадьбу провести в Смоленске, чтобы на ней могла присутствовать вся многочисленная родня. Невеста и ее родители на это предложение согласились.

В назначенный день родители жениха прилетели в Ленинград. Олег их встретил в аэропорту и привез в дом невесты. Алла, одетая в будничное платье, встретила гостей без энтузиазма. Олег хотел ее обнять и поцеловать, но она отстранила его, вытянув руку.

– В чем дело? – удивился Олег.

– Я передумала выходить замуж.

Растерянный жених обратился к матери невесты:

– Анна Петровна, мы же обо всем договорились, в чем дело?

– Мы с Михаилом рады видеть тебя зятем в нашей семье, но я не могу повлиять на решение дочери.

Невелины с испорченным настроением вышли из дома. Им навстречу шла Валя.

– Почему из дома, а не в дом? – спросила Олега.

– В доме мы уже были, Алла отказалась выходить замуж.

– Не может быть! – искренне удивилась Валя. – Разве можно отказать такому мужчине, я бы на ее месте так не поступила.

– Валя, выходи за меня замуж, – неожиданно для всех и самого себя произнес Олег.

– Мне надо подумать, пойдем в дом.

Олег последовал за Валей, родители остались у крыльца. Анна Петровна удивилась, увидев Олега. Намеревалась спросить, в чем дело, но ее перебила Валя:

– Мама, я хочу кушать! Что у нас есть?

– Котлеты с картофельным пюре.

– Дай одну котлетку.

Алла быстро поднялась со стула и ушла в соседнюю комнату. Она подумала, что сестра пришла уговаривать ее не отказываться от замужества.

Олег внимательно наблюдал за Валей и с замиранием сердца ждал ее решения. Она сосредоточенно думала и быстро съела котлету.

– Мама, дай мне ещё одну котлету, я не успела решить.

– Что ты не успела решить?

– Сейчас узнаешь.

Съев вторую котлету, Валя подняла глаза и произнесла:

– Олег, я согласна.

Офицер подошел к столу, взял руку девушки и поцеловал. Затем произнес:

– Помолвка состоится в ресторане, как и планировалось.

На следующий день Олег с Валей и родителями улетели в Смоленск, где состоялась регистрация брака и свадьба. По окончании отпуска молодая чета вылетела на Камчатку к месту новой службы Олега.

Они прожили счастливую жизнь, вырастили двоих детей. Выйдя на пенсию, воспитывают внуков.

Шутники

Майское солнце яркими лучами заливало праздничный Новосибирск. На домах развевались красные флаги, висели транспаранты. Жители семьями шли к центру на первомайскую демонстрацию. Дети несли шарики и флажки.

Два друга-девятиклассника наблюдали с балкона пятого этажа за шествием людей. Им захотелось развлечься. Они стали наполнять шарики водой и сбрасывать с балкона. Очередной шарик упал в пыль перед семейной четой с дочкой. Девочка испугалась взрыва и вскрикнула. У женщины оказались обрызганными грязью колготки. Мужчина заметил балкон, с которого скрылись в квартиру подростки. Семья решительно направилась в подъезд и поднялась

на пятый этаж. На стук в дверь никто не реагировал. Дверь содрогалась от стука ногой.

– Сейчас выбью дверь, если не откроете! – громко произнес мужчина.

Саша испугался и открыл дверь. Он тут же получил удар по лицу, и разъяренная женщина первой вошла в квартиру. Перед ней стояли растерянные подростки.

– Где родители?

– Ушли куда-то.

– Будем ждать, – решительно произнесла женщина и уселась на стул.

Она взглянула на грязные колготки и отправилась в ванную их стирать. Мокрые колготки повесила на полотенцесушитель.

Мужчина с дочкой присели на диван. Он понял, что ждать родителей подростков придется долго, день может быть испорчен и примирительно спросил:

– Водка в доме есть?

– Должна быть.

– Ставь на стол.

Саша достал из буфета бутылку с недопитой водкой и рюмку. Настроение мужчины заметно улучшилось. Он наполнил рюмку и собирался выпить. В это время в комнате появилась его жена и приказным голосом произнесла:

– Не пей без закуски!

Она пошла на кухню, достала из холодильника колбасу, сыр и хлеб. Положив все на стол, приказала мальчикам:

– Дайте вторую рюмку!

Когда водка была выпита, закуска съедена, мужчина предложил:

– Зинаида, родителей мы можем не дождаться, пора уходить, ребята хорошие, они осознали свою вину и больше не будут обливать прохожих водой. Так ведь, ребята?

– Не будем! – в два голоса ответили подростки.

Постращав ребят разными карами, женщина отправилась к выходу, а за ней ее семейство.

Во второй половине дня родители Саши вернулись домой. Мама, зайдя в ванную, увидела колготки.

– Саша, чьи колготки в ванной? – удивилась мать.

– Не знаю.

– Как не знаешь! Они сами прилетели к нам?

– Не знаю, чьи колготки.

Отцу надоел спор жены с сыном, и он решил выпить рюмочку водки. Открыв буфет, обнаружил пустую бутылку.

– У него не только была женщина, они выпили водку, – послышался его голос.

Возмущенная мать подошла к сыну и потребовала:

– Дыхни на меня!

Не почувствовав запаха, спросила:

– Кто выпил водку?

– Не знаю.

– Ты что заладил, не знаю да не знаю – сознавайся, рано или поздно все выяснится, – произнесла мать и отправилась на кухню, довольная тем, что сын не пил водку.

Вскоре послышался ее голос:

– Из холодильника исчезли колбаса и сыр!

– Молодец, что пил под закуску, – подзадорил отец жену.

– Не пил он, – заступилась мать за сына.

За обеденным столом Саша рассказал родителям, что произошло в квартире в их отсутствие.

Музыкальная семья

Родители Саши Каткова очень хотели дать сыну музыкальное образование. Долго обсуждали с сыном, на каком музыкальном инструменте ему хочется играть. Саше было все равно, хотя предпочитал гитару. Он учился в четвертом классе общеобразовательной школы. Его друзья уже несколько лет обучались музыке. В один из летних дней мама взяла Сашу за руку и повела в музыкальную школу на прослушивание. Она выбрала для сына класс фортепиано.

Преподаватель подвел мальчика к инструменту и, наиграв мелодию, попросил повторить. Прослушав, он повернулся к матери и сообщил:

– У меня класс полностью укомплектован, свободных мест нет, пройдите в класс баяна, может быть, у них есть свободные места.

В классе баяна их приветливо встретила женщина средних лет. Казалось, что она обрадовалась новому ученику. Прослушав претендента на музыкальное образование, она с грустью в голосе обратилась к его матери:

– К сожалению, я не могу принять вашего сына, мой класс переполнен. Обратитесь в класс струнных народных инструментов.

Пожилой мужчина, прослушав мальчика, попросил его выйти в коридор и подождать. Затем обратился к матери:

– Вы в классе фортепиано были?

– Были.

– Что вам сказали?

– Класс укомплектован.

– В классе баяна были?

– Были.

– Что вам сказали?

– Класс переполнен.

– Я вам скажу откровенно: у вашего сына нет музыкального слуха. Преподаватели вежливо вам отказали.

Сашу приняли учиться играть на балалайке.

Вечером мать рассказала мужу все подробности поступления в музыкальную школу.

– Горжусь сыном, весь в меня, завтра куплю балалайку.

– Чем гордиться? У мальчика плохой слух.

– Послушай, как я пел в батальонном хоре.

В полку, в котором я служил, готовились к смотру батальонной самодеятельности. Командование нашего батальона решило удивить хором в сто человек. Пригласили жену офицера, имеющую музыкальное образование, для прослушивания солдат. Мне очень хотелось попасть в хор, так как участники

самодеятельности в праздничные дни освобождались от нарядов и ходили в увольнение. Прослушивали всех солдат роты. Когда очередь дошла до меня, я не смог повторить звук, произведенный преподавателем на аккордеоне. Она строго посмотрела на меня и произнесла: «Не балуйте, повторите еще раз».

Я старался изо всех сил, но воспроизвести мелодию не смог. Преподаватель подумала, что я хочу увильнуть от участия в хоре и с возмущением сказала: «Я пожалуюсь на вас командиру роты, встаньте в хор слева! Будете петь вторым тенором».

Стирка

Заходит как-то к нам сосед по квартире Николай Филиппович Григорьев. Увидев на плите металлическую ванну, в которой что-то булькало, спросил:

– Наталия Ивановна, что вы варите в ванной?

– Кипячу бельё.

– Зачем его варить?

– Чтобы было чистым и светлым.

– А я думаю, почему у вас бельё всегда белоснежное!

В те годы все жители восьмиквартирного дома сушили бельё во дворе на натянутых верёвках. Николай Филиппович немного подумал и произнес:

– Попробую и я кипятить бельё.

Прошло какое-то время, и Наташа увидела во дворе простыни и пододеяльники с чёрными разводами. Вечером, как всегда, Григорьев зашёл к нам на огонёк.

– Николай Филиппович, – спроси Наташа, – во дворе сохнет ваше бельё?

– Моё.

– Почему на нём черные полосы?

– По вашем совету решил прокипятить бельё. В него положил трусы.

Упущенная любовь

Татьяне Ивановне давно перевалило за семьдесят. Она на десять лет пережила мужа. Много интересных событий ей пришлось пережить за свой век, но лучше всех сохранились в памяти и часто вспоминаются детские и юношеские годы.

В тринадцать лет у неё заболел низ живота. «Поболит и перестанет», – думала она. Но когда появились кровяные выделения, испугалась не на шутку. Сказать маме стеснялась, поделилась своими страхами с подругой. У той была старшая сестра, от которой она получила некоторые познания. Выслушав Таню, сказала:

– Не волнуйся, это бывает у каждой девочки. Теперь тебе нельзя целоваться с мальчиками. Можешь забеременеть.

Татьяну охватило волнение, и она призналась:

– Меня недавно поцеловал в щеку Васька из девятого класса.

– Это было давно, не беспокойся.

Дом, в котором жили девочки, стоял недалеко от городского парка. В вечерние часы до них доносилась музыка духового оркестра. Они не упускали случая сбегать в парк и потанцевать на открытой площадке. Мать напутствовала Татьяну: «Смотри, не принеси в подоле».

В очередной раз Таня встретила в парке Васю, который ей нравился. Она гордилась, что на неё обращает внимание старшеклассник. Они весь вечер танцевали и вместе пошли домой. По дороге Вася взял Таню за руку и спросил:

– Можно я тебя поцелую?

Таню охватил испуг, она ударила Васю по руке, произнесла: «Ты, что с ума сошёл?» – и убежала.

В школе на переменах Таня часто видела направленный на неё влюблённый взгляд Василия. Он преследовал её взглядом, но не подходил к ней. Ему нравилась стройная белокурая девушка с весёлым характером, но случай в парке удерживал от общения.

Тане хотелось пойти с ним в кино или на танцы, но не могла же она его пригласить.

После окончания школы они долго не виделись. Когда Вася узнал, что Таня выходит замуж, пришёл к ней с букетом цветов и предложением:

– Таня, не выходи замуж за Семёна, я тебя люблю.

– Ты опоздал, я уже дала слово, приходи на свадьбу.

Вася пришёл на свадьбу. У него, у единственного из гостей, вместо радости на лице застыла печаль.

Через несколько дней Василий, купаясь в реке, нырнул в воду с высокого берега, ударился головой о дно и погиб.

Со временем Татьяна Ивановна поняла, что Василий был её первой любовью, память о ней она пронесла через всю жизнь.

Советский миллионер

Владимир Иванович работал преподавателем в НЭТИ. Зарплата в сто десять рублей обрекала на очень скромное существование. Жил он недалеко от института, карманные деньги не требовались даже на транспорт, поэтому всю зарплату отдавал жене. К праздникам хотелось сделать подарки детям, матери и, конечно, жене, а карманы пустые.

Он начал заниматься частным извозом. Проще говоря – калымить. Люди предпочитали ловить частные машины, чем ждать такси, которых было очень мало. За один рубль можно было уехать в любую часть города. Поездка в аэропорт Толмачёво стоила три рубля. Доход за вечер в пять – десять рублей был хорошей прибавкой к семейному бюджету, у Владимира появились карманные деньги.

Однажды к нему в машину сел невзрачный мужчина невысокого роста с лысеющей головой. Он внимательно посмотрел на интеллигентный вид водителя, на его костюм и галстук. Затем, запустив руку во внутренний кармин потёртого костюма, вынул сторублёвую купюру и протянул водителю.

– У меня нет сдачи с таких денег.

– Сдачи не надо, – произнёс пассажир.

Владимира Ивановича охватило не удивление, а скорее, испуг. «Может, это провокация», – думал он. В те времена частный извоз был запрещён, и милиция охотилась за калымщиками. Если инспектор ГАИ останавливал машину, водитель просил пассажира сказать, что он родственник, чтобы избежать неприятностей. Не приняв окончательного решения о пассажире, спросил:

– Вы что, миллионер?

– Да, я миллионер, – был ответ. – Кем вы работаете на основной работе? – спросил пассажир.

– Преподаю в институте.

– Я так и подумал.

– Кем же работаете вы? На какой работе в наше время можно стать миллионером? – удивился Владимир.

– Я простой главный бухгалтер.

– Не верю! Расскажите, если это правда!

Мужчина внимательно посмотрел на водителя, решая можно ли ему довериться, и поведал, как при любой власти можно стать миллионером:

– Каждому предприятию Госплан спускает план, сколько изделий надо произвести и поставить в торговую сеть. Под этот план производитель сырья поставляет нам свою продукцию. Есть много способов увеличить выпуск неплановой продукции и реализовать её через торговую сеть.

– Интересно, какие способы?

– Молодой человек, зачем вам это знать? Например, за счёт экономии сырья. Остановите машину у следующего дома.

Владимир Иванович долго смотрел вслед удаляющему мужчине и думал: «Миллионер, а носит потёртый костюм. Вероятно, чтобы не подумали, что он богатый».

Судьба Рэта

Солнце клонилось к закату, стоял теплый июньский день. Михаил возвращался домой из гаража в прекрасном настроении, под впечатлением проведённого времени с друзьями. Он помог соседу по гаражу отрегулировать зажигание на стареньком жигулёнке. Тот в благодарность за помощь достал из погреба солёные огурчики, помидоры и, конечно же, бутылочку белой. Подошли приятели-автолюбители, и они прекрасно провели время, обсуждая наболевшие вопросы. Лёша Зонов прочитал где-то услышанное стихотворение:

Кто стучится в Мавзолей
С раскладушечкой своей:
Брови черные, густые,
Речи длинные, пустые.
Он и маршал, и герой,
И писатель молодой.
Кто даст правильный ответ –
Тот получит десять лет.

Все дружно смеялись, но Лёшу предупредили, чтобы был осторожен с чтением этого стихотворения. Он никогда не учил стихов – не мог запомнить слова, но это читал без запинки, представляя на трибуне руководителя страны.

Михаил шёл по знакомой улице, слегка пошатываясь, вспоминал отдельные моменты разговора, в нём бурлили чувства товарищества и любви к людям, с которыми можно говорить на любые темы. Его внимание привлёк черный щенок у забора. Он присел около него и спросил: «Ты чей?» Щенок слегка заскулил. «Как ты здесь оказался?» Щенок молчал. Михаил протянул руку и погладил его. Рука ощутила дрожь в худом теле малыша. Пёсик был чёрной масти, с висячими ушами. Чёрные, как уголь, глазёнки испуганно смотрели на человека. «Пойдём ко мне домой», – предложил Михаил. Щенок не мог ответить на предложение. Михаил взял его в руки, засунул за пазуху и продолжил путь.

Поднимаясь на четвертый этаж многоквартирного дома, Михаил обдумывал разговор с женой. Она не любила, когда он возвращался домой выпившим. Люба встретила его вопросом:

– Почему так поздно?

– Помогал Николаю ремонтировать машину.

Жена уловила запах алкоголя и взорвалась, как атомная бомба:

– Вижу, в чём помощь заключалась! Ваш гаражный кооператив – сборище алкоголиков!

Михаил достал из-за пазухи щенка и опустил на пол. Люба прервала речь, которая обычно продолжалась несколько минут. Её глаза от удивления расширились. Она с возмущением произнесла:

– Это что такое?

– Щенок.

– Вижу, что щенок. Он будет пакостить, его надо выгуливать. Я тебе в этом деле не помощник.

Услышав разговор родителей, из соседней комнаты вышел сын Игорь и, увидев щенка, произнёс:

– Какой хороший пёсик! Папа, это мне? Как мы его назовём?

Михаил задумался, затем произнёс:

– Назовем его Рэтом.

– Почему Рэтом?

– Недавно шёл по телевидению сериал, в котором героя звали Рэт Баклер. Мне кажется, щенок похож на Рэта.

– Разве может собака походить на человека? – удивился сын.

– Ты посмотри на выражение его глаз. Они, как и у человека, выражают его чувства.

Возмущённая самоуправством мужа, Люба ушла на кухню. Вскоре раздался её голос:

– Есть будешь?

– Что на ужин?

– Жареная картошка с котлетой.

– Положи одну котлету.

Михаил прошёл на кухню, помял вилкой котлету и поставил тарелку перед Рэтом. Супруга возмутилась:

– Ты собираешься кормить собаку котлетами?

– Завтра куплю для него корм.

Он дождался, когда щенок вылизал тарелку, подхватил его под живот и произнёс:

– Пойдем спать.

Люба закричала им вслед:

– Не вздумай ложиться с собакой в кровать!

Михаил улёгся на ковре перед кроватью, прижал к себе Рэта и уснул.

Между ними завязалась дружба. Хозяин постоянно брал щенка с собой в гараж, на дачу, в лес. Ни одна поездка на машине не обходилась без Рэта. Спал Рэт на ковре около кровати Михаила, уткнувшись носом в руку, опущенную с кровати. Он очень скоро научился понимать интонацию в разговоре людей. Хозяин всегда разговаривал с ним ласково и гладил по голове. Хозяйке не нравилась их дружба. Её возмущало поведение мужа. Он собаке уделял больше внимания, чем ей. Кипевшую внутри обиду старалась выместить на Рэте. Если он днём заходил в спальню и ложился на ковёр, она грубо кричала: «Пошёл вон, от тебя летит шерсть!» Рэт поднимался и шёл к наружной двери ожидать хозяина. Услышав его шаги ещё на первом этаже, вскакивал на лапы и радостно вилял хвостом. Когда открывалась дверь, бросался к ногам хозяина, его глаза светились радостью.

Михаил обнимал и гладил любимца, затем шёл обнять жену. В ней росло возмущение: «Первой обнимает собаку, а затем идёт ко мне». Она

протягивала перед ним руку и произносила: «Гладил собаку, а затем лезешь ко мне. Помой сначала руки».

Муж мыл руки, но к жене уже не подходил. Между супругами образовалась трещина, которая с каждым днём расширялась.

Михаил стал часто приходить домой выпившим. Люба устраивала скандалы. Рэт принимал сторону хозяина, подходил к нему и рычал на хозяйку. Она возмущенно кричала:

– Когда ты уберёшь из дома эту собаку?!

– Никогда, – отвечал муж, шёл в спальню и ложился на ковёр. Пёс устраивался рядом.

Михаил работал токарем высшего разряда. Он мог выточить не только болт и гайку, а любую деталь сложной конфигурации. Помимо основной работы, у него всегда были заказы от приятелей. В семидесятых годах прошлого века брать деньги с друзей за работу считалось крохоборством. Единственным мерилом любой выполненной работы считалась бутылка водки. Она, как правило, тут же распивалась.

Рэт вырос в собаку средней величины, похожим на лабрадора. Его преданность не имела границ. Во время прогулок не отходил от Михаила, готовый в любой момент защищать его. Когда хозяин работал в гараже, он никого не пускал в гараж без его разрешения.

Он прожил более десяти лет. На голове и спине появилась седина, которая не старила, а украшала его. У хозяина появилась гипертония, случился инфаркт. Он скончался, не дожив до пенсии трёх лет.

Хоронили Михаила из частного дома матери, который находился недалеко от кладбища.

Собака потеряла покой и аппетит. Выгуливать её стал Игорь. С каждой прогулки Рэт убегал. Его путь лежал к гаражу. Не найдя там хозяина, бежал к дому его матери. Обследовав всё подворье и не почуяв запаха хозяина, отправлялся на кладбище. Домой возвращался иногда через день. Когда он окончательно исчез, Игорь отправился на поиски и нашёл его скончавшимся на могиле отца. У юноши покатились слёзы. Как в тумане побрёл к бабушке, взял лопату и похоронил Рэта рядом с могилой отца. Возвращаясь домой, думал: «Тетерь их ничто не сможет разлучить».

Первая любовь

В книжный магазин вошла молодая пара. Высокий стройный мужчина в форме моряка взял за локоть спутницу и провёл взглядом по помещению. На нём была бескозырка, из-за отворотов бушлата виднелась тельняшка. Стройная женщина невысокого роста вопросительно посмотрела на него. Он увидел стол, за которым сидела заведующая отделом Валентина Ивановна Семёнова и, подойдя к ней, не здороваясь, обращаясь к жене, произнёс: «Познакомься, это Валюша, моя первая любовь».

Валентина Ивановна узнала в моряке своего школьного товарища, поднялась из-за стола и

поздоровалась. Он сильно возмужал, его жена ростом и стройной фигурой очень походила на Валентину.

Когда пара покинула магазин, Валентина подумала: «Наверное, он меня любит до сих пор». Эта встреча напомнила ей школьные годы.

Юра пришёл в школу задолго до звонка. Он хотел до начала урока списать домашнее задание по математике. В классе несколько девочек обсуждали свои проблемы. Увидев его, мгновенно смолкли.

– Продолжайте разговаривать, я никому не скажу, о чём вы болтаете.

– А о чём мы говорили? – задорно спросила Лена.

Ей нравился высокий энергичный мальчик, и хотелось, чтобы он обратил на неё внимание.

– Конечно, о мальчиках, – ответил Юра.

– Больно они нам нужны! – вмешалась в разговор Ира.

Юра не стал просить у девочек тетрадку с решёнными задачами по математике. Эти бойкие девчонки в удобный момент обязательно его высмеют. Он ждал Валю Семёнову. Ему нравилась симпатичная девочка невысокого роста, стройная и очень скромная. Очки на её носу отличали её от всех девочек и придавали ей какую-то таинственную, задумчивую внешность. Однажды во время большой перемены он услышал от старшеклассника: «Надо же, в очках, а такая красивая!»

Когда Валя зашла в класс и села за парту, Юра сел на своё место позади неё и, наклонившись к уху, спросил:

– Задачки решила?

– Решила.

– Дай тетрадку.

Во время урока ему хотелось дотронуться рукой до её щеки и погладить. Такой порыв нежности может вызвать в классе смех и насмешки, а вот если дёрнуть за косички – будет молчаливое одобрение. Он так и поступил. Такое выражение чувств с его стороны было не впервые. Валю возмутил его поступок, она испытывала чувство унижения. Других девочек мальчики давно уже не дёргали за косы, зная, что получат пощечину.

Вторая смена заканчивалась, когда на небе зажигались звезды и дорогу освещала луна. Школьники гурьбой шли по безлюдной улице. Под ногами скрипел снег, легкий мороз требовал энергичных движений. Ребята толкали девочек в снег. Те с визгом падали в сугробы и со смехом поднимались. Оказавшись в снегу, Валя потеряла очки. Встав на корточки, щупала снег вокруг себя, разыскивая их. Смех прекратился, все поняли, насколько она плохо видит. Юра подал ей очки и помог подняться. Дальше шли без смеха, постепенно каждый сворачивал в свой переулок. Валя жила дальше всех – на окраине посёлка. Юра проводил её до дома. С тех пор он стал регулярно провожать Валю домой. Он жил недалеко от школы. Часто первым убегал домой, оставлял портфель и встречал её за углом.

Подруги иногда просили Валю:

– Поговори с Юрой, чтобы пришёл с баяном, хочется потанцевать.

Он никогда не отказывался от любых вечеринок. Был заводилой и весельчаком. Валя танцевала со всеми ребятами, кроме него. Юра играл на баяне и любовался ею. Проводив её, домой возвращался в свою большую семью. Он был старшим из четырёх детей. Отец погиб в шахте, и вся мужская работа лежала на его плечах.

Однажды, проводив её до дома, спросил:

– Можно я тебя поцелую?

– Что ты! Нельзя! – воскликнула Валя и убежала.

После окончания школы их пути разошлись. Юру призвали в армию, а Валя вскоре вышла замуж.

Улица моего детства

В парке Берёзовая роща играла музыка, по асфальтированным дорожкам гуляли пары, у коска толпился народ за мороженым. Я присел на скамейку в тени развесистой берёзы. За спиной по улице Гоголя потоком проносились автомашины, ехали автобусы и траллейбусы. Передо мной в лучах весеннего солнца возвышался дворец культуры «Строитель», рядом, окружённое деревьями, стояло летнее кафе.

В послевоенные годы в роще размещалось кладбище, открытое в 1911 году, рядом стояла церковь Успения Пресвятой Богородицы, которая

была снесена в 1962 году. Мы, ребята соседних улиц, часто бродили по кладбищу среди могил основателей Новониколаевска и читали на надгробных плитах фамилии неизвестных нам людей с указанием, к какому сословию они относились: дворянству, купечеству, мещанству. В северо-западной части кладбища размещались могилы советских воинов, умерших от ран в госпиталях Новосибирска.

В выходные дни вдоль кладбища по улице Алейской шумела барахолка. На ней продавали поношенные вещи и подержанную утварь.

Мне вспомнилась улица Гоголя послевоенных лет. По ней грохотали трамваи, на которых можно было доехать до железнодорожного вокзала и до центра. Я жил недалеко от Берёзовой рощи, и каждый день ездил на трамвае в школу до остановки Бурлинская. Трамваи давно не ходят. Сегодня на улице Гоголя расположены три станции метро: Берёзовая роща, имени Покрышкина и Красный проспект.

Застройка улицы началась в далёком 1911 году, первым объектом было городское кладбище.

В сороковые годы почти вся улица была застроена частными одноэтажными домами. Только несколько двухэтажных деревянных домов стояло около центрального рынка. Такие дома сохранились по улице Каменской против рынка. Единственное кирпичное здание – Дом офицеров стояло на пересечении с Красным проспектом. Это

здание начали строить в 1915 году как Дом инвалидов. Строительство закончилось только в 1925 году. В 1929 году к Дому инвалидов была сделана пристройка Дома Красной армии. В новую пристройку переехал штаб Сибирского военного округа, после чего всё сооружение стали именовать Домом Красной армии, а сегодня зовут Домом офицеров.

Воспоминания заставили меня подняться с лавочки, пойти по улице моего детства и, рассматривая сооружения, появившиеся на месте одноэтажной застройки, вспоминать старый город. В то время тротуар, заросший спорышам, проходил вдоль палисадников со всевозможными цветами. Карнизы и наличники окон домов были украшены резьбой по дереву. Между домами стояли высокие заборы с калитками и воротами. Вот такой облик был послевоенного Новосибирска.

Сегодня между дворцом культуры «Строитель» и улицей Ипподромской возвышаются развлекательный центр «Евразия», магазины Мария-Ра и Магнит. Между зданиями за высоким забором сохранилось несколько частных домиков, которые по каким-то причинам не снесли.

Улицу Ипподромскую пересек по мосту над глубокой выемкой, в которой по скоростной автодороге потоком спешили машины. Улица получила своё название от ипподрома, который открылся в 1912 году. В сороковые годы прошлого века вдоль улицы Ипподромской стоял высокий

деревянный забор, а вдоль улицы Гоголя его граница проходила за огородами частных домов. Жители могли со своих участков наблюдать за скачками. В шестидесятые годы ипподром перенесли на левый берег Оби. Его территорию стали застраивать пятиэтажными панельными домами, которые начал выпускать Домостроительный комбинат.

Дальше по улице Гоголя, между улиц Семьи Шамшиных и Каменской располагался Сенной базар. На нем продавали скот, сено, дрова и разные поделки, которые привозили сельские жители. Многие новосибирцы, в том числе и мои родители, держали коров. Они покупали сено на этом рынке.

За улицей Каменской, против центрального рынка, находился зоопарк. Он появился в 1942 году на небольшом участке территории автобазы. В нём разместили эвакуированных животных из западных областей страны, временно оккупированных фашистами. В зоопарке насчитывалось 34 вида млекопитающих животных. Это был первый зоопарк за Уралом. В 2000 году он переехал в Заельцовский район в живописную местность на кромке Заельцовского бора. В нём содержится более 10000 различных особей и более 660 видов животных. В том числе 120 видов, внесенных в Международную Красную книгу. Сегодня северную часть улицы против Центрального рынка занимают современные здания ТРЦ «Новосибирск»

и ТЦ «Юпитер». Раньше на этом месте находились гаражи автобазы.

Дальше до Красного проспекта тянулись одноэтажные деревянные здания магазинов и бытового обслуживания. По диагонали от Дома офицеров стояла парикмахерская с высоким деревянным крыльцом, в которой я часто подстригался. В 2009 году на пересечении аллеи Красного проспекта с улицей Гоголя установлен бюст классику русской литературы Николаю Васильевичу Гоголю, в честь которого и названа улица. Он написал несколько десятков знаменитых произведений. В том числе «Тарас Бульба», «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор», «Мертвые души» и многие другие.

За Красным проспектом до улицы Советской тянулась одноэтажная застройка. Здесь улица Гоголя заканчивается, переходя в улицу Челюскинцев. Вознесенский кафедральный собор за улицей Советской был самым высоким зданием среди частной застройки. Его купола были видны за несколько кварталов. Сегодня он утопает среди высоких каменных зданий.

За небольшой срок, чуть более полувека, улица Гоголя превратилась в широкую магистраль, застроенную красивыми современными зданиями.

Содержание

Вера
Депортированные
Потомок ссыльных
Потомок купца первой гильдии
Судьба грешника
Исторические встречи
Поездка в Югорию
Последняя встреча
По дедовским местам
Воспоминание
Билет в юность
Опалённые перестройкой
Муж с помойки
Судьба
Дробью раненный
Помолвка
Шутники
Музыкальная семья
Стирка
Упущенная любовь
Советский миллионер
Судьба Рэта
Первая любовь

Кайков Альберт Сергеевич

Исторические встречи

Повести и рассказы

Дизайн обложки – О. Г. Мыслин
Фотография на обложке – В. А. Иванов